

Д

В

ДАЛЬНИЙ
ВОСТОК

6

1976

Свежая почта

Фото А. Галушко

Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ХАБАРОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ 43-й

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

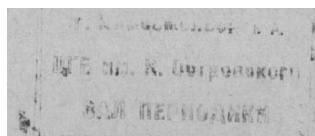
Геннадий Лысенко — «НА НЕТ ИГРУ ВООБРАЖЕНИЯ...», «СПЕЦОВКУ ПРИМЕРЯЮТ НЕ СПЕША...», «ЕЩЕ В ЦЕНЕ ЧЕРНОРАБОЧИЙ...», «КОМУ ЛИЦО — ЛИЦОМ...», «ОЛЬГА, МАСТЕР ОТК...», «ВСЕ ЯВСТВЕННЕЕ КРЫЛЬЯ НОЧИ...», «ГОРЯЧИЙ СНЕГ ЭЛЕКТРОСВАРКИ...», «ПОСЛЕ СМЕНЫ...», «ПТИЦЫ БОСЫ...», «КАК СОВМЕСТИТЬ ВЕСНУ С ЖЕЛЕЗОМ?...», «ОТ ПТИЧЬИХ ПРАВ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ГРЕХ...», «РОЯЛЬ БЕЗ НОТ...», «НА СЕРДЦЕ РУКУ ПОЛОЖА...», «ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ ДО ВЕСНЫ...», «КАКИЕ КУБОМЕТРЫ ВЫДАВАЛИ...», стихи	3
Владимир Коренев — ДЕНИСКА, повесть	7
Василий Балабин ЗАБАЙКАЛЬЦЫ, роман. Окончание	43
Арсений Семенов — «ЧЕЙ ЭТО ГОЛОС, КОГО-ТО ЗОВУЩИЙ?..», ВСЕ МНЕ СНИТСЯ РОДИНА СОЖЖЕННАЯ, КАК МАЛО НА ЗЕМЛЕ ЖИВЫХ СОЗВУЧИЙ, «ЗАВЕЗЛА МЕНЯ ТЕЛЕГА...», КАК КРАЛЮ УКРАЛИ, «НА КРАЮ ПОЛЯНЫ...», «КОЛОКОЛЬЧИКИ В РОСЕ...», КЕДРОВКА, ЗАВЕЩАНИЕ, стихи	87
Николай Ященко — НЕУТОМИМЫЙ РУССКИЙ МОЛОДЕЦ, очерк. Окончание	92

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

Николай Фотьев — ВЫСОКАЯ МЕРА, очерк	99
Владимир Долгодворов — КАРАНДИН, очерк	111

ИЮНЬ ● 1976

6

УГОЛОК КРАЕВЕДА

В. Яхонтов — ОСТРОВ ВЕРХОТУРОВА 119

НАУКА

А. Конопацкий — ЗА ПЕРВЫМИ АМЕРИКАНЦАМИ 124

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

А. Маслова — ГЛАЗАМИ А. П. ЧЕХОВА 132

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Д. Чирков — А ЦЕЛЬ — ВСЕГДА ВПЕРЕДИ	137
Ю. Бриль — НА ПУТИ К МАСТЕРСТВУ	144
Ю. Шпрыгов — ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ	146
Г. Бубнис — ДАТЫ И СОБЫТИЯ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ	148
А. Мамонтов — ПОЛЕЗНЫЙ ЕЖЕГОДНИК	150
Н. Митрофанов — ОБ ЭТОМ НАДО ПОМНИТЬ	151
А. Фетисов — ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	153
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ	155
КОРОТКО О РАЗНОМ	158

Главный редактор Н. М. РОГАЛЬ

Редакционная коллегия:

В. Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. М. ЕФИМЕНКО,
Н. Д. НАВОЛОЧКИН (зам. главного редактора),
В. Е. РОМАНОВ, В. М. САНГИ, П. В. ХАЛОВ.

Ответственный секретарь К. С. ОВЕЧКИН.

Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Н. А. Лызова. Корректор А. Е. Москвитин.
Адрес редакции: 680610, г. Хабаровск, Комсомольская ул., 80. Телефон 33-13-68.

Подписано к печати 27/V 1976 г. ВЛ 00225.

Бумага 70Х108/16. 5, б. л., 14 усл. печ., л., 16,31 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз.

Заказ № 460. Цена 50 коп.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.
Типография № 1 Краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

«Дальний Восток», 1976

* * *

На нет игру воображенья
сведу по следу вешних вод.
Я — на военном положенье,
как мирный
маленький завод.
И ночи — времени нехватка,
и праздник — срочные дела,
и повседневность,
словно скатка,
грудную клетку облегла.

* * *

Геннадий ЛЫСЕНКО

Спецовку примеряют не спеша.
И равнодушней жесткой упаковки
приемлет повзрослевшая душа —
в сравненье с робой —
прочие обновки.
Так входит в биографию завод.
Так начинают,
чтобы — все по росту
и по плечу.
А молот выдает
инструментальщик.
Это — вовсе просто.

* * *

Еще в цене чернорабочий,
и я без видимой охоты
слагаю тяжесть полномочий
поэта мускульной работы.
И с чувством —
вроде виноватый,
но неподсудный, как и все мы,
сдаю в музей кирку с лопатой,
изъяв из образной системы.

* * *

Кому лицо — лицом,
кому и — маской.
Григоруку с лицом не повезло:
он вечно хмур,
и никакой замазкой
чела не сгладить,
будто ремесло
ему не по душе
или квартира
всю жизнь стращала низким потолком —
трагедия на уровне Шекспира.
Дед добродушен,
даже с юморком.

И, несмотря на возраст пенсионный,
день изо дня является туда,
где печь гремит заслонкою трехтонной.
А это — не домашняя плита.

* * *

Ольга,
мастер ОТК,
словно статуя в халате, —
болтунам наверняка
года на три пиши хватит.
И в глаза, и за глаза,
и серьезно, и со смехом:
дескать,
что там за гроза
собирается над цехом?
Может, ветер перемен?
Может, ветер.
Но едва ли...
Вон глазищи, как рентген,
так и светят сквозь детали.
Бригадир плечами жмет,
брови гнет
и шутит даже,
что кронштейн — не пулемет:
из него, мол, не стрелять же!
Бригадир и так и сяк,
но уже улыбка смята,
а в наряде, как синяк,
лиловеет штамп возврата.

* * *

Все явственнее крылья ночи
перекрывают грани дней —
закаты ярче, но короче,
восходы дольше, но бледней.
И утром,
сунувшись под кран,
представить можно очень зrimо,
как в Ледовитый океан
вливается струя Гольфстрима.

* * *

Горячий снег электросварки
рятит в глазах.
Пусть первый снег
я проморгаю по запарке
Иль по вине припухших век.
Но и в мрачнейшем тупике,
где каждый метр металлом занят,
как в молодом березняке,
вдруг празднично и чисто станет.

* * *

После смены,
кончив дело,
натрудившись до упаду,
хорошо подставить тело
под струю тугой прохлады.

Это ж чудо — душевая.
На душе такой порядок,
точно рана ножевая
заживает меж лопаток.

А вода поет над ухом:
будь здоров,
ворочай горы.
И питает тело духом
сквозь очищенные поры.

* * *

Птицы босы.
Деревья голы.
Дождь и ветер.
А класс притих:
сверх программы вечерней школы
англичанка читает стих.
Англичаночка.
Сердце стало
лишь на миг,
но вокруг него
на оценку в четыре балла
стыдно сделалось от того,
что, отбухав восьмичасовку
пневматическим молотком,
я, с устатку, ишу уловку,
чтоб проплатить сей урок тайком.

* * *

Как совместить весну с железом?
Несовместимо,
но оно
напоминает свежим срезом
о том, что март уже давно.
А я уверовать готов
в любой намек,
пусть самый робкий.
Вон,
как веснушки,
У судов
сияют новые заклепки.

* * *

От птичьих прав отказываться грех —
они от неба...

Под веселый посвист
сшел туман
и солнце без помех
взойдет сегодня,
улыбнется то есть.

В такие зори верится с трудом —
какая ясность синевы высокой!
И первый гром — как будто космодром
за пару дней отгрохали за сопкой.

Деревья засучили рукава.
Я вспомнил все, чему меня учили
(Обязанности — проще, чем права).
В такое утро на автомобиле
старинной марки,
(был урок труда),
мы ехали с инструктором по полю,
и мне впервые выпало на долю —
сесть за барабанку.

Я любил тогда.
Теперь подругам помнится едва
о том, как безнадежно, мы любили.

Утеряны водителя права,
но птички есть!
И на сегодня — в силе...

* * *

Рояль без нот,
шкафы без книг,
ковры,
еще из Порт-Артура,
и зеркала,
и мой двойник
из них поглядывает хмуро...

Зашел
не то, чтоб невзначай,
не то, чтоб — в шкуре домоседа:
мол, мне понравится и чай,
и задушевная беседа.
Зашел,
чтоб знать наверняка:
и безобидность — лишь отсрочка,
коль у соседа — три замка,
глазок,
задвижка
и цепочка.

Так одиноко он смотрел,
ключами лязгал он так долго,
как будто прятал самострел,
с утра поставленный на волка.

И что тут скажешь?..

Скажет он,
да так, что вздрогнут перепонки!
За ним — всесильнейший закон
и визг взъерошенной болонки.
За ним — мещанства гладкий лик,
почти беззубый на портрете.
Рояль без нот,
шкафы без книг,
ковры,
замки,
ключи...
Но — дети!?

* * *

На сердце руку положа,
скажу,
развенчанный,
опальный:
грешит не тело, а — душа.

Под райской яблоней,
под пальмой, —
везде,
путем и непутем,
под жгучим солнцем,
под дождем,
во сне,
в работе,
на прогулке
безгрешна плоть.

И я — ломоть,
отрезанный от той же булки.

* * *

Всю вселенную до весны
журавли отдадут синицам.
Из запасов природной казны
надели меня, осень, ситцем.
Завяжу я погожим днем
горсть земли в лоскуточек неба,
и отправимся мы втроем
к той могилке,

над коей — верба;
над котою — ни креста,
ни надгробия,
ни ограды.
Есть там кустик —
с того куста
начинаются листопады...

* * *

Какие кубометры выдавали,
какое правосудье — без суда:
до выбора ли на лесоповале,
когда в дровах — первейшая нужда?

Как рощу, юность вырубил сплеча я.
Свалился снег на голову мою,
последние уроки получаю —

и никаких зароков не даю,
и никаких иллюзий не питаю.

За счет озимых будет вешним март...

Приход весны,
как лестница крутая,
взволнует кровь.
Но это — не азарт,
не безрассудство первого порыва, —
теперь шаги продуманы вполне,
и праздник предстоящего разлива
особых бурь не вызовет во мне.
Не вовлечет в стихию лесосплава.
Я предпочту крепленые плоты.

Как смысл присяги —
за строкой устава
стоит за мной сознанье правоты.

ДЕНИСКА

ПОВЕСТЬ

В крутой темени трубно прокричал на близких солонцах сохатый. А затем ударил копытом в землю, задрав кверху тяжелую голову, словно вызывал из-за гор солнце, и оно, услышав его зов, где-то там, в глубине гор, сдвинулось с места,— над зазубринами хребта проплыл блеклый и трепетный свет. Рождался новый день.

Это он когда-то прочитал в книжке о Дальнем Востоке. Красиво! А на самом деле ничего этого не было. Разбудило Дениску серенькое и холодное утро. И день предстоял обычный, каких у него было уже три здесь, на Байкало-Амурской магистрали. Потому не испытывал Дениска особого подъема.

Три дня как их эшелон прибыл на далекую станцию Вели, конечную станцию действующей трассы севернее Комсомольска, и Дениска уже кое к чему привык, даже к тому, что работать приходится не по специальности. Поначалу он даже повздорил немного из-за этого с прорабом Саней Архиповым. Когда Дениска высказал свое недовольство, Архипов как-то странно улыбнулся, не глядя в требовательные Денискины глаза, и сказал, что, если не нравится работа, можно гулять на все четыре стороны.

Единственная мысль, которая вызвала теплую улыбку у Дениски в это утро, была мысль о том, что на разнарядке он увидит Ирину. Это задержало его под одеялом совсем ненадолго, но оказалось вполне достаточным, чтобы вывести из равновесия бригадира монтажников Федора Лыкина. Лыкин ворвався в вагончик и наорал на Дениску. Но это тоже было делом обычным и на настроение Дениски никак не повлияло. Он уже знал, что Федор Лыкин добрейшей души человек, с единственной слабостью: любит ругаться. И не очень-то разбирается, есть для этого повод или нет. Дениска даже сделал ему замечание, но Лыкин ничего ему тогда не ответил. Дениска решил, что его замечание приняли к сведению, но жестоко просчитался. Напарник Дениски по работе, Лешка Шмыков, сказал, что горбатого исправит только могила. Впрочем, сам Лешка в этом отношении тоже не сахар.

И вот в утро этого дня все началось очень обычно, и ничто не предвещало каких-то коренных изменений или крутых поворотов в жизни Дениски Еланцева. Он так думал.

Подстегнутый Лыкиным, Дениска наспех оделся и уж совсем было собрался оставить вагончик, как взгляд его упал на стол, где лежало полученное им накануне письмо от матери. Письмо Дениска помнил почти наизусть, но не удержался и еще раз пробежал его глазами. Само письмо Дениске не нравилось, но, когда он читал его, ему чудился родной голос. Может быть, и сейчас, перед началом рабочего дня, Дениске необходимо было услышать его, и он прочел:

«Друг твой Андрей Рыбин ходит в институт. Студент, а держит-

ся, будто уже два диплома имеет. Спрашивал про тебя, говорит, что ты свалил дурака и сейчас, мол, такое время, что человек без высшего образования никому не нужен. Ну я ему, конечно, напомнила, что у тебя за десятый класс оценки намного лучше, чем у него. Просто мне стало обидно за тебя, сынок. Я знаю: ты у меня упрямец, если что поставишь перед собой, то уж не свернешь, пока не будет по-твоему. И я бы не переживала, не беспокоилась, будь ты поздоровее, покрепче и не такой суматошный. Сорвешь себя работой сейчас — всю жизнь будешь маяться, а уж я не прощу себе этого...»

Вот эти последние слова и не нравились Дениске «Слабенький, слабенький! И что это они взялись в один голос!»

Дениска Еланцев монтажник-верхолаз, и, конечно же, было до боли обидно, что после двух месяцев, проведенных на курсах при мостоотряде, Архипов дал ему и еще двум рабочим задание к обеду оборудовать столовую. Делать нечего, задание есть задание. И с Архиповым не поспоришь...

Первым делом они сняли с платформы и принесли в вагончик толстые в три пальца трехметровые доски, из которых предстояло сделать обеденный стол на двенадцать человек и лавки. Доски выбирал Федор Лыкин, и пришлось чуть ли не вверх колесами поставить платформу, пока нашли подходящие.

Свои брезентовые рукавицы — верхонки — Дениска вспыхах за был под кроватью, куда забросил их с вечера. Он в кровь изодрал руки и сейчас старательно прятал их как от Лыкина, так и от все-видящего, вредного на язык Лешки Шмыкова. Сбитины саднили, особенно мизинец на правой руке — его Дениска не успел убрать из-под доски, на которую вздумалось вдруг наступить Федору Лыкину. Мизинец распух и посинел. В самом кончике мизинца огненно билась боль, но Дениска только один раз, и то незаметно для товарищей, разрешил себе посмотреть на него, после чего решил никому рук своих не показывать — попреков не оберешься. Про себя же подумал, что ног-то каюк.

Доски легли от стенки до стенки вагончика, Федор отмерил, очертил карандашом по отметке и попросил Лешку подать двуручную пилу, а Дениску держать верхнюю доску. Доска кедровая, широкая, сырья и потому тяжелая. От мизинца дрожала вся Денисская рука, когда он приподнимал доску, чтобы не зажало в резе пилу. Дениска взорвал от боли и от усердия и, стиснув зубы, молча с нетерпением ждал, когда наконец Федор объявит перекур.

Владимир Владимирович Коренев автор повестей «В это самое лето», «Считай до десяти», «Красная рыба» и других. Он родился в 1939 году в Приморье. Окончил техническое училище, работал электрослесарем и журналистом, живет в городе Комсомольске-на-Амуре.

В. Коренев участник шестого всесоюзного совещания молодых писателей.

Федор Лыкин — кожа да кости, а выдержки и силы — бывает же так! — у одного на троих. Однажды Дениска спросил у Лешки Шмыкова:

— А что, Федор Степанович болеет?

Сам ты болеешь. У него здоровья — самый здоровый позавидует, — с гордостью сказал Лешка Шмыков. — Ручищи видел какие?

Но Дениска не во всем еще разобрался.

— А что же он такой худой?

— Он заводной, понимаешь? — растолковывал терпеливо Лешка. — У него сгорает весь жир, так и не отложившись. Это у некоторых кожа да сопли, понял? А у Федора кожа да мускулы!

Лешке лишь бы посмеяться. Но была в его словах и правда. Дениска сам уже не один раз дивился силе и выносливости Федора Лыкина, не умеющего и минуты прожить без дела. В дороге, пока гоняли их по запасным путям да в тупики ставили на отстой, Федор изнывал от безделья, мучился и другим покоя не давал. Как-то поднял Дениску и Лешку Шмыкова среди ночи, повел их по составу проверять растяжки и крепление техники на платформах и не отпустил до тех пор, пока не убедился, что все до одной растяжки надежны.

Клюев, начальник десанта, несколько раз брался его журиить, но Лыкин остался Лыкиным, из всего этого Дениска сделал вывод, что уж если что взбредет в голову монтажника, то войдет крепенько. И, что греха таить, Дениске Федор Лыкин нравился, и ему очень хотелось хоть немного походить на него. Но до этого, знал Дениска, было далеко. Наделила его природа упрямством, а вот росту мужского и силы не дала...

Федора Лыкина Архипов три дня назад назначил бригадиром. Если бы Дениска был на месте прораба, он, конечно же, поступил точно так же. Все-таки у Федора пятый разряд монтажника, а когда он работал на строительстве моста через Амур, о нем много писали в газетах, показывали по телевидению. Он мастер на все руки. Когда дорогой у одного из вагончиков загорелась букса и все на какое-то время растерялись, Федор взобрался на крышу вагона, на ходу поезда поверху пробежал к месту аварии и разъединил сцепку. Если бы загорелся от буксы вагон и огонь дошел бы до баллонов с кислородом — весь состав могло разнести в щепки. Когда Дениска сказал Федору, что ему полагается медаль за героизм, проявленный на пожаре, Федор лишь лениво отмахнулся.

«Конечно, — размышлял Дениска под чириканье пилы, — что ему медаль, когда орден есть». Дениска вздохнул и принялся мечтать о том недалеком времени, когда и сам заработает орден или медаль, отличившись на стройке.

Дениска так размечтался, что не заметил, как Лыкин отпилил доску и теперь смотрел с любопытством на него.

— Балдеет, — услышал он голос Лешки Шмыкова, — аж глаза закатил.

— Ну вот, — играя желваками, проговорил Лыкин и сурово заглянул в Денискуны глаза. — Работать так работать. А балдеть иди в другое место. Внял?

У Дениски вспыхнули щеки, он пролепетал чуть слышно:

— Я работаю.

— Работничек, — скривился Шмыков.

— Пусть за гвоздями идет, а мы тут без него справимся, — сказал Лыкин.

— Его только за смертью и посыпать. Я-то быстро бы обернулся, — предложил свои услуги Лешка.

Но Лыкин не послушал Лешка.

— Дуй! — сказал он Дениске. — Одна нога там, другая — здесь.

Дениска бросился выполнять приказание, но Лыкин остановил.

— Стой! Гвозди-то, знаешь, какие взять?

— Здоровые такие — рельсы к шпалам прибивать, знаешь? — спросил Шмыков.

— Костыли? — не понял Дениска Лешкиного ехидства.

— Во-во, штук сто...

— Не трещи ты! — досадливо оборвал Лешку Лыкин. — На сто шестьдесят. Ирке скажи, она знает. Дуй!

И Дениска дунул, скатился с высокой всходушки и чуть не налетел на мастера Черноиванова.

— Ты, что, ноги еще не ломал? — погрозил тот кулаком, поднеся его к носу оторопевшего Дениски. — По технике безопасности расписывался? То-то. Где Лыкин?

Дениска почему-то пожал плечами. Черноиванов устало махнул рукой на него. Дескать, что с такого возьмешь?

Склад размещался в последнем десятом по счету вагончике, в самом конце тупика, за которым сразу начиналась и простиралась до белых гольцов нетронутая тайга — сплошные ели и лиственницы, очень прямые и очень высокие. Ели сочно-зеленые, лиственницы — с прожетью, а березы с осинами — уже ярко-желтые.

«Осень, — подумал Дениска, изумляясь, — уже осень». И вдруг в его памяти прорезались сами собой слова:

Сивером на холоде
Обжигает желуди,
листья и кору.
Свищет роща ржавая,
жесткая, корявая,
в поле на юру.

Дениска вздрогнул, как в ознобе, задержав взгляд на холодно-бесстрастных, вознесенных к самому поднебесью вершинах Баджала, и, как завороженный, прочел, слабея голосом:

Ходят тучи с ношою,
мерзлою порошою
стало чаще дуть.
Серебрятся озими —
скоро под полозьями
задымится путь...

Долго стоял, нemo уставясь на тайгу и горы, вдруг очнулся, огляделся, будто пытаясь сообразить, где он и зачем его сюда занесло. Крутнулся на одном месте и понесся к складу сломя голову, высоко, по-мальчишески поднимая коленки. Но и на этот раз Денискин бросок не достиг цели. От дороги, с подножки седого от пыли КрАЗа, его зычно окликнул незнакомец:

— Эй, мил-человек, притормози малость! Где твое начальство?

— А кого вам? — почтительно спросил Дениска.

Он бы мог и не задавать такого глупого вопроса, но ему интересно было поговорить с новым человеком. И, пока незнакомец, твердо ступая, шел к нему, Дениска с любопытством его рассматривал. Шофер КрАЗа выглядел настоящим богатырем: высок, широкоплеч, большегрукий — под стать своему самосвалу.

— У меня кончилась горючка, — пояснил богатырь, подходя ближе и добродушно улыбаясь. — У вас какие машины?

— Разные, — сказал Дениска и только сейчас заметил, что лицо водителя и его белокурые волосы покрыты слоем пыли.

— А горючкой располагаете? — проследив за Денискиным взглядом и вытерев рукавом клетчатой рубахи лицо, спросил водитель. — Я выдохся, а гнать еще верст семьдесят.

— Вон в том вагончике Черноиванов, — показал Дениска, и в этот момент в дверном проеме показался мастер. — Вон он, — сказал Дениска и крикнул: — Иваныч! Иваныч! Идите скорей сюда, Иваныч!

— Спасибо, — сказал незнакомец и направился навстречу Черноиванову.

Дениска счел своим долгом остаться до конца гостеприимным хозяином, поспешил за ним.

— Вот, — радостно сообщил он мастеру, — человек остался без горючего. Надо бы как-то помочь, выручить из беды.

Но Черноиванов даже не посмотрел на него.

— Что у вас? — спросил он незнакомца.

— Кончилась горючка. Я пробил бак, а когда заметил, было уже поздно. Вы же знаете здешние дороги. Я из геологической партии, возил им груз, а на обратном пути врояхался... А вообще я с БАМа. Может, слыхали про межколонну?

— Понятно, — сказал Черноиванов, зорко всмотрелся в лицо незнакомца. — Ехали всю ночь?

— Как угадали?

Черноиванов усмехнулся:

— Глаза... Вы что-нибудь ели сегодня?

Водитель развел руками:

— Признаться, нет.

— Начнем с этого. Пойдемте.

— Мне нельзя долго задерживаться, — сказал водитель, — времени в обрез.

— Баком займется наш шофер. Доверите?

— Неудобно как-то...

— А как же вы поедете, не спавши? По нашим дорогам опасно...

Шофер пропустил вопрос, вроде не услышал, сам спросил:

— Вы из какой организации? Сейчас много сюда стекаются.

— Из мостоотряда. Мост через Амгунь будем строить.

— Значит, быть нам хорошими соседями. Мы в долгую не останемся, — он подмигнул Дениске, спросил у Черноиванова: — Ваш хлопец?

— Наш... В Корчагина играет. Ты чего здесь околачиваешься, Еланцев?

Пораженный, Дениска не знал, куда ему пропасть от охватившего стыда перед незнакомцем, стоял, заливаясь краской, и хватал открытым ртом воздух.

Шофер выручил Дениску:

— Я его попросил, Иванович. Он парень душевный. Сразу отклинулся.

Черноиванов понял, что хватил лишку, замял разговор. Дениска помчался без оглядки к складу, недобрый словом поминая мастера.

Откуда было знать Дениске, что десант мостоотряда лихорадило, командный состав нервничал. В том числе нервничал и мастер Черноиванов, так непочтительно отнесшийся к монтажнику, который болтался без дела в разгар рабочего дня.

Двадцать шестого сентября 1975 года, сдав в эксплуатацию свой последний объект — мост через реку Амур, мостоотряд номер двадцать шесть сформировал свой десант на другой объект БАМа. Де-

сант добирался железной дорогой до станции Вели, где железная дорога кончалась, а там встал на свои колеса и пыльной колонной двинулся дальше, к месту своего назначения — на Амгунь. На Амгуне за несколько месяцев нужно было сколотить жилой поселок, построить бетонный завод, отсыпать подъездные пути к будущему мосту через таежную реку, а весной выйти на воду — приступить к сооружению опор моста. Всю эту работу предстояло выполнить десанту, насчитывающему всего сто человек. А сроки отпускались крайне сжатые.

Откуда было знать Дениске, что начальник мостоотряда при утверждении плана работ на Амгуне пытался доказать высшему начальству нереальность сроков, ссылаясь на отдаленность, бездорожье и нехватку техники. Отряду пообещали подбросить эту технику в пределах возможного, но срок сдачи моста оставили прежним.

На станции Вели, где намечалось оборудовать перевалочную базу десанта, была оставлена небольшая группа монтажников во главе с прорабом Архиповым. Архиповцы временно заняли чужой тупик, чтобы встречать грузы, прибывающие с основной базы, и сразу стали готовиться к строительству своей разгрузочной площадки и к отсыпке тупика.

Каждой минутой надо было дорожить. Каждой парой рабочих рук. От маленького отряда во многом зависел успех всего десанта. Но откуда было знать все это Дениске Еланцеву!

В ту минуту, когда Дениска Еланцев мчался со всех ног к складу, туда же подошел высокий, с тонким бледным лицом мужчина и зло накричал на прораба Архипова. Он кричал, что у него скоро лопнет терпение «содержать дармоедов» каких-то мостостроителей. Пусть они сами на себя вкалывают, а не надеются на дядю. И что он через неделю, если мостостроители не выметутся из его тупика, самолично столкнет их под насыпь. Неделя, дескать, — срок немалый, и, если «варежку не жевать», а работать, вполне можно отсыпать свой тупик.

Прораб Архипов человек рассудительный. Он подумал, что с хозяином тупика спорить не стоит, лучше будет, если жить с ним в мире, потому самым искренним образом поблагодарил его.

Приложив руку к груди, с полупоклоном, очень теплым голосом сказал:

— Спасибо вам.

Хозяин тупика принял благодарность прораба за насмешку. Он злее прежнего посмотрел на него.

— Насмехаешься, значит? Чтоб через неделю духу вашего здесь не было! — Пожег Архипова глазами и ушел.

Дениска, слышавший весь этот разговор и возмущенный поведением хозяина тупика, подошел к Архипову.

— Плюй ты на этого гуся, Саня! — посоветовал он и смачно плюнул себе под ноги, как бы наглядно показывая Архипову, как он должен плюнуть. Но Архипов, всегда спокойный и сдержанный, вдруг взорвался и послал Еланцева так далеко, что Дениска, не поверил своим ушам. Он стоял, удивленный, раскрыв рот, и, не мигая, смотрел на Саню Архипова.

И тот сразу остыл, виновато улыбнулся и сказал, как показалось Дениске, невпопад:

— Ладно, закрой рот-то...

Дениска обиделся на Архипова, но тот этого даже и не заметил, спросил:

— А ты чего здесь околачиваешься? Делать нечего?

Втянув голову в плечи, Дениска пошагал прочь, но вспом-

нил, что шел за гвоздями в склад, к тому самому вагончику, около которого и встретил Архипова с хозяином тупика.

Дениска вприпрыжку пустился назад к вагончику-складу и, сно-ва наткнувшись там на Архипова, радостно сообщил:

— Я за гвоздями! На сто пятьдесят... — И осекся.

Архипов смотрел на него как на спятившего. Крутнул головой, будто ему нечем стало дышать, прохрипел:

— Ну и работников набрали!.. Откуда ты на мою голову взял-ся! Дай ему гвоздей, Ира, иначе он забудет, за чем пришел. А ты, умник, сказал он Дениске, — с гвоздями поосторожней! Чтобы ни одного лишнего, внял? Вот деятели!

Дениска нагреб из ящика гвоздей и поспешил покинуть склад, хотя в другое время обязательно бы задержался подольше и попро-бовал затеять разговор с кладовщицей Ирой, которая понравилась ему с первой встречи.

Ира — кругленькая, голубоглазая девушка — оказалась одна среди двенадцати молодых и крепких парней, конечно же, сразу стала центром их внимания и объектом трогательной мужской заботы, что совсем не нравилось Дениске.

Пока что в отношениях с Ирой ему страшно не везло. Но на по-тепление Дениска надежды не терял. В конце концов он завоюет Ири-но расположение.

Дениска очень жалел, что ему из-за малого возраста не удалось участвовать в сооружении моста через Амур, где многие из знакомых ему парней получили правительственные награды. Но и успокаивало то, что впереди по трассе БАМа мостов — только успевай перебра-сывать. Страй!

Он вспомнил, как начальник десанта Клюев, отбирая рабочих в группу, которая двинулась на Амгунь, даже не остановил на Дениске взгляда, будто Дениска был для него пустым местом. Вспомнил и поморщился насмешливо. Клюев еще ни один раз пожалеет об этом, и его еще будет мучить совесть. Дениска знал, что никакая работа, никакие трудности его не испугают. Он ждет этих трудностей и пре-одолеет их. Уж тогда-то он покажет, кто есть кто!

Но пока все складывалось не ах как здорово. А тут еще мамино письмо... И что она разволновалась? «Денис, милый, береги себя! Ты еще не так крепок, как твои товарищи, которые уже по несколько лет работают на производстве, привыкли носить тяжести и жить в палатках. Недавно мы смотрели фильм «Как закалялась сталь» про Павла Корчагина, как они строили узкоколейку. И вспомнили о тебе, нашем Павке...»

Вот уж совсем она не кстати о Корчагине... Дениска уснул, сва-лившись от усталости, письмо упало, а его прочитал всем ребятам Лешка Шмыков. Теперь в вагончике над Дениской тихо посмеивались. Корчагин! Дениска ничего бы не имел против, но все дело в том, что, называя его так, парни вкладывали смысл, прямо противоположный... истинному.

Размыслия об этом, Дениска вздохнул и поднялся в вагончик. Его уже ждали и сразу накинулись с упреками.

— Ты где это пропал? — зло спросил Федор Лыкин.

А Лешка Шмыков фыркнул и, конечно, съязвил:

— А ты, что, забыл, куда его посыпал? Для него — самый момент поволочиться. Ну, рассказывай, как там Ирочка, цветет?

Денис решил подыграть Лешке и выставил вперед большой палец.

— Вот! Что надо! Закачаешься...

И Лешка аж подпрыгнул:

— Ну, а я что говорил? Я ж сразу сказал: он играет там шуры-муры. А здесь — работа стоит, — резко меняя выражение лица, обратился он к Дениске: — Слушай, ты... Если и дальше ты так работать думаешь — лучше сразу скажи: так, мол, ребята, и так. И катись ко всем чертям собачьим.

— А ты что за командир выискался?

— Ладно вам, сцепились, охламоны, — вмешался Лыкин. — Давай гвозди, что ли, стоишь, рот разинул, — прикрикнул он на Дениску и резко вырвал у него из-под ног доску. — Работать надо!

Дениску кинуло в жар, стараясь удержать равновесие, он качнулся в одну-другую сторону, выронил гвозди, хорошо — уцепился за перегородку — устоял. Лешка Шмыков хохотал, схватившись за живот.

«Да что ж это такое? Что же такое? — забилось в голове Еланцева. — Ну, что я им плохого сделал? За что они со мной так?»

И худо стало Дениске, так худо, что он больно закусил губу. Лыкин выручил его:

— Подержи-ка, — сунул ему в руки край гладко оструганной доски. — А то придет Архип — раскричится. Тут делов-то... Пришивай.

И только они покончили со столом, в вагончик влетел Архипов:

— Сделали?

— Стол сделали, — сказал Лыкин, — скамейки осталось.

— Стоя поедим — не баре... — Архипов помолчал, окончил мрачно: — Давайте на тупик все. Берите на складе лопаты — и вперед..

— На тупик так на тупик, — проговорил Лыкин, собирая инструмент. — Гонят небось?

— Прилетел, псих, разорался. Да фиг с ним, отсыплем свой, — ответил Архипов.

— Отсыплем, — сказал Лыкин. — Визирку пробили?

— Очнулся! Стрыгин там целый аэродром откатал.

Стрыгин — бульдозерист, похожий на негра, — на черном закоптелом лице лишь глаза да зубы белые. Его выпросил Архипов чуть ли не со слезами у Клюева. И сейчас не нарадуется на Стрыгина. Стрыгин, действительно, находка для него. Ас! Так развернуться, как развернулся за два дня Стрыгин, вряд ли еще кто сможет. И не потому, что у него мощный бульдозер, а дело в том, что Стрыгин работает с умом. Так, будто он и его машина — одно целое. Дениске так думается. Стрыгин, громоздкий, жилистый, костистый, руки у него большие, как рычаги, и что бы бульдозерист ни надел, рукава оказываются коротки. Еще поразило Дениску в Стрыгине то, как тот съехал на своем бульдозере с платформы по спаренным узеньким шпалам, пристроенным вместо сходней. Ему не кричали «левее-правее, стоп, назад, потихонечку», как это было с другими водителями, он спокойненько примерился, прицелился и скатился вниз так, будто всю жизнь только тем и занимался, что выделявал разные опасные цирковые номера на своем бульдозере.

Еще раньше, в эшелоне, Стрыгин понравился Дениске своей рассудительностью и спокойствием. Да вот хотя бы когда эшелон добрался наконец к Березовому, и они, выскочив из вагонов, увидели прямо перед собой высокие белые купола Буреинского хребта, все так иахнули:

— Вот это да-а!..

А Стрыгин пожал плечами и спокойно сказал:

— Ничего особенного. Высота приличная, только и всего. — Прицелился, сощурив один глаз, определил: — Тысяча шестьсот, не меньше. Снег там круглый год, наверное.

За два дня Стрыгин на своем бульдозере снял дерн с участка, от-

веденного под тупик, расчесал его и сейчас елозил по кучам щебенки, стараясь выстроить подобие полотна.

Архипов махнул ему рукой: стой, мол.

Стрыгин приглушил двигатель, высунал голову из кабины.

— Волода! Давай-ка к железной дороге, — крикнул ему Архипов. — Начинать будем.

Стрыгин махнул рукой, наддал газу: бульдозер крутнулся на месте, задирая тяжелый нож, и попер к поблескивающему рельсами полотну железной дороги. Мощные руки бульдозериста летали над рыхчагами.

«Что же это мы стоим, ворон считаем? Кого ждем?» — подумал Дениска и подступился к Лыкину:

— Приступим? Чего стоять? Стоим и стоим...

Лыкин равнодушно отвернулся. Архипова близко уже не было, куда-то по делам убежал, и потому Дениске ответил Лешка Шмыков:

— Приступай.

— А вы? — растерялся Дениска.

— А мы подождем.

И пять человек с лопатами чего-то ждали. Монтажник Карчуганов, здоровенный малый, с косым разрезом глаз и азиатской бородой, делающей его, и без того хищное, лицо разбойничьим, сидел прямо на насыпи и с глубокомысленным видом, взяв в руки бульдозер, стукал их друг о друга так, что от них сыпалась белая крошка. Другой монтажник, — Дениска знал, что в отряде его все зовут почему-то «Некий Патрин», — ходил взад-вперед вдоль насыпи, заложив руки за спину, и смолил сигарету. Вначале, когда Дениска пришел в мостоотряд, он так и думал, что у Патрина такое необычное имя — Некий, но скоро выяснил, что законное имя у Патрина — Петр, а почему Некий — так и не узнал. Спросить же у Патрина не решался по той причине, что Патрин ходил вечно хмурый.

Когда строили мост через Амур, Дениска читал в газете очерк с красивым названием «Звезды над Амуром», о знаменитой бригаде монтажников-верхолазов Ставицкого, и там больше всех говорилось о Патрине и называли его не иначе, как бесстрашным. Вот с какими людьми довелось ему ехать строить мосты БАМа!

На Дениску нашло благодушное, теплое такое настроение, мысли хорошие. Даже про этого язы — Лешку Шмыкова — он думал сейчас хорошо, как вдруг Шмыков хлопнул его по плечу.

— Уснул, что ли?.. Айда! — оборвал он мысли Еланцева.

Оказывается, все уже шли к перемычке, где рокотал бульдозер Стрыгина, даже Карчуганов поднялся незаметно и теперь с лопатой на плече шел рядом с Федором Лыкиным. Выходит, только Лешка Шмыков и догадался окликнуть его, Дениску.

Он сразу же проникся к Шмыкову благодарностью, отметив про себя, что Лешка вообще человек хороший, честный и что Федор Лыкин, прежде чем что-то сделать, всегда с ним советуется.

— Устал? — спросил Шмыков, как-то уж чересчур заботливо.

— Не, задумался. — Дениска нахохлился, копируя походку Архипова, старательно зашагал в ногу со Шмыковым. — Лешк, а ты знаешь, почему Патрина зовут Неким?

— Длинная история, — отмахнулся Лешка, потому что и сам-то, манерное, толком не знал, почему пристало к Патрину такое прозвище.

И вдруг Лешка сказал:

— Зря я сюда приехал. И зачем мне это нужно было — сам не пойму — грязь месить?

— Это как — зря? — удивился Дениска. Подумал он, что Лешка что-то гнет из себя перед ним.

Но Лешка подтвердил, хмуря брови:

— А что хорошего здесь? Не по моему характеру — от цивилизации слишком далеко оторвались. Я этого не люблю. Не в моем характере, — вдруг прищурился хитроще, взглядывая на Дениску: — А ты по идейным соображениям, хочешь сказать, приехал? По призыву...

— Да, — железно сказал Дениска. — По призыву.

Лешка Шмыков качнул головой, издевательски ухмыльнулся:

— А ты и впрямь... — Лешка хлопнул ладонью себе по лбу, — вертанный.

Но Дениска на это ничего не ответил. Ему до сих пор казалось, что Лешка затеял разговор только для того, чтобы посмеяться над ним. Но вдруг понял, что не смеется Шмыков, и спросил:

— Ты, что... не бежать ли задумал, Лешка?

Тревожно ему стало и тоскливо. А Шмыков сказал до обидного просто:

— Нет, дурак я, что ли? Посмотри-ка, похож я на дурака?

— А чего же тогда мозги мне полошешь? — рассердился Дениска.

— А я не полошу, правду сказал. Только бегать не в моем характере. Натура у меня цельная, понял? Но промашку я дал. Это я тебе говорю — доверяю. Понял?

Дениска не знал, что ему ответить, и некоторое время они шли молча.

— Денис, — первым заговорил Шмыков. — Так это... что кладовщица-то делала? Ты начал, да что-то недорассказал... Небось был кто там?..

Замедлил Лешка Шмыков шаг, зыркнул на Дениску и тут же сделал равнодушный вид, зачем-то на горы дальние стал глядеть. Заметил:

— Дождь, что ли, глянь, собирается? Вот еще: не было печали. Небось Архип торчал, а? Как же — командир производства!

И столько обиды было в его голосе, столько зависти, что Дениска неожиданно для себя соврал:

— Не было Архипа.

— А кто был?

— Одна она была.

— Честное слово? — Лешка ухватил Дениску за рукав спецовки.

— А зачем ты спрашиваешь, если не веришь? — спросил Дениска. — Одна она была. Я пришел...

— А ты что там долго возился?

— Что ты ко мне пристал? — рассердился Дениска. — Значит, нужно было.

— Ух ты!.. Псих! — только и нашелся что ответить Шмыков: уже близко были монтажники, а Лешка не хотел, чтобы кто-то слышал их разговор. Кто знает, как дело обернется, а разговоров не обещался.

— Ша, — предупредил он Дениску. — Захлопнишь, жених!

На действующей линии уже стояла платформа со звеньями, к ней мостился автокран, и взопревший Архипов махал руками крановщику:

— Еще, еще сдай, Иван!

— Еланцев, — подошел к Дениске Лыкин, — валяй на кухню. Поможешь Ирине воды принести, картохи почистить, дров, печку, копроче — как распорядится. Главное — обед. Задача ясна?

Этого-то уж никак не ожидал Дениска. У него аж горло перехватило от обиды, он не мог и слова сказать. А монтажники уже обступили платформу, и четверо полезли наверх, куда крановщик подвел длинную стрелу с крюком и свисающими с него стропами.

Сейчас они начнут укладывать звенья на насыпь, монтировать путь под тупик, а он...

— Валяй, — услышал Дениска, — некогда нам тут рядиться да рассусоливать.

«Вот так, — мрачно размышлял Дениска на пути к столовой. — Значит, картоху чистить! Это, значит, магистраль, да? Как выпадает настоящая работа, так Еланцева по боку. Они, что, за дурачка меня считают?»

Правда, в столовую его послали первый раз — до сих пор обедать ездили в поселок в леспромхозовскую столовую, но Дениска был так зол, что ему было не до справедливости, а мысль, что кому-то все равно нужно помочь Ирине с обедом почему-то даже и не возникла. Равно как и та, что ему предоставили возможность быть рядом с Ириной, о чем он давно и тайно мечтал.

И так получилось, что дорогой успел Дениска возненавидеть столовую. А Ирина, напротив, его приходу обрадовалась, назвала его молодцом и сразу же навалила столько дел, что Дениска стоял, не зная, с чего же начать.

— Чего же ты стоишь? — спросила Ирина, быстрыми пальцами завязывая тесемки фартука.

— А что делать? — спросил он, часто моргая от волнения, охватившего его.

— Как что? — Она удивленно распахнула синие глаза и так, будто видела его впервые после долгой разлуки, осуждающе протянула: — Дени-ис-ка-а!

Он покраснел, засуетился, кинулся к печке, к пустым эмалированным ведрам, стоявшим на столе, и налетел на мешок с картошкой. Сзади заливишись, но совсем не обидно рассмеялась Ирина:

— Дениска, ой не могу!.. До чего же ты неуклюжий! — попридержала смех, поднимая вверх высокие брови, спросила: — Или меня стесняешься? — Полные руки кругло вскинула над головой, стала заправлять под платок выпротившиеся волосы, не спуская с Дениски лукавого взгляда. Вздохнув, сказала, как показалось Дениске, с сожалением:

— Времечко-то идет — работать надо. Сбегай за водой, Денис.

Он подхватил ведра, колобом скатился по всходнушке — жарко ему: ну и глаза у Ирины! А руки вскинула — обалдеть можно!

Встрихнув головой, словно на крыльях понесся он тропкой к елям, размахивая ведрами и подпрыгивая. Но вдруг вспомнил, что его могут увидеть со стороны, приструнил шаг, принял деловой вид, зашагал широко, но неспешно. Оглянулся. Близко никого не было — за вагончиками на желтой насыпи у самого полотна действующей дороги около платформы и крана виднелись маленькие фигурки да взревывал оранжевый бульдозер Стрыгина, пуская кверху синие клубочки дыма.

И снова захлестнула Дениску обида — вспомнил, как с ним обошли.

К ручью он подошел и вовсе в плохом настроении. Глянул вверх-вниз по течению, высматривая место поглубже, чтобы можно было зачерпнуть ведра пополнее, обошел куст разросшейся ольхи, высоко по-журавлиному поднимая ноги. Без черпака не обойтись. Надо возвращаться. И Дениска пошел назад, к столовой, но вдруг чуть ли не бегом вернулся к ручью, оставил на берегу ведра, вошел в воду и,

пересиливая загоревшуюся с новой силой боль сбитых рук, принялся выгребать на дне углубление. Камни так и летели в разные стороны, вода обжигала кожу, ломила суставы, сделалась такой мутной, что Дениска испугался даже.

Дожидаясь, когда осядет муть, он глянул на свои сбитые в кровь руки. Сейчас они сочились сукровицей, а мизинец еще больше распух и посинел.

«Ноготь слетит, — снова подумал Дениска без сожаления, потому что вода в его котловане стала совсем светлой и видно было дно, устланное разноцветными камешками. — Черт с ним!» — заключил бесшабашно он, схватил ведра и лихо зачерпнул по краю одно за другим из ручья.

Тропкой шел легко и свободно и особенно легко пошел, когда, случайно глянув на окно столовой, заметил там Иринино лицо.

От входа он с улыбкой, ожидая похвалы, посмотрел на нее и радостно сообщил:

— Вот и вода! — и поставил ведра около ее ног с таким видом, будто это была вовсе и не вода, а Вселенная.

Но Ирина на его улыбку не ответила.

— Дольше нельзя было?

И он правильно понял, что это — укор.

Дрова Дениска рубил зло и упрямо, с ожесточением засовывал занозистые поленья в топку печи и, растапливая печь, с каким-то непонятным даже самому себе злорадством поднес к стружке зажженную спичку. Через минуту в топке гудело так, будто печка хотела взорваться от напора огня, а он незаметно косил глаз на Ирину. Но Ирина была поглощена чисткой картофеля и меньше всего тревожилась за печь. Пока она чистила картошку, экономно срезая кожуру, Дениска еще два раза сбегал за водой к ручью, демонстративно, с шумом выливая ее в большой зеленой эмали бак. Наконец бак был наполнен, обида сама собой прошла, и он спросил у Ирины, что бы ему еще сделать.

— Управился? Вот молодец! — похвалила его Ирина. — Ну, Дениска! Ну, Дениска! С таким мужем не пропадешь! И где себе раздобыть такого?

Дениска хватил открытым ртом воздух, поперхнулся и постыдно раскашлялся, да так сильно, что Ирина испугалась и принялась бить по его спине ладонями. И все спрашивала:

— Не прошло? Не прошло?

В это время и заглянул в столовую мастер Черноиванов:

— За что ты его так? — спросил он. — Пристает небось?

— Да ну, что вы! — удивленно воскликнула Ирина. — Куда ему! Он же совсем мальчик!

Мастер Черноиванов рассмеялся, а Дениска от стыда покраснел, как рак.

— Обед будет? — спросил Черноиванов, смирив свой смех.

— Да уж постараемся, — сказала Ирина. — Без обеда не оставим.

— Давайте-давайте, — подбодрил Черноиванов и дружески похлопал Дениску по плечу. — А ты будь мужчиной, Еланцев, и не теряйся! Действуй по обстановке.

И ушел.

Дениска смотрел в окно, как он косолапит, направляясь к тупику. Смотрел не потому, что Черноиванов так уж заинтересовал его, а потому, что не хотел смотреть на Ирину. Не мог. Только она сама к нему подошла:

— Ты чего, Дениска, обиделся? Обиделся, да?

— А чего обижаться? — глухо проговорил Дениска. — И вовсе не обиделся я, у меня, как у всякого человека, гордость есть.

— Ух ты! Оказывается, ты гордый, а я и не думала!

— Вот. А следующий раз думайте, что говорите, — суроно проговорил Дениска. — Я же...

И осекся — на плечах почувствовал ее руки, и ее голос горячий у самого уха:

— Ну не обижайся, Денис. Я буду думать, если ты так хочешь... Хочешь я... я тебя поцелую? — И он ничего не успел ответить, как почувствовал, торкнулись ее губы в шею ниже уха. И все: никакого кружения в голове, и вагончик-столовая не перевернулся, и сам Дениска как стоял, так и остался стоять на ногах, причем так же крепко, как стоял обычно — все осталось на своих местах. И только единственное, что оказалось необычным: от того места под ухом, куда коснулись ее губы, пролилось по телу дрожкое тепло. Чудно: Ирина сама поцеловала его!

А потом он быстро и четко выполнял то, о чем она его просила, и они смеялись по всякому пустяку, и Дениска, счастливый, уже готов был идти за своей любимой на край света, защищать ее от любых врагов. И многое ему чудилось другое, о чем он бы никому и никогда не сказал, даже Ирине, потому что и сам-то краснел от этих мыслей, и ему становилось жарко. Чтобы охолонуть немножко, он схватился за ведра, стягивал к ручью. Несся по тропке пурпур, сияя от радости и ничего не замечая вокруг, и того, что день изменился, солнца нет и в помине, а тучки, что еще утром заметил над горами Лешка Шмыков, расползлись по всему небу, стало темно и нудил мелкий въедливый ситник.

Нет, что ни говорите, а мир прекрасен и удивителен!

А дождь разошелся не на шутку — зацокал, зацакал по пустым ведрам, зашуршал по жухлой листве все чаще, все сильнее.

Монтажники завалились в столовую мокрые и злые, загаддели, ругая на чем свет стоит дьявольскую погоду, задымили было, но Ирина шикнула на них — и они столпились у входа, докуривая сигареты.

Лешка Шмыков приклеился к Дениске:

— Ну, как дела, Корчагин?

— А, иди ты... — лихо и непривычно для Лехи отпарили Дениска. Да и что ему Лешка Шмыков? Бог ты мой, он только и умеет насмешничать.

А тут и другие монтажники стали подходить.

— Что там на обед сварганил, Денис?

И тянули носами:

— Вкусна-а! — И гадали: — Борщ, а?

Стрыгин повел носом.

— О! Есть чем заправиться! Чует мое сердце — есть.

— Иди хоть руки помой, горе луковое! — укорила; его. Ирина... — Еще и за стол с такими руками сядешь!

— А чего садиться, если скамеек нет? — зацепился. Лешка. — Мы уж стоя!

— Бедненькие какие!

— Хватит балаболить — мечи на стол! — прогрохотал. Лыкин и сунул пустую чашку Ирине: — Валяй две порции!

— И в дождь, что ли, пойдете? — спросила Ирина.

— А что нам дождь? Дождь — несознательный элемент. Давай, мать, не тяни резинку! Жрать хочца!

Ирина налила по краю в его чашку и кусок мяса положила. Лыкин осклабился довольно, потянул руки, но Ирина ловко обошла его:.

— Алексей!

И вручила чашку Лешке Шмыкову. Лешка такого хода не ожидал, понесясь к столу пулей.

Лыкин подступил к Ирине:

— Это ты чего фокусничаешь?

— А то! — И, пристав на носки, попыталась поверх чубатых голов отыскать Лешку: — Как борщ, Леша?

— Блеск! — радостно орал Лешка.

Этого Денискастереть уже не мог. Вылетел из столовой на вольный воздух, завернулся за вагончик, притулился к задней стенке — и расслабился там, скрытый от чужих глаз. Никого не хотел он сейчас видеть да и, чтобы другие видели его, не хотел. Кому захочется выставлять напоказ свое горе?

И погода плакала. На небе беспроблемно, гор не видно — там плавает туман. Тайга — насыщенные брови, кругом стеклянятся лужи, и тихо, глухо вокруг, только слышно, как хлюпает по брезентухе да по окатистой крыше вагончика дождь.

Дениска вспомнил водителя КрАЗа, подумал, что тот сейчас где-то в дороге, дождь закрапал ветровое стекло и пришлось включить «дворник». Он тикает, как часы. А может, КрАЗ засел где-нибудь. Мало ли что... Но лучше бы повезло шоферу, думает Дениска, он целую неделю мотается по дорогам, и спит, и ест в кабине.

И вдруг острая зависть к водителю кольнула Дениску: уж его-то никто не назовет бузотером! Или пусть Черноиванов попробует назвать так Лыкина. Не посмеет — духу не хватит: Лыкин монтажник что надо. Они работают так: себя не жалеют. Надо — значит надо, и на том конец. Дениска тяжело вздохнул. «А меня в столовую сунули — тоже надо, говорят». Только его не спросили, хочет он или нет работать в столовой, когда все надрываются на тупике, и от этого обидно было непереносимо. «Не считают они меня своим. Не дорог! Вот что...»

Карчуганов, воровато огляделся, завернулся за вагончик, привалился к стенке, да отпрянул — увидел Дениску.

— Денис?! — Вздохнул облегченно: — Фу, дьявол, напугал!

Сделал свое дело, подошел:

— А чего мокнешь-то? — Догадываясь, свел сурово брови: — Обидел кто? Ну, говори — любому голову сверну. Леха?

Кулаки сжал, бороду подключил снизу тычком, сузил глаза в гневе.

— Нет, — опасаясь за Лешку, заторопился Дениска, — обидно мне. Просто обидно, понимаешь? Меня же в столовую сунули.

— Понятно... Не хочешь, — замолчал Карчуганов глубокомысленно, посмотрел на Дениску: — Ясное дело...

Постояли, сгорбившись, под дождем, подумали. Вдруг Карчуганов облапал Дениску за плечи, решительно потянул за собой:

— Айда к Лыкину!

— Да Лыкин при чем? — заупирался Дениска, но Карчуганов, кажется, и не слышал его, втянул по всходнушке, торкнул дверь ногой. В столовой тяжело подступил к Лыкину:

— Ты скажи, Федор, парня в столовую запряг, а его желание спросил?

Лыкин, не глядя на него, усмехнулся криво, равнодушно спросил:

— Может, ты имеешь желание заменить его?

Монтажники хохотнули, уставились ожидающие на Карчуганова.

Тот косанул горячими глазами по их лицам, остановил на Лыкине, играя желваками, спросил:

— Что ты за идиота меня принимаешь?

— Глупости, — равнодушно и совсем не замечая его взвинченности, проговорил Федор Лыкин. — Глупости городишь, Харитон, несешь всякую чепуху. Да я потому и поставил на кухню Дениса, что тебя можно вместо маневрового паровоза использовать. А он... сам знаешь... малёк. Да и успеет еще навкалываться, поимеет такое удовольствие.

Карчуганову, видно, понравился ответ бригадира, он спокойно заявил:

— А человеку обидно. Ведь обидно, Денис? Скажи! Несправедливо.

— Несправедливо, — сказал Дениска.

— Продумать этот вопрос надо, — вмешался Лешка Шмыков, — график ввести. А одному все время ясно — хреново.

И все с ним согласились:

— По справедливости надо, — буркнул и Некий Патрин. — Денис не козел отпущения.

Лыкин пошевелил бровями, зачем-то потрогал сухие свои щеки и в полном молчании объявил, что здесь надо еще подумать. Все охотно сказали «конечно» и повалили за Лыкиным.

Их сменили Архипов и Черноиванов. Архипов, войдя, пожаловался на дождь:

— Насквозь проклювал, зараза! — и, придерживая локтем дверь, выжал за порог белую лыжную шапочку.

Черноиванов стянул с тугих плеч мокрую кожанку, остался в свитере, крепко ступая, прошелся вдоль стола, сцепив в замок, с силой потирая влажные руки, вспомнил:

— Умывальник сюда нужно, Саня, полотенце, мыло.

— Много чего нужно, — сказал Архипов. — Больше, чем до черт: тупик наладить и перекочевать, два домика щитовых собрать, а то придется зиму в этих вагончиках кукарекать. Бр-р... Как вспомнишь, так вздрогнешь! Мы на Воркуту трассу вели, Кослань — Воркута. Зона вечной мерзлоты, морозы за сорок, а мы в таких вагончиках. А то Абакан — Тайшет. Удохнешь!

— А где — там?

— На станции Кошурниково.

— Слушай, вот не повезло мужикам!.. Изыскатели... Их, кажется, трое было.

— Кошурников, Журавлев, Стофато.

— И все трое погибли...

— Да, — Архипов тяжело вздохнул и принял ложкой помешивать парящий борщ.

Дениска не сводил с него глаз — Архипов все больше ему нравился, и потом эти изыскатели...

— А что они искали? — вырвалось у него.

— Трассу для железной дороги, как раз сейчас проходит линия Абакан—Тайшет. В сорок третьем... — Архипов, сложив губы трубочкой, остужал в ложке борщ, помолчав, взглянул на Дениску. — Историю нужно знать — крепче чувствовать себя будешь. Дерева без корней не бывает. Добавь-ка, Ирина! — и, принимая от нее чашку, похвалил: — А борщец получился — что надо!.. Ты отправил своего подопечного? — неожиданно вспомнил Архипов утреннего гостя — водителя КрАЗа. — Накормил, заправил — все как полагается?

— Парень сказал, что теперь на трассе мостостроителям почет и уважение обеспечены, — с гордостью сообщил Черноиванов. — Мужик что надо. Целую неделю один по тайге крутил. Двое последних суток

не спал — какой-то срочный груз в мехколонну везет. Вначале, когда я за стол его пригласил, отказывался, а как сел, Ирина свидетель, булку хлеба умял за милую душу — проголодался, отошел, аж черные круги под газами.

— Они, что, насыпь отсыпают?

— Ну да. Говорят, ребята подобрались что надо. На трассе порядок, законы суровые. Если в дороге не помог товарищу — лучше заранее ноги в руки и ходи-гуляй с трассы, — все одно не простят. А хлюпики сами уходят — не выдергивают.

— Самые человечные законы, — раздумчиво произнес Архипов. — Иначе, если не помогать друг другу, нечего здесь делать. В одиночку — пустое дело. БАМ не поднять.

Дениска, навострив уши, слушал разговор начальников, вспомнил добродушного богатыря водителя, его по-мужски красивое лицо, громкий уверенный голос. Улыбнулся своим приятным мыслям.

— Кстати, — сказал, оборачиваясь к нему, Черноиванов, — тебе огромный привет, хлопец. Он хотел с тобой попрощаться, но ты куда-то исчез. Ты это умеешь.

Он еще в чем-то хотел обвинить Дениску, но Архипов спросил у него:

— Твой пацан пошел в школу?

И о Дениске забыли.

— Ох, не говори, — рассказывал Черноиванов. — Важный такой ходит, с портфелем, чуть ли не спать с ним ложится. Умора! Нет, представляете себе: спать ложится — и портфель под одеяло.

— Не иначе министром будет, — хохотнула Ирина.

— А что, — серьезно заявил Черноиванов, — он у меня парень башковитый!

Архипов опростал чашку, поднялся — серьезный:

— Ну что, Иван Петрович, поплюхали? — и, натягивая брезентовую куртку, вспомнил о Дениске: — Так, Ирина, тебе еще нужен помощник? А то у нас на тупике рук лишних нет.

Дениска зыркнул на Ирину и встретил ее взгляд, она закраснелась:

— Так чего ж он под дождь?..

Черноиванов с Архиповым переглянулись, разулыбались. Архипов махнул рукой:

— Ладно...

И словно пришел Дениску к полу.

— Нет! — крикнул Дениска. — Я не останусь!

Бросился к вешалке, схватил свитер, брезентовую куртку, принялся натягивать на себя.

— Я тоже пойду.

— Управишься здесь — приходи, — уже с порога сказал Черноиванов и плотно притворил за собой дверь.

Тихо стало. Дениска так и не успел брезентуху надеть — один рукав болтается пустой, свисая до пола.

Ирина притихла у стола. А в Дениске копилась сердитость на нее. И чего лезет человек? Что же теперь он так и будет около печки топтаться? Да?

Он решительно и резко вдел вторую руку в рукав брезентухи и, не оборачиваясь, заявил Ирине, что уходит.

— По-твоему, пусть все голодные будут? Пусть останутся без ужина? Да?

— Пусть!

И Дениска громко хлопнул дверью.

Дождь усилился, сгустился, тончайшим бисерным занавесом закрыл горы и дальние деревья. Под ногами уже вода хлюпала, глина стала вязкой и скользкой. Дениска два раза чуть не упал — разъехались ноги, — но продолжал идти, не пряча лица от струй дождя, упрямо набычившись, и вид у него был решительный и непреклонный.

«Это ведь надо! На кухню заперли!»

Сейчас Дениска был весь с головы до пят — каждая клеточка его тела — упрямство, несгибаемое, необоримое. Он знал, что готов сейчас преодолеть любые трудности, что для него сейчас нет ничего невозможного.

Он подлетел к Лыкину, и здесь его запал немного приутих. Лыкин и еще четыре монтажника укладывали на насыпь звено — рельсы, прикрепленные к шпалам. Лыкин рукой отдавал команды крановщику, а парни, уперевшись в насыпь, старались направить звено так, чтобы оно точь-в-точь легло к другому звену. Парни надували щеки, пыхтели, по их лицам тек пот, смешанный с дождем, ноги скользили.

— Еще, — кричал Лыкин, — еще! Леха, нажми-ка свой край! Ну чего ты там? Еще, говорю!

А Лешка упирался что было сил, аж лицо его перекосилось до незнакомости, ноги дрожали и скользили по насыпи, но Федору Лыкину все было мало.

— Ну чуть-чуть, Леха! Чуть!..

И Дениска бросился со всех ног к Лешке на помощь, ухватился за шпалину, уперся покрепче, натужился так, что все тело запело, как натянутая струна, и почувствовал: пошло звено!

— Береги ноги! — крикнул Лыкин — и крановщику: — Майна, майна, Ваня! Держи так, ребята! Майна, Ваня!

Звено с хрупом, но плавно опустилось на насыпь, легло, придавливая грунт, — и рельс к рельсу, тик в тик.

Переводя дух, Лешка посмотрел на Дениску, притопнув ногой по шпале, сообщил доверительно:

— Упрямая, гадина. Насилу одолели... А ты, молодец, Денис, навалился, аж я испугался: погнешь рельс.

«Вот человек, все обратит в насмешку!» — подумал обескураженный Дениска и хотел отбить Лешку по всем статьям, но не успел.

— Накладки! — заорал Федор Лыкин. — Леха! Давай накладки!

И Лешка метнулся куда-то в сторону, а Дениска — к Лыкину.

— Я пришел.

Лыкин стрельнул в него глазами:

— А на кухне кто?

— Ирина, кто же еще, — независимо ответил Дениска.

Лыкин ухмыльнулся:

— А тебя, что, выгнали? — и, не дождавшись ответа, рванулся с места. — Ставим парни! Разбирай болты. Ломик где?

Монтажники оседлали рельсы, а Дениска остался один и без дела. Сунул руки в карманы брезентухи — там вода. И джинсы уже намокли и прилипли к ногам, и брезентуха стала тяжелой и гремела при каждом движении.

— Денис! — заорал Лыкин, орудуя ключом с длинной рукояткой. — Ходь-ка сюда! Чего толкаешься здесь? Иди вон к Патрину, будешь вместе с ним под шпалы, где провисы, грунт подсыпать. Понял?

— Понял!

— Рви.

И Дениска рванул галопом, «наконец-то!»

Патрин бросал из кучи на насыпь грунт совковой лопатой. Бросал остервенело, с разворотом, всем своим сухим, мускулистым телом.

Брезентуха его лежала в стороне на насыпи, в ее складках скопилась дождевая вода. Патрин, голый по пояс, загорелый, широкогрудый, улыбнулся Дениске через просторное плечо.

— Я к тебе, — сказал Дениска.

— Давай, — Патрин кивнул в сторону насыпи, — подбивай под шпалы.

Дениска залез на насыпь и принял сапогами затачивать грунт под шпалу.

— Эй! — крикнул Патрин. — Вон там возьми штык.

Скоро Дениска приловчился: подгребал, подбивал штыковой лопатой, притопывал сапогами, кричал Патрину:

— Сюда лопаточку! Еще! А теперь сюда, так!

И жарко ему стало. Брезентуху сбросил и свитер. Струи холодного дождя иголками впились в тело, но Дениска только быстрее зашевелил лопатой. Патрин поглядывает на него, посмеивается.

— Давай, давай, Денис!

Видно, нравится ему горячая обстановка, а может, наскучался за неделю безделья в дороге, да силы — через край.

И хорошо Дениске, покрикивается весело:

— Сюда лопаточку! Сюда теперь! Еще! Давай!

И Патрин дает, что землеройная машина, мускулы ходят буграми под отлакированной блестящей кожей.

— Давай не зевай!

— Давай не зевай! — подкрикивает Дениска, поддавая задора.

Патрин хватил резиново раздавшейся грудью воздуха, налег на лопату так, что покорно гнулся березовый черень. Успей попробуй!

Выпрямился Патрин, выдохнул шумно:

— Фу! Перекур, — протянул сигарету. — Кури.

— Я не курю.

— Молодец, — пожаловался: — Я бросал, но... силы воли, что ли, не хватает, — замолчал упрямо, поперек лба легла морщина, глаза попротухли. Бросил неожиданно недокуренную сигарету: — Давай, Денис, поперли.

Дениска, подбивая лопатой под шпалу грунт, думал о Патрине: что это Патрин всегда такой сумрачный и неразговорчивый. Все время молчит, о чем-то думает, думает.

— Петр! — окликнул он Патрина. — У вас что-нибудь случилось? Беда какая?

— Что? — протянул Патрин, опуская лопату от неожиданности. — Какая беда?

— Я подумал так, — объяснил Дениска. — Вы всегда такой, ну, как сказать... угрюмый... и у вас морщина на лбу.

— Чудак ты, — Патрин улыбнулся как-то беспомощно. — Чудак. Углядел, надо же! — Вздохнул: — Эх, Денис, Денис... Это меня в детстве лошадь копытом задела.

— А-а, — протянул Дениска, и ему стало почему-то смешно.

И Патрин засмеялся.

— Петро, — вдруг решился Дениска, — а почему вас зовут Некий Патрин?

Патрин махнул рукой: ерунда, мол, все это, но вдруг, закуривая новую сигарету, заговорил:

— Я, видишь ли, пришел в отряд забулдыгой. Спроси хоть у кого и тебе скажут: так и было. Пил, дрался почем зря... Было. Получу аванс ли, получку, еду в город, нанимаю такси и катаюсь до тех пор, пока деньги в кармане есть. Короче, дурака валял. Ну и однажды не рассчитал: накатал рублей тридцать, а в кармане к тому моменту

всего четвертная. А водитель — зануда. Давай и все тут. Ну, я ему фамилию свою, место работы и честное слово. Говорю: приезжай завтра, долг верну с лихвой. Он назавтра тут как тут. Как часики. К конторе нашей подъехал и спрашивав меня. Говорит, ваш рабочий, некий Патрин, задолжал мне. Ну и, ясное дело, пошло-покатилось.

А ты что думал?

— Думал, имя ваше.

— Имя? — Патрин расхохотался. — Имя? Рассмешил ты меня, Денис! — Крутнул головой, выплюнул сигарету. — Давай работать, а то похолодало чтой-то.

Зябко передернув плечами, Дениска взялся за лопату:

— Держись, Некий!

Горели ладони, и пальцы накрепко сжимали черенок, выкручивался он, как живой, выскользывал из рук, и Дениску стало подмывать швырнуть лопату куда-нибудь подальше.

Но Патрин подкидывал и подкидывал лопату за лопатой, и ему ничего не оставалось, как крепче сжимать верткий черенок и подбивать, подбивать грунт под шпалы, подтрамбовывать, подсыпать и снова подтрамбовывать, и некогда было выпрямить спину, дать роздых рукам, вытереть пот.

Патрин вскарабкался на насыпь к Дениске, потрогал ногой около шпалы, притопнул.

— Аккуратней, Денис, надо, — еще притопнул. — Дай-ка лопату!

И — скрыг, скрыг! — лопатой о камешник.

— Ну-ка, иди сюда. Посмотри сейчас. Ударь, ударь!

Дениска ткнул ногой в след, оставленный от сапога Патрина, — как в железо.

— Есть разница?

Разница была, и Дениска согласился с ним. Патрин посмотрел на него, спросил:

— Не простишь? А то оделся бы, а? Худой же ты, Денис, — и хотел было похлопать Дениску по плечу, потянулся уже, но увидел, что рука глиной перемазана, отдернул, посоветовал: — Ешь больше, а то гремишь костями: скелет скелетом.

— Я моторный, потому и худой, — сказал Дениска. — Худые они, брат, самые выносливые в любой работе, как Лыкин.

Патрину нечего было сказать на такое веское замечание: уж кого-кого, а Лыкина он знал несколько лет и знал, как тот умеет работать. Потыкав ногой под шпалину, он буркнул:

— Ну ладно, я просто так.

И пошел к своей лопате, широкоплечий, мускулистый, поджарый, как гимнаст. Самое время было сказать ему, что отдохнуть пора, что нет уже никакой мочи скрыгать лопатой, но не решился Дениска. И еще что-то не позволяло ему сказать об этом: то ли стыд, то ли гордость.

— Еланцев! Оглох, что ли? — Перед ним стоял Архипов. — Почему самовольничашь? Кто тебе разрешил с кухни уходить? Разгильдяи!

Лицо суровое, тяжелым взглядом так и давит к земле, руки на отлете, как у борца: сейчас схватит и сомнет.

— Одна нога здесь, другая — там. Ясно? — прохрипел Архипов.

И, улепетывая, услышал Дениска, как Архипов обрушился на Патрина:

— У тебя, что, совсем не варит? Пацана вконец заездил.

«Вот что, — тоскливо подумал Дениска. — Вон оно как...»

По всходнушке он поднимался медленно — покачивало пьяно, а

больше всего не хотел Дениска встретиться сейчас с Ириной, а почему, и сам толком не знал. И поднимался, будто его на аркане тащили.

Ирина стояла к нему спиной, мыла чашки и не оглянулась, словно не слышала, что он вошел. Песню запела негромко, врастижечку:

Светит незнакомая звезда...

Дениска без слов взял в углу топор и вышел.

Колоть дрова он взялся из упрямства, как бы наперекор Архипову, унизвившему его перед Патриным, к тому же меньше всего хотелось видеть Ирину, предавшую его. Это, конечно, она пожаловалась Архипову.

Он выбирал самые сучковатые чурки, обрушивал на них град ударов, кромсал ядреную плоть, пытаясь поглубже вогнать топор и развалить чурку надвое. Очень скоро его удары стали слабыми, и часто топор со звоном отлетал в сторону, но от этого Дениска становился только упрямее. Он не переставая думал о том, что должен доказать и Архипову, и Ирине, и всем монтажникам, что ни в чьей жалости и покровительстве не нуждается и может постоять за себя без посторонней помощи. «Ишь взяли за привычку — это нельзя, сюда не пойди, — распалия себя, размышил Дениска, — Да что я мальчик маленький, ребенок, что ли?»

Он так увлекся, что и не заметил, как подошел Архипов.

— Ты, что, решил дров на год вперед заготовить? — спросил он. Тепло спросил и подступил ближе.

Но Дениска только глазом покосил в его сторону и продолжал размахивать топором. У него болели спина и руки, и промок он насквозь от дождя и пота, и самый был момент пердохнуть, и Дениска было подумал об этом, но вспомнил свои обиды на Архипова.

— Ты чего, Денис, набычился? — потоптавшись неловко, спросил Архипов.

— А ничего! — Голос Денискин свибрировал от напряжения и дерзости, охватившей его. — Ничего.

— Ну-ка, погоди молотить.

— А чего вы загнали меня сюда? — прорвало Дениску. — Чего вы за мной, как за ребенком, ходите? Я просил вас? Может, я...

— Постой, постой, — остановил его Архипов. — Послушай, что я скажу...

— Я уже слышал, — дерзко отрезал Дениска.

Но Архипова трудно было смутить.

— Не помешает и еще раз послушать, — твердо проговорил он. — Ты мне скажи, как бы ты на моем месте поступил: на кухню нужен человек? А кого я поставлю сюда? Лыкина? Или Карчуганова, Патрина?.. Ты же умный парень, Денис... Не ожидал я от тебя, честное слово. — Архипов вздохнул, спросил поникшего Дениску: — Чернованов не пришел со станции?

Дениска пожал плечами.

— Ты думаешь, Архипову делать нечего и он тасует, как ему вздумается. Да? — Он прямо посмотрел на Дениса: — А Архипову — хоть разорвись. И чтобы дела были сделаны, и чтобы на тебя никто не обиделся. А тут еще видишь, — он указал глазами на небо, — все летит вверх тормашками.

Дениска молчал, нечего было ему ответить Архипову, хоть тресни, все выходило так, что ни крути, прав прораб на все сто процентов, и он, Денис, из-за своей несообразительности заставляет людей ломать головы по пустякам. И так стыдно стало ему за свое поведение, что

он даже глаза на Архипова не мог поднять и стоял, как вкопанный, уперев топор в колодину.

— Значит, не приходил Черноиванов? — переспросил Архипов.

Дениска качнул головой. Архипов поежился, наверное, за воротник прорвалась дождевая струйка, чертился, туто надвинул на самые брови лыжную шапочку и, нахолившись, зашагал мимо вагончиков к тупику, где под дождем укладывали рельсовые звенья монтажники да упрямо рычал бульдозер Стрыгина.

Дениска посмотрел ему вслед, потосковал малость и с новыми силами обрушился на блестевшие от дождя чураки, потом оглядел свою работу довольный: «Будет, дров-то на сто лет теперь хватит!» С маxу вогнал топор в колодину и вразвалку, будто на палубе, зашагал к вагончику.

В вагончике тепло, сухо, за шиворот не каплет, в печке постреливает огонь. Ирина трет тряпкой клеенку на столе, поет. Услыхала — Дениска вошел, громче запела. Песня все та же, так что можно подумать, будто не выходил Дениска под дождь и не колол дрова до синих кругов в глазах.

«Светит незнакомая звезда...», — выводит Ирина самозабвенно, и Дениска не мешает ей, прислонился к косяку, слушает. От песни грусть навалилась на него, вспомнил он, как здорово они с Неким Патриным работали на тупику и как прогнал его Архипов в столовую.

«Она, наверное, нажаловалась, — подумал еще раз Дениска и недобродушно посмотрел на Ирину. — Она, больше некому».

И как только Ирина замолчала, он набычился, спросил укоризненно:

— Ты нажаловалась? — И предупредил: — Только честно: ты?

— Никому я не жаловалась и никому ничего не говорила, — Ирина не оборачивалась, но стол протирать перестала, вроде как чего-то ждала. Вздохнула горько, на спине дрогнула кофточка.

Дениске стало жаль Ирину, но обида еще не прошла, и он сказал по-прежнему резко:

— А кто же тогда?

Она пожала плечами:

— Не знаю...

И сказал Дениска — нечего было больше сказать:

— А еще песни такие поешь...

— Знаешь!.. — Ирина резко всем телом повернулась к нему, в глазах гнев. — Знаешь что, умник!.. — И вдруг лицо ее как-то странно вытянулось, глаза округлились: — Дени-и-ска, господи, да что это с тобой? Ты же... Ты же весь насквозь промок! Раздевайся! — Она принялась стягивать с него брезентуху, приговаривая: — Бог ты мой! Ты же простишь, Денисочка. Мамочка ты моя родная! — ухватилась за свитер, но Дениска вырвался из ее рук.

— Я сам! — и скрестил руки на груди, прикрываясь от помои.

— Ладно, — сказала Ирина. — Я отвернусь.

Дениска, перегнувшись, начал извиваться всем телом, вылезая из свитера, но вдруг подумал, что толстый свитер высохнет не враз, и джинсы тоже вымокли — хоть выжмай — и их тоже нужно сушить, и все это время ему придется выступать перед Ириной голяком. Он снова натянул на себя холоднющий свитер, сказал Ирине, что пойдет переоденется в сухое, и бесстрашно вышел под дождь.

Вернулся он приглаженный, умытый и причесанный, в зеленой офицерской рубашке, которой очень гордился и которую надевал в особо ответственных случаях. Он знал, что рубашка эта очень идет ему, и потому не удивился, когда встретил восхищенный взгляд При-

ны. Он не удивился, но неожиданно засмущался ее взгляда и вспыхнул, охваченный с головы до пят полоснувшим его жаром от ее «Ох, ты-ы!» и вскинутых ресниц.

«Ну и глазищи!» — подумал Дениска. И Ирина, конечно, догадалась, почему он так раскраснелся, неожиданно завлекающе-ласково улыбнулась, потупилась. Как бы невзначай качнула бедром, расколы-хав юбочку, спросила, будто ей требовалось еще какие-то объяснения:

— Эт чего ты так разоделся? Как на парад.

— У меня ж мокре все, — растерялся Дениска и показал ей сверток.

Она взяла у него из рук сверток и, покачиваясь, привставая на носки, стала развешивать вещи поближе к печке, а Дениска смотрел на нее, каждый раз мучительно краснел, когда она, дотягиваясь до гвоздя, привставала на носки.

И потому он, не дожидалась, когда она кончит развешивать, спросил, что он должен делать.

— Что хочешь, — сказала она, посмотрев на него через плечо, и так озорно и задиристо рассмеялась, что Дениска растерялся, стоял, опустивши руки, она еще пуще того рассмеялась. И к нему: захватала за плечи, затеребила волосы.

— Дениска, дурачок глупенький! Да ты что же? А? Дениска?..

И вдруг улыбка сошла с ее лица, догадалась, что с ним, шевельнула деревянно губами:

— Зря ты все... Слышишь? — Немо постояла, набираясь решимости, вдруг твердо вскинула на него глаза, да сразу слиняла — стоял он как-то не похоже на себя, сгорбленно и жалко.

Еле-еле, через силу отработал Дениска этот день на кухне. За ужином тих был и незаметен. Лыкин, насытившись и подобрев, хватился его:

— А Корчагин-то куда подевался? — И кликнул: — Или здесь Денис?

— Здесь, — вместо него отозвался Карчуганов и посоветовал Лыкину разуть глаза, а Дениску подбодрил: — Мое слово, Денис: обратаем Архипа — не козел ты отпущения.

Откуда было знать Карчуганову, что не только это занимало сейчас Дениску голову, вдруг ставшую чугунно несообразительной.

В вагончике, свернувшись беспомощным клубочком, Дениска думал об Ирине, весь день припомнил, даже несколько раз прокрутил в памяти туда-сюда. Да нет, не понять ему женщин! И тоска, не ведомая им ранее, охватила его, и он маялся, не зная, что с ним.

Уже совсем поздно вдруг пришел Лыкин.

— Не спиши?

— Да нет.

— А что так?

Дениска подумал и сказал:

— Думаю.

— А-а...

Лыкин сел в темноте на табуретку у стола, слился со стеной, только слышно было хриплое дыхание.

— А вы? — наконец-то решился спросить он Лыкина. — Вам тоже не спится? Может, свет зажечь?

— Лежи, на кой он нам... — Спохватился: — А может, ты спать хочешь?

— Да нет, сидите. Я вот лежу и думаю, как мы мост будем строить.

— А чего — как? Построим да и все. Как Амурский, Саратов-

ский — вон. — Лыкин скрипнул табуреткой, видно, усаживаясь поудобнее, спросил: — К куреву как относишься в домашней обстановке?

— Курите... — разрешил Дениска.

А Лыкин вдруг завелся:

— А то у меня жена, пропади она пропадом, только я за сигареты, она идет в крик на меня. А голос у нее, точно карчугановский, — бульдозером ревет, будто пласт не по силам захватила. Спасаюсь на крыльце и зимой, и летом. И ить хитрая, зараза, — продолжал он, попыхивая сигаретой, — как дал я свое согласие ехать сюда: а ей, яснее ясного, здесь нечего делать, ну значит, по ее уму, и мне, — так она, веришь, выйду я на привычное место с куревом, ласково так и подъезжает: «Да чего ж ты, Феденька, все из дома убегаешь, разве я против». Вот зараза так зараза! И имя сразу мне ласковое: «Феденька». Бабы, Денис, — ушлый народ. Им дай палец в рот, они руку по локоть: раз — и ваших нет! Ну я ей, конечно, сразу все и выложил: с годик, дорогая, одна, без меня поживешь. Я товарищам слово дал: поеду. И потом, у меня совесть опять же.

Лыкин замолчал. Дениске показалось, что он улыбается каким-то своим мыслям, и правда, Лыкин хохотнул и сказал с затаенной радостью и довольствием:

— А так она у меня, если серьезно на нее посмотреть, баба что надо! Любому могу сказать. Уехал я из дома, а душа — спокойна: все будет по уму, в лучшем свете.

— Видел я ее, — вспомнил Дениска, — хорошая женщина.

— Да, она видная из себя, этого у нее не отнять. Идет — редко какой конь не оглядывается.

Дениска представил себе, как идет жена Лыкина, а ей вслед поворачивают головы кони, и засмеялся.

— Ты чего? — спросил Лыкин.

— Да как вы сказали: кони...

— А-а, — протянул Лыкин, но не поддержал смеха, а неожиданно тяжко вздохнул, закурил новую сигарету, изрек, что жизнь — штука сложная, а самое сложное в ней дело, как он, Лыкин, думает, бабу себе на жизнь найти. Чтобы жить в понимании — остальное все приложится.

Сказав это, он поднялся, хрустнув ногами, походил по вагончику, помаячил у окна, протопал к выходу и, не попрощавшись, а только обронив, что Денис парень еще молодой, ушел.

И ясно, на что он намекал, куда уж яснее.

С утра, избегая смотреть на Ирину, Дениска принял за воду. Таскал до ломоты в руках — Ирина вздумала отмыть столовую до блеска, и воды пошло больше обычного. Но хоть и старался Дениска не смотреть на Ирину, и как ни крепился в этом своем решении, а нет-нет да и скавивались против воли глаза на девичью фигуру. И приметил: будто подменили Ирину, нет в ней прежней бесшабашности, и вроде занята делом, а мысли о другом. Но вчерашнее не забылось — в Дениске боролись на равных и зло, и жалость, и потому он крепился в своем слове держаться подальше от насмешницы: черт знает, что она выкинет в следующее мгновение.

Натаскав воды и распалив печку, Дениска поспешил на тупик под команду Лыкина, как только узнал, что Архипов подался на станцию. Ушел на станцию — скоро не вернется.

Монтажники громогласно приветствовали его появление. И сам Лыкин похвалил: вовремя, мол, молодец. И место определил: поставил в пару к Лешке Шмыкову.

— Поможешь этому черту лопоухому.

Лешка Шмыков, ясное дело, обрадовался — все не одному тягать.

— Валяй сюды, Павка!

И Дениска, странное дело, не заметил ни в его голосе, ни в том, как он назвал его «Павкой», подвоха. И руку спокойно дал в Лешкины тиски, благо, у того хватило ума не применять силу — сжал осторожно, по-дружески, поприветствовал так, будто и не видел Дениску за завтраком и не сидели они за одним столом, локоть в локоть.

— Примай! — рявкнул Федор Лыкин.

Дениска метнулся к повисшему над полотном звену с рельсами, ухватился за шпалину, ощущая ее необоримость, напыжился, а она пошла легко, перышком.

— Эй! — не своим голосом заорал Лыкин. — Осторожно! Леха, куды смотришь, зараза, чума ходячая? Ви, что, посадить меня захотели?

Теперь Дениска видел, что хватил лишка — звено, или плеть, как ее называли монтажники, поперла неудержимо на него — хоть беги — ни остановить, ни уйти, так и жмет, накрывает собой. И потом нело в глазах, и уж не слышал он ни ругани, ни команд Федора Лыкина — напрягся, ощетинился весь до последней клеточки против плети, и мысль только одна у него осталась в голове: «Устоять, устоять и не дать плети придавить себя к земле, сломать и придавить». И почему-то была уверенность, что устоит, не сломится.

И кто знает, что было бы, если бы не устоял, потому что и крановщик, завидев, как разворачивает плеть упруго на Еланцева, испугался и без команды Лыкина рванул стрелу вверх, надеясь так выручить Дениса и Лешку Шмыкова. Схваченная стропами, как натянутый лук, от рывка стрелы сыграла плеть, качнулась упруго, и смирилась — стоял между ней и полотном, как распорка, Дениска, да с другого ее конца плюхнулся на шпалину, как противовес, в отчаянии Харитон Карчуганов, да злобно уперся Федор Лыкин.

— Майна! Майна, в три святителя, — хрипло от натуги заревел он, выворачивая глаза. — Спокойно! Еще чуть майна! Еще чуть. Правее дай, еще... Стоп!

И плеть безобидно и по-собачьи послушно легла на полотно у ног монтажников.

— Снимай стропа! — выдохнул Лыкин и смахнул со лба градины пота, избегая смотреть на монтажников.

Карчуганов уже разминал крупно вздрагивающими пальцами сигарету, сопел шумно. У Дениски позванивало в голове, в руках и ногах вдруг сделалось пусто, и казались они невесомо легкими, не своими.

Лешка Шмыков, сняв со своего угла плети строп, подошел, встал около Дениски, завозился в карманах в поисках сигарет, молчал.

Крановщик спрыгнул, подошел к ним на кривых длинных ногах. Одной рукой к Лешкинам сигаретам потянулся, другой потрогал бородавку на щеке:

— Думал, каюк, отжили... Что навалились-то на бесплатное? — зыркнул на Дениску осуждающе.

Лыкин услышал его, налетел коршуном:

— А то, что тебе, милок, думать надо. Первый раз за рычаги сел? — Резанул свирепым взглядом по крановщику: — Крокодил... застечный. Тебе была команда на «Виру», была? Молчишь, значит! Сказать-то нечего, однако.

Крановщик молчал, нервно затягиваясь дымом, и уводил глаза в сторону, чтобы только не пойматься на цепкий взгляд Лыкина. А Лыкин нес и нес его по кочкам. Подошел Карчуганов, сказал, свирепо раздувая ноздри:

— Счас сверну башку, а потом доказывай, что не так было... Смотреть на тебя противно, — отвернулся, под ноги плюнул.

Лыкин подошел к Дениске, переломился чуть ли не пополам, заглядывая ему в лицо, глазами потеплел.

— Напугался?

— Не успел. Сейчас вот подумал — страшно, — и Дениска против воли дернулся плечами. — А тогда не думал.

— Бывает, — согласился Лыкин и вдруг высказал свое: — А струсили бы — крышка. Не тебе, так Лехе. Вот остолоп на мою голову, — но это уже относилось к крановщику, одиноко бредущему к крану.

Связав накладками звенья, без перекура стали укладывать следующее. Крановщик посматривал сторожко на Лыкина, знал: малейшая промашка — и монтажники не простят уже, а потом иди ищи защиту. А руки у парней железные...

Работа снова увлекла Дениску, страх забылся.

После того злополучного случая, — то ли монтажники приловчились, внимательнее стали, осторожнее — следующие звенья ложились как по заказу, легко и точно — стык к стыку, хоть проверяй линейкой. Дениска устал, но даже себе не хотел в этом признаться. Оттого, что шла работа ладом, радостно было ему, и огрубелый от криков голос Лыкина казался ему ласковым и добрым. И уж само собой сделались неслышными все другие шумы и звуки над полотном, и только один властвовал здесь — голос Лыкина.

— Взяли, ребятки, взяли! На себя, Леха! Ложим! Ноги! — И в слаженности работы, в голосе Лыкина чудилась Дениске музыка.

— Накладки! — командовал Лыкин. — Ставь болты! Схватывай!

Уже скоро качало Дениску, и живот подтянуло, но никто из монтажников не заикался даже о перекуре. Работа захватила людей, и они забыли про все.

Одно время Дениске показалось, что не выдержит он, сядет на насыпь, и уже ничто в жизни не сможет заставить его подняться на ноги или шевельнуть рукой.

Но тут Лешка Шмыков утер свою взмыленную шею, загнанно дыша, с восторгом выговорил:

— Во, даем!

И странно, эти слова словно новые силы вдохнули в вымочаленное тело Дениски, будто отомкнули хрустящий до поры запас сил, о которых он и не подозревал. И снова он мог крепко стоять на ногах, жестко хватать руками. И все больше овладевали им радость и мужская гордость за себя и за товарищей. И было у него пока не очень ясное ощущение: в чем-то главном приблизился он к своим товарищам-монтажникам — Лыкину, Карчуганову, Лешке Шмыкову, почувствовал, что может работать с ними, что все, что ему казалось за семью печатями, где-то рядом.

— Шабаш, мужики, обед!

Лешка Шмыков положил руку на Дениску плечо, улыбнулся.

— Ну, как поработалось?

Он только глазами ответил, не смог голосом от усталости... «Здорово!» И, так слова никому не сказав, заторопился к столовой.

Влетел — напоролся на Ирининны глаза. Смотрит она на него и вроде как не видит, и лицо чужое, каменное. Почувствовал, как больно воронилось в груди сердце и начало падать. К тому же из-за перегородки вышел Черноиванов в белом фартуке, с ножом и недочищенной картофелиной в руках.

А у входа уже, тут как тут, гогочут монтажники. Ирина, сторонясь Дениски, прошла к двери, объявила зло и сухо, что обед не готов.

— Как? — рыкнул Лыкин.

— А вот так! — И она захлопнула перед ними дверь.

Но тут вышел Черноиванов.

— Мужики, обед по известной вам причине задержался. — Он посмотрел на часы, прикинул что-то в уме: — Поработайте еще с часик... Добре?

— Чего ж доброго-то? — просипел кто-то, но, голос Карчуганова покрыл его:

— Только Дениса не дергай, с нами он был, вкалывал. Понятно?

— Айда! — сказал Лыкин.

И тихо стало — ушли монтажники.

После обеда, напуганный происшедшим и угрюмым молчанием Черноиванова, который так и не проронил ни единого слова, проводив монтажников, Дениска усердно исполнял все приказания поварихи, крутился как белка в колесе. Да, не так он представлял себе свое участие в строительстве магистрали века — скажи кому: точно, засмеют. И ребят подвел с обедом.

К вечеру опять взялся за свое дождик, а тут и Дениска все свои дела переделал. Ирина буркнула что-то отдаленно похожее на «переходни» — сама скребла кастрюлю. Он встал у окна, что выглядывало на тупик: «Работают ребята!» Но скоро дождь затуманил стекло, и Дениска смотрел просто так, уже ничего не различая. Скукота его одолела — ну хоть плачь, вой волком.

Дениску выручил Карчуганов. Он ввалился в столовую грязный, мокрый — черт чертом — и потребовал горячего чаю.

— И густого, чтоб ложка стояла! — орал он.

— А где я тебе возьму его? — встала против него Ирина. — С обеда еще не успел промяться, а уж снова ему подавай!

Карчуганов захлопал ресницами.

— Ты чего эт раскричалась, мать? Какая тебя муха укусила? Ну нет, так и скажи, а чего нервную систему людям ломать? На нет — и суда нет. Я, что, сильница тебя?

Карчуганов потоптался и двинулся к двери, но Ирине, наверное, жаль стало его, — окликнула:

— Стой, вернись, Харитон!

— Еще раз отказать хочешь? — спросил он, оборачиваясь.

— Ох, какие вы все обидчивые стали, слова вам не скажи попрек! — Она схватила кружку со стола, метнулась к плите, загремела чайником. — Бог ты мой, ну и мужики пошли — прямо-таки кисейные барышни, а не мужики.

— Я не один, — поверив наконец, что его не разыгрывают, сознался Карчуганов. — Я — делегация.

— Ах, ты — делегация! — ставя кружку на плиту, пропела она. — И сколько же вас там?

— Все.

— Кто — все? Толком можешь сказать? — допытывалась Ирина.

— Ну... Федор Лыкин, Леха, я — вот, и этот самый — Некий.

Ирина вздохнула притворно тяжело, махнула рукой: дескать, что с вами поделаешь, зови.

— Может, вам и бутербродов с колбасой приготовить? — усмехнулась она, глядя на Карчуганова, когда монтажники, сняв грязные сапоги у порога, чинно разместились на полу у стола.

— Если вы располагаете, — галантно согласился Шмыков, и все кинули враз головами.

Карчуганов развел недоуменно руками. Ничего не понимал и Дениска, перед которым тоже была поставлена кружка чая.

А она ловко нарезала кружочками колбасу, прикладывала к хлебу и одаривала проголодавшихся парней с улыбкой, носилась по столовой легко и красиво, словно не замечая восхищенных, гипнотизирующих взглядов парней. А когда Лешка Шмыков тронул было ее за талию, так же красиво и совсем беззлобно хлестнула его по рукам.

— Попало? Не свое — не лапай!

Парни загоготали.

— Посмотрим! — картинно положив руки на широкий поясной ремень, сказал Лешка.

— Смотри, да не просмотри, — подмигнул Карчуганов, продолжая мощно двигать челюстями. — Самый красивый, да? Лучше тебя нету?

Федор Лыкин хохотнул в костистую жмено, а Некий Патрин затрясся в беззвучном смехе: что-то увидел в этом смешное.

— Чего смешного-то? — скривился Лешка Шмыков. — Ты чего, в детстве с печки упал?

Патрин не мог остановиться, а у Карчуганова разъехались вкривь насмешливые губы. Но вмешалась Ирина — ясно: выручила Лешку, налетела на Патрина:

— Это он над Дениской смеется, обвел вокруг пальца! — И погрозила: — Я все знаю!

Все посмотрели на нее — смеуху как не бывало.

— Чего еще? — спросил Карчуганов.

— Загонял вчера — вот что! Архипов говорит, Денис с ног валится, а он этот орет: «Давай!» Хорошо Архипов подоспел.

Теперь все смотрели на Патрина, и только он оглоушенно — на нее. Спросил тихо, растерянно:

— Ты эт чего? — и побледнел.

Карчуганов впился в него свирепеющим взглядом.

— Ну-ка, скажи, Денис, — взвился Лешка Шмыков. — Скажи, не бойся!

А Дениска ничего не мог понять и хлопал глазами.

— Не бойся, — потребовал Карчуганов — врет она?

— У Архипова спросите, — опередила Дениску оскорбленная Ирина. — Он вам и скажет.

— Это я, — наконец вырвалось у Дениски. — Я сам. Хотел... ну, в общем, хотел испытать себя. Вот и все. А что... — он показал взглядом на Ирину, — недоразумение. Вот — честное слово.

И наступила тишина, нехорошая, тягучая, от которой Дениске стало не по себе. В этой тишине все сели по своим прежним местам вдоль стены, а Патрин глубоко засунул руки в карманы брюк, обмяк плечами, нахмурился.

— Архип с Черным идут, — сказал кто-то.

— Поднимайся, парни, — забеспокоился Федор Лыкин. — Пошабашили — будя.

— Сиди, — сказал Карчуганов. — Чего забоялся?

— Неудобно — расселись, как на именинах.

Вошли Архипов, за ним Черноиванов.

— О! Чай! — радостно всхлопнул руками Архипов. — Налей-ка, Ирина Батьковна. Погоняем и мы. Да еще и с бутербродами?! Ну, брат, живем!

— Покрепче, — попросил Черноиванов.

Стало шумно. Дениска сел так, чтобы быть незаметным, слушал.

— Иваныч бегал на станцию, — сказал Архипов, — завтра — послезавтра нам должны вагоны со щитовыми домиками прийти. Два

домика себе оставим, остальные — на Амгунь. Как управимся с тупиком — сразу за монтаж.

— С тупиком еще дня на два делов, — сказал Федор Лыкин.— А вагоны, значит, завтра?

— А может, и сегодня ночью — кто знает? — Архипов вздохнул:— Если тому черту заодно вагоны придут — опять шум будет, и тепловоз он не даст.

— Этому гусю, что утром разорялся? Послал бы его. Или не знаешь куда?

— Да прав он, — сказал Черноиванов, рубанув свободной рукой воздух, — мы его сдерживаем. Нам так доведется, и мы не промолчим. Свой тупик надо быстрее досыпать. Слушай, Саня, плюнь на собственную гордость, возьми бутылку коньяка и распей с ним — вмиг шелковый станет.

— Точно, — сказал Лыкин, — зато работа у нас стоять не будет. Но тут вскочил на ноги Карчуганов, слепил фигу:

— Вот ему! Коньяк и мы неплохо употребляем. А его раз напои коньяком — век не отвяжется. Не даст тепловоза, я сам по одному звену перетаскаю. Гад буду.

Архипов улыбнулся печально, а Черноиванов сказал:

— Это не дело, Харитон, нам нормальные отношения надо налаживать.

— А коньяк — нормальные? — снова вскочил Карчуганов. — Скажи, если ты такой умный.

Черноиванову крыть нечем — уставился в запотевшее, закрапанное дождем окно. И все молчали. Архипов выбивал пальцами неслышнюю дробь на крышке стола.

— Пора, ребята, — поднялся Лыкин и для чего-то ударил костистым кулаком правой руки в раскрытую ладонь левой.

В столовой сразу опустело. Было слышно, как со звоном падала с крыши вагончика дождевая вода.

Дениска ждал, что Черноиванов вот-вот выложит Архипову прозадержку обеда, и краснел, и бледнел, ожидаючи, — Архипов просто рубанет наотмашь. Но им, кажется, было не до него: неутешительные новости принес Архипов со станции и, как видно, не все открыл монтажникам.

— Не пойму я такого отношения к делу, Иваныч, — жаловался он Черноиванову, — разрежь меня на куски, убей — не пойму. Дорогу ту они по плану месяц назад должны были отсыпать. Месяц, понимаешь?

А они всего тринадцать несчастных верст отсыпали. И ни одного мостового перехода! Как наши добрались до Амгуни — не знаю.

— Может, сидят где-нибудь на полдороге и ни взад ни вперед, — предположил Черноиванов.

— В том-то и дело, а то давно бы уже пригнал машину Клюевто. Я у начальника межколонны спрашиваю: «Почему дорогу не отсыпали?» А он, знаешь, что ответил: «Успеется. Москва не сразу строилась». Вот умник! Мол: «Тише едешь — дальше будешь». Да таких людей к БАМу и близко нельзя подпускать, понимаешь?! — расстроенно воскликнул Архипов. — А он только в грудь себя не стучит. И меня же еще пристыжает: «Вы без году неделя как приехали, а мы, мол, уже полгода здесь пашем».

— А толку? — Черноиванов тяжело положил на стол короткопалые руки. — Пусть посмотрит, что наши мужики за четыре дня напахали.

— Ну его к дьяволу! А тут еще станционное начальство на нас взъелось. Я спрашиваю: «Когда придет наш груз? Уж шесть дней в

пути». А начальник станции: «Когда придет, тогда и придет. Не мешайте работать». А сам сидит и семечки лузгает. Работает, называется,— Архипов вздохнул, перевел на другое: — Давай-ка, Иваныч, план участка глянем. Щиты скоро придут — не век же они по путям болтаться будут. Нам делянку пока нужно приготовить. Ты завтра поставь-ка двоих ребят поздоровей на рубку просек, чтобы без задержки шло.

Черноиванов полез в свою сумку, зашуршала бумага. Дениска видел эту сумку, которую обычно Черноиванов носил через плечо на тонком коричневом ремешке. В кожаной куртке, с офицерской сумкой через плечо он напоминал Дениске комиссаров из фильма о гражданской войне и, может, потому внушил уважение большее, нежели сам Клюев или прораб Архипов.

Черноиванов расстелил на столе кальку, прежде смахнув для пущей важности со стола, и они заговорили вполголоса, спокойно, как говорят понимающие друг друга с полусловами люди.

Дениска потихоньку, чтобы не отвлекать их, прошел за перегородку.

Вечером после ужина он хотел написать ответное письмо матери, но, только промстился за столиком, в вагончик без стука вошел Черноиванов. А за ним еще кто-то высоченной каланчой вшагнул. Присмотрелся Дениская — ба, да это же старый его знакомый — кралист!

Черноиванов смеется:

— Принимай, Денис, гостей!

— Ну, здравствуй, — протянул руку шофер-кралист. — Пустишь на постой? Я тебе не помешаю, ночь прокоротаю — и айда!

— Располагайтесь тут, — сказал Черноиванов. — Вижу, общий язык нашли.

— Нашли! — Дениска и сам не знал, почему его так обрадовал визит шофера. Да и некогда было в этом разбираться — нужно гостю постель приготовить. Заметался он, стараясь угодить гостю. А когда водитель, раздетый по пояс, сел на жалобно скрипнувшую раскладушку, полюбопытствовал:

— Какими судьбами к нам?

— По беде. У нас с экскаватора кто-то бензонасос стирил, а без него — хоть караул кричи. Все машины без работы стоят. Мы, конечно, тот бензонасос найдем, но когда — вот вопрос. Вот и прикатил к вам. Начальство твое обещало помочь.

— Дадут, — обнадежил Дениска. — У нас начальство хорошее — в беде не оставят.

— Вот и я так думаю, — согласился шофер. И вдруг спросил, вскидывая глаза на Дениску: — Корчагин твоя фамилия?

Дениска опустил было голову, залившись краской, но тут же поднял ее.

— Нет... Прозвали так.

— Вот оно что... — кралист скрипнул раскладушкой, — ну что ж... знатное прозвание.

Он, наверное, посчитал разговор исчерпанным, осторожно, словно боясь сломать раскладушку, ничком вытянулся на ней, ноги на полметра высунулись за край.

— Для детсада, что ли, закупали?

Дениска промолчал и сам спросил:

— А кто же у вас бензонасос свистнул?

— А кто его знает. По трассе народ дружный работает, найдем. А уж кого накроем, пусть на себя пеняет.

— Таких людей к БАМу близко нельзя подпускать, — вспомнил Дениска понравившиеся ему слова Сани Архипова.

Гость ворохнулся на своем месте, и Дениска разглядел, что он приподнялся на локти.

— Это ты правильно сказал, барахло разное надо в три шеи гнать с такой стройки. Знал я одного мужика — у нас шоферил. Небольшенький, твоего, примерно, росту. Ну, брат... И в огонь и в воду! Лихой парень. Мы тогда Амурск только-только раскручивать начали. Дорог нет, водителей не хватает, а дело делать надо. Кто же за нас город построит? Разумеешь? Я тогда только срочную оттопал. И Данилка Ярцев... Не спиши, Денис?

— Не, рассказывайте, рассказывайте.

— Даниил и говорит нам: так и так парни, давайте через восемь часов работать, пока обстановка не полегчает. Вначале нас немного подобралось, а потом и вся колонна. А не найдись такой человек среди нас? Смекаешь?..

...Проснулся Еланцев от ощущения, что хлопнула дверь — кто-то зашел или вышел. В оконце вливался серый рассвет. Гостя на месте не было. Дениска прислушался: где-то молотил на малых оборотах дизель. В оконце он разглядел на дороге КрАЗ — низко светились сигнальные подфарники. В неясном раннем свете рядом двое. Один из них, высокий, вспрыгнул на подножку, хлопнула дверца — и КрАЗ выдохнул клуб синего дыма.

— Эй! — крикнул Дениска. — Постой!

Выбежал на всходнушку, но КрАЗ уже пылил по дороге, взрываая, и на Денискин крик отозвался Черноиванов.

— Чего, как заполошный, орешь?

Подошел к всходнушке — кожанка наброшена на плечи, рукава свисают свободно.

— Чего хотел?

— Не попрощался.

Черноиванов зевнул, прикрывая рот ладонью, мотнул лошадино головой:

— Эк беда! — усмехнулся, но, поглядев на опечаленное лицо Дениски, смял улыбку, подобрел глазами и тон сменил: — Чудной ты, Еланцев. Лучше бы спать шел. Иди — еще час спать, самый сон сладкий.

Дениска вернулся в вагончик, постоял, раздумывая, досыпать ему этот сладкий сон или нет, глянул на стол, увидел белый листок бумаги и вспомнил, что так и не написал письмо домой. Он подумал, что сейчас самое время это в конце концов сделать, хотел зажечь свет, но и без того увидел, что листок его исписан.

«Спасибо за ночлег! Будешь на трассе — спроси Костю Ряжева. Жму твою руку. К. Ряжев».

За завтраком, успевший побывать на станции, Архипов был молчалив и хмур так, что даже Дениске стало ясно: дела их — швах! И он тоже молчал, хотя так и подмывало его с кем-нибудь перекинуться словцом.

Первым не выдержал молчания Карчуганов. Он доел кашу, облизал ложку, положил ее аккуратно на стол вверх горбом и трахнул кулаком в открытую ладонь:

— Вот им — в зубы! — и вперил сверкнувший взгляд в Архипова. — Где та платформа наша стоит?

— Ну? — ожидая от него расшифровки, оставил еду Архипов.

— Сами прикатим, — зло проговорил Карчуганов.

— Поптотра километра?

— А плевать! Пусть знают.

— Точно! — поддержал его Федор Лыкин. — Сами допрем.

Лешка Шмыков усмехнулся:

— Двадцатый век. Бери больше — кидай дальше! Умереть со смеху!

— Не умрешь, — тяжело проговорил Карчуганов.

— Я что, — засолил Лешка. — Я как и все.

— А чего ждать? — вскочил Дениска, ему не сиделось: — Саня!.. — посмотрел он с мольбой на Архипова.

Архипов улыбнулся, увел взгляд от Денисских глаз:

— Я не против: катить так катить. Ира! — крикнул он поварихе. — Выдай Шмыкову пару башмаков, а то раскатят — не остановишь. Один Карчуганов чего стоит!

Дениска уже знал, что башмаками пользуются для остановки вагонов. И уж коли речь зашла о башмаках, значит, предложение Карчуганова принято всерьез! Он чуть не крикнул «Ура!», но вовремя одумался, подошел к мастеру Черноиванову просить разрешения участвовать в перегонке платформы. Черноиванов сразу, конечно, понял, почему около него трется монтажник Еланцев, но сделал вид, что очень занят кашей. Наконец он, как и Карчуганов, положил ложку горбом вверх около пустой чашки и повернулся к Дениске:

— Чего хотел?

— Участвовать в перегоне, — выпалил Еланцев.

— Точно? — зачем-то переспросил Черноиванов и тут же, не дождаясь ответа, сказал: — Иди, черт с тобой! Только начальство свое предупреди — Ирину.

Обрадовался Еланцев. Как все легко и просто решилось!

— Я с вами! — сказал он Карчуганову, натягивающему на руки тесные подранные верхонки. Тот весело подмигнул, разделяя Дениску радость, и посоветовал прихватить с собой верхонки, чтобы не подрать руки.

— А то, гляжу, все ссадил. Если нет, возьми у Архипа. У него их навалом, а руки у тебя одни.

Пока Дениска бегал за верхонками в свой вагончик, монтажники ушли на тупик, и ему пришлось прибавить шагу, чтобы не опоздать и вместе со всеми подойти к платформе.

На станции они быстро отыскали ее, высоко загруженную звеньями. Лыкин ловко снял сцепку, расставил ребят и, предупредив, чтобы действовали только по его приказу, подал команду приготовиться.

Лешку Шмыкова с двумя металлическими башмаками он устал вперед, поднял руку, хищно поглядывая на замерших по местам монтажников, крикнул:

— Навались!

Дениска изо всех сил уперся в сцепку плечом, а ногой в шпалу. Нога его оказалась согнутой в колене, ее нужно было выпрямить, но, как Дениска ни старался, нога не выпрямлялась. Рядом с ним, сдерживая рвущееся наружу дыхание, пыжился Карчуганов. Шея его напряглась и стала багровой, глаза покраснели, трепыхали побелевшие крыльшки ноздрей.

Сривая голос, кричал Федор Лыкин:

— Еще! Жать! Чуть!..

Платформа мертвенно стояла на месте.

— Хрен возьмешь! — процедил Некий Патрин. — Хоть сдохни.

— Стоп! Отставить, — выпрямился Архипов. — Ломики, — он задыхался. — Надо ломики.

Ломиков не оказалось, и Лыкин виновато сознался, что это его промашка. Архипов заметил, что им от этого не легче. Карчуганову

не терпелось, упрямство уже заговорило в нем в полный голос, и он уничтожающе глядел на препирательство начальника и бригадира.

— Может, хватит пустоболить? — спросил он, нервно сузив глаза. — Ну-ка, навались!

Навалились, закряхтели. Карчуганов застонал, тяжко выпрямляясь. Скрипнули, сдвинувшись с мертвоточки, колеса.

— Давай! — сумасшедше заорал Лыкин. — Жми! Давай-давай!. Пошла-пошла-поехала!

Дениске казалось, что от напряжения глаза вот-вот выскочат. Упервшись в литой буфер, он шел и шел, тяжело делая каждый новый шаг. Дрожали, подсекались ноги, жгло плечо. «Только бы не остановилась, только бы не остановилась».

И Лыкин кричал придавленно-взглиное «Давай-давай». Платформа медленно набирала скорость, раскатываясь, но, оступясь кто-нибудь, и она загасит ход и остановится, и все нужно будет начинать сначала.

— Давай! — из последних сил орал Лыкин, но платформа уже пошла, покатилась, и можно было перевести дух, ослабить напряжение, разогнуть онемевшую спину, утереть пот.

Дениска улыбнулся Карчуганову.

— Вот даем!

— Даем. Не сорвал спину?

— Нет.

Дорога шла под уклон едва заметно, но платформа раскатилась, и за ней пришлось бежать. Карчуганов сразу отстал, отстал и Черноиванов, и рядом с платформой бежали теперь только Архипов, мускулистый Патрин да Денис. Ему казалось, что, разогнавшись, вылетит платформа на повороте под откос: слишком угрожающее, не шла — летела.

— Саня, слетит! — простонал Дениска. — Слетит!

И в отчаянном рывке настиг убегающую платформу, вцепился в буфер, но устоять не мог, его рвануло, потянуло за платформой, он упирался отчаянно, его мотало из стороны в сторону, было ветром. И страшно стало Дениске.

— Денис! Тыфу, будь ты трижды проклят! Еланцев! — закричал Архипов, боясь, что не удержится на ногах хлипкий монтажник, мотанет о рельсы или шпалы — расшибет. Но рядом с Денисом уже бежал Патрин.

— Держись! — и одной рукой крепко ухватил Дениса за поясной ремень. — Так-то оно веселей, а? Вот, чертеняга, разбежалась, скажи?

На повороте скорость попригасла, а дальше начинался ровный участок. Монтажники облепили платформу, используя силу инерции, ходом одолели метры пути, а тут и до тупика всего ничего осталось. Загнав платформу в тупик, сели на рельсы, задымили, довольно посверкивая глазами.

Патрин сунулся было к Денису с сигаретой, да встрял Карчуганов, его руку отвел без слов. Архипов заметил, усмехнулся, подсел к Еланцеву.

— Ну, ты даешь! Помотала она тебя! — вроде как похвалил Дениску.

И потому Дениска сразу сознался, что труханул, конечно, немножко, все-таки крутило здорово.

Монтажники посмеялись беззлобно, а Черноиванов, закуривая вторую сигарету, сказал:

— Всыпать бы тебе за такое геройство по заднице, да, — он вздохнул, — хотя понятно, что не баловался ты. От души...

Архипов смотрел куда-то на белую линию хребта. Сказал с добрым усмешкой:

— Эт и главное, Иваныч...

Федор Лыкин усек, о чем разговор, свое вставил: мол, перемеется — мука будет. И Карчуганов, улучив удобный момент, попер буром на Архипова:

— И ты, Саня, это брось, понял? Справедливо нужно!

Архипов, ничего не понимая, оторопело смотрел на расходившегося монтажника.

— О какой справедливости-несправедливости ты талдычишь? Харитон? Ты что это?

— Это ты того, — хищно подобрался Карчуганов. — Его, — он ткнул в Дениску пальцем, — в кухне держишь зачем? Справедливо? Говори сейчас!

— Скажу, — твердо, набывчившись, проговорил Архипов. В его глазах появился стальной блеск. — Скажу. Дальше нужно смотреть, Харитон. Хотя бы дальше своего носа.

Дениске показалось, что монтажники схватятся сейчас за грудки, и он мысленно проклинал себя за то, что пожаловался Карчуганову. Но стычки не получилось. Между монтажником и прорабом, раздвинув их просторными плечами, встал Черноиванов, усмехнулся, посмотрев на одного, на другого:

— Вы чего, мужики? Распетушились?

А тут и Денис с Лыкиным.

— Это я виноват, — сказал Денис. — Я, — злым голосом повторил он. — Говорите, в столовой я сильно нужен, да? Пожалуйста! — и, круто повернувшись, бегом пустился к столовой.

Кто-то вслед крикнул: «Эй!», и сразу же несколько голосов подхватило:

— Денис!

— Еланцев!

Денис пришел в столовую необычно серьезный и торжественный. Ирина, сразу это заметившая, не удержалась, полюбопытствовала:

— Чего эт ты такой! — покрутила в воздухе растопыренными пальцами: — Какой-то такой... злой не злой... непонятный...

— Есть хочу, — сказал он, — потому и такой.

— Садись, я покормлю сейчас... — И, наливая ему из кастрюли красного, пахнущего лаврушкой борща, вздохнула: — Скоро, однако, и остальные придут.

— Скоро, — сказал Денис и заметил: потаенно глянула Ирина в оконце, закраснелась, перехватив Денисов взгляд. И он засмущался, ругнул себя, уткнувшись глазами в чашку.

Ирина уже крутилась у печки, не заговаривала.

А монтажники подвалили, стало шумно.

В толчее и суматохе Лешка Шмыков снова сделал подход к Ирине и опять же получил по рукам, и монтажники хохотали, как и прошлый раз. А Лешка затянул разговор о перегоне — для Ирины. Разговор поддержали все. Хорошо было сейчас поговорить об этом, и чтобы Ирина знала, что не зря хлеб едят один за троих.

— Карчуганову дээ дай, — покрыл гул голосов Федор Лыкин, — он у нас, считай, один и двинул платформу с мертвой точки. И мясо чтоб!

Карчуганов, как всегда сидевший рядом с Денисом, не обращал на эти реплики внимания, зной, наворачивал за обе щеки, мощно работая челюстями.

К Денису прицепился Лешка Шмыков, зло завелся:

— Дениска, заметили небось, похудел — под глазами черно. С чего бы? И ест вроде как нормально.

— Не в коня корм, — засмеялся бездумно Лыкин.

— И правда... — Лешка красноречиво скосил глаза на Ирину.

Та вспыхнула, поймав его взгляд, крутнулась, ушла за перегородку. А Карчуганов запыхтел, распаляясь:

— А чего тебе? Гвозди в пятки вбивают? Чего расчирикался? Чего парня зацепляешь?

— Просто, — осевшим голосом проговорил Лешка, заерзая под тяжелым взглядом Карчуганова. — Уж и сказать ничего нельзя.

— А чего меня не цепляешь?

Лешка буркнул что-то уж и вовсе неразборчивое.

— То-то, — довольно отметил Карчуганов и сразу загудел Денису в ухо: — Все в лучшем свете! Архипа растребушили — будь здоров! Все как надо.

И бульдозерист Стрыгин подмигнул Денису красными своими глазами: мол, все верно!

Справились с обедом и скоро пошли вон — лясы точить некогда. Но Лыкин подошел все же к Денису:

— Говорил тебе Харитон?

— Говорил.

— Вот. Значит, не беспокойся. Начальство сообщит тебе про наше решение. Давай, — и протянул Денису деревянную свою ладонь.

И Лешка Шмыков подошел.

— Знаком? — осклабился хищно и показал на кулак, скосив зеленый глаз на Ирину. — Чтоб... Понятно?

Дениска усмехнулся.

— Ты чего? — спросил Лешка.

— Ничего, — Дениска пожал плечами. — Дурак ты, Лешка. Дубье.

— Чо-чо? — взвинтился тот.

— Я говорю, слепой ты или ума у тебя нет. На нее лучше бы посмотрел...

— А что?

— А то, что она в тебя... по уши. Я же вижу.

— Шмыков! — крикнул от двери Карчуганов. — Ты чего там? Уши давно не драли?

— Иду! — растроганный Лешка стиснул своей ручищей Денискино плечо. — Пардон, Денис. Ты уж... — и готов был наговорить Дениске всяких хороших слов, только тот оборвал его на полуслове:

— Да ладно тебе, Лешк, замнем для ясности.

— Ладно, замнем, — согласился благодарный Шмыков. — Замнем, Денис.

— Что он тебе говорил? — подлетела Ирина, как только за Шмыковым захлопнулась дверь.

И вырвалось у Дениски само собой:

— Про тебя. Что любит.

— Да ты что? — Она так и впилась в Дениску глазами. — Правда?

— Правда, — грустно проговорил Дениска, опуская голову.

Стыдно ему было и больно до слез, хотелось ему стать невидимым и провалиться сквозь землю. Но в эту самую минуту окликнул его Архипов:

— Можно тебя, Денис? — мягко так, почтительно.

Дениска подошел, зачем-то одернув на ходу свою военную рубашку и почему-то робея.

— Вот что, — Архипов положил свою руку на Денискино пле-

что. — Есть у нас серьезный разговор к тебе. Ты что — все еще губы дуешь на меня? Да брось ты, ей-богу, Денис!

— Да нет, — проговорил Дениска и попытался даже улыбнуться. — С чего вы взяли?

— Дело вот в чем... — начал Архипов. — Ты, пожалуй, жми-ка к ребятам. Там и правда нужнее, ребята просят.

— Правда? — обрадовался Дениска.

— Правда, Денис! А потом вот что... Хотим тебя группомсоргом избрать. Парень ты и на самом деле стоящий.

— А лучшего вам и не найти, — подала голос Ирина. — Правиль-но. Грамотный. Дело наше любит.

— Вот после работы соберемся и обо всем потолкуем. Нас девять человек здесь — комсомольцев, вот и комиссарь. А сейчас беги. Дело не ждет.

Боясь, как бы Архипов не передумал, Денис начал торопливо сдергивать с гвоздей свою еще не просохшую одежду, остановился вдруг — вспомнил об Ирине.

— Как же ты останешься тут?

— А что — я? — вздохнула, дескать, что с тобой поделаешь. — Вечером дровишек только наносите все вместе.

К тупику Денис бежал под дождем, брезентуха намокла и гремела при каждом движении, из-под ног летели брызги.

Лыкин его появлению не удивился. Мосластой мокрой ладонью смахнул с лица дождинки, поглядел на Дениса, сказал обычно:

— Лехе ступай помогни.

Работали дотемна, пока хоть что-то можно было видеть, а потом ввалились в столовую. Денис ел вяло, ему не хотелось есть, устал сильно, но ребята ели с аппетитом, перешучивались, задирая Ирину и Лешку Шмыкова.

Около Дениски сидел бульдозерист Стрыгин, поглядел сочувственно, сказал:

— Ты иди отдохни, Денис. Сразу заваливайся — и храпака, — хотел сказать тихо, но получилось так, будто все еще сидел в своем роточущем бульдозере.

— Да, Денис, ложись и поспи, — проорал Лыкин.

Но после ужина, прия в свой вагончик, Денис вдруг вспомнил, что днем он так и не удосужился написать маме ответ, решил дело в долгий ящик не откладывать, взял лист бумаги, сел к столу и задумался.

Вначале он хотел описывать подробно, как они добирались до места, чем занимаются, хотел рассказать об Архипове, Черноиванове и о Лешке Шмыкове с Лыкиным, и о бульдозеристе Стрыгине и о водителе КрАЗа — обо всех, с кем свела его судьба в эти дни. Но потом подумал, что такое письмо он еще успеет написать, а сейчас от него требуется единственное — успокоить маму.

И он написал:

«Здравствуй, мама! Я представляю, какого страха ты на себя на-гоняешь. А жизнь здесь прекрасная! Сколько хороших людей здесь, сколько у меня друзей сейчас, на всю жизнь друзей, мама! И ты не беспокойся. Это просто замечательно, что я настоял на своем и приехал сюда. Обнимаю тебя. Твой сын — Денис».

Он перечитал письмо, оно ему не понравилось, но и менять он ничего не стал, а вспомнил и торопливо внизу дописал:

«Мамочка! На стеллаже на второй полке сочинения И. А. Бунина, вышли, пожалуйста, первый том — стихи. И томик А. А. Фета «Вечерние огни».

Он вложил листок в конверт, но не стал ни запечатывать, ни писать адрес — слипались глаза, хотелось спать, тело было тяжелым и непослушным. Он заставил себя раздеться и лег.

Потом не мог точно вспомнить, успел он уснуть или нет. Дверь с треском распахнулась — и в проеме появился худой, в грубой, лязгающей от сырости брезентухе Лыкин.

— Вставай, Еланцев! Подъем! Вагоны пришли!

Денис вскочил, тараща глаза и ничего не понимая еще, принялся натягивать на себя непросохшие штаны, рубаху, тяжелый, напитанный водой, свитер.

— Я сейчас, сейчас.

— Давай, Еланцев, давай! Одевайся — и к вагонам.

И, уже стуча в окно следующего вагона, Лыкин торопил:

— Подъем, парни! Аврал! Все на разгрузку! Вы, что? Спать сюда приехали?! Выходи!

Ноги с трудом влезли в отсыревшие сапоги.

«Все равно под дождь, — подумал Денис. — Только чертовски тяжелые».

ЗАБАЙКАЛЬЦЫ

РОМАН¹

Глава XII

В тихое, солнечное утро середины августа вышел Савва Саввич на веранду, где его уже поджидала Макаровна. На столе перед нею шумит пузатый ведерный самовар со множеством выбитых на нем медалей, полученных владельцами фирмы на международных выставках. Сегодня праздник — успене, поэтому на столе у Макаровны и гравин с водкой, бутылка запеканки, соленые груди, рыжики, сметана и полная кастрюля горячих пирожков с мясом, вкусно пахнет топленым маслом и байховым чаем.

По случаю праздника Савва Саввич нарядился в новую сатиновую рубаху; поверх нее блестит двумя рядами орленах пуговиц форменный китель; шаровары с лампасами напущены на голенища сапог, пахнущих ваксой. Праздничное, приподнятое настроение у Саввы Саввича. Да и от чего ему быть плохому? В хозяйстве у него все благополучно, полный порядок во всем, сенокос закончили хорошо, сена накосили много, сметали его зеленым, погода стояла ведренная, как же тут не радоваться хозяину! Все в это утро радовало Савву Саввича, даже подросток Мишка, запрягавший в ограде коня в телегу с бочкой, и работник Никита, который только что вышел из зимовья в новой ситцевой рубахе.

— С праздником, Макаровна! — поздравил Савва жену и налил ей рюмку запеканки.

— Тебя равным образом, Саввич, — склонилась в полупоклоне Макаровна. — Себе-то чего же не налил?

— Нельзя, матушка, никак нельзя. В церковь пойти собираюсь, а ить это грех великий — после выпивки ко кресту христову приложиться! Вот после обедни тогда можно и таво... пропустить чарочку, другую.

Он налил себе уже третий стакан чаю, когда на веранде появился Семен, в отличие от отца, чем-то расстроенный, мрачный. Поздравив стариков с праздником, Семен налил себе бокальчик водки, выпив, закусил свежепросольным огурцом и молча принялся за пирожки.

— Что-то случилось, Сема? — встревожился Савва Саввич. — Чего-то ты вроде бы, таво... запечалился?

— Дела плохи у нас, вот что, — Семен налил себе второй бокальчик, выпил и, глядя мимо отца, продолжал: — Плохи дела. Вчера через нашу станцию опять поезд проследовал на восток, все японцев везут! Говорят, что это уж последний их эшелон!

— А чего тут плохого-то? Жили без японцев, значит, и дальше таво... проживем.

— Ты, тятенька, чисто дите малое! — горько усмехнулся Семен. — Такого простого дела понять не можешь! Ведь Семенов наш только ими и держался у власти, ушли они, и конец ему.

— Ты это взаправду говоришь?

— Конечно. Красные-то уж весь Амур забрали, Советскую власть там установили! Ясное дело, теперь и амурские партизаны к нашим забайкальским припарятся, а с запада советская Красная Армия уже на подходе к Чите. Вот кончится перемирие, как жиманут они на нас с двух сторон — и концы!

— Боже ты мой, — бледнея, с дрожью в голосе еле выговорил Савва Саввич. — А что же будет потом?

— А то и будет, что нам одно остается: за границу подаваться, пока не поздно!

— За границу? — ухватившись за бороду, Савва уперся в сына таким взглядом, точно видел его впервые. — За границу, а дом, хозяйство бросить?

— Хозяйство! Неужель ты думаешь, что при власти ихней также будешь хозяйствовать, и большевики тебя пальцем не тронут? Навивный ты человек.

— Неужто разграбят все, али зарестуют?

— Сразу-то этого может и не быть, потому что они буферную, демократическую республику объявили; а в ней у власти не одни большевики будут, а и другие партии. При такой власти, если бы она в самом деле укрепилась, можно бы жить.

— А ежели так, то господи, — с живостью отозвался Савва Саввич, — будем жить дома, а о заграницах этих и не думать!

— Да кабы она в самом деле устоялась, республика-то эта, — горячился Семен, все еще пытаясь убедить отца в необходимости эмигрировать за границу. — Это же обман, большевики придумали, как половине японцев выкурит отсюда. А с Семеновым расправятся, и буфер этот долой, как дермо с лопаты! А уж как большевики власть захватят, тогда мы запомен Лазаря! Так что самое лучшее — немедля махнуть в Маньчжурию! Проехать сейчас свободно, по всей линии войска наши стоят, да и перемирие между белыми и красными. А в Маньчжурии у нас деньги в Русско-Азиатском банке и не какие-то семеновские «голубчики», а настоящие, в переводе на китайские тяны, да и золото есть, купим дом там и переживем лихое время.

Но, как ни доказывал Семен правоту задуманного им дела, старик упорно стоял на своем, и Семен махнул рукой:

— Не хочешь, как хочешь, оставайся здесь... что потом будет — пеняй на себя, а я завтра же все дела свои сдам атаману. Запрягем с Никитой тройку и — дуй, не стой.

Он выпил еще стаканчик и, уже начиная пьянятъ, поднялся из-за стола, но снова опустился на стул:

— Чуть не забыл о страде поговорить с тобой. Ты как насчет жнитва-то думаешь?

— А чего думать-то? Подойдут хлеба, поспеют, и за жнитво примемся.

— Я не о том, должников своих понудишь отрабатывать?

— Знамо дело, вить не даром! Брал, значить, таво... отрабатывай. А как же иначе-то? Все так делают.

— Вот что, тятенька родимый, послушай моего совета: должников нынче не притесняй, а тем, какие придут отрабатывать за долги, плати полную цену! Сколько будут платить поденщикам другие, столько и ты плати, не жадничай.

— То ись как же это так? — ухватился за бороду Саввич. — Я же

их выручал в голодное время, можно сказать, таво... от смерти спасал, а теперь им же полную цену? Кушайте на здоровье!

— Ох, тятенька, — сожалеюще глядя на отца, покачал головою Семен. — Удивительно, что ты такой деловой человек, а вот в том, что творится вокруг, не разбираешься. Пойми, хозяйство наше таким, какое оно есть, тебе не удержать, растребушат тебя товарищи, от этого никуда не денешься. Так лучше уж пусть этот хлеб людям достанется, которые на тебя работали, чем христопродавцам-комиссарам красивым, всю жизнь нашу перевернувшим. Да еще и то поимей в виду, людей на тебя злых немало, а среди должников твоих особенно, надо задобрить их теперь хорошей платой за труд! Это тебе можетшибко пригодиться.

— Семушка верно говорит, — вмешалась в разговор молчавшая все время Макаровна, — сделай доброе дело. Поможешь бедным людям, и они добром тебе отплатят.

— Пожалуй, верно, — вздохнул Савва Саввич и, поднявшись со стула, перекрестился в сторону церкви, откуда доносился тягучий мерный звон колокола, — звонят к обедне, пойду.

Через два дня после успеня Семен уехал. Отправился он в китайский пограничный город Маньчжурию не на тройке лошадей, как Предполагал, а на двух пароконных тяжело нагруженных телегах, там у него мешки с мукой, с овсом, бочонок масла, мясо соленое, вяленое и многое другое. «Чем больше увезу тем лучше, — сказал он вечером накануне отцу. — Ты так же сделай, когда надумаешь, туда уехать, чтобы этим злодеям меньше досталось. Никиту я на одном коне отправлю обратно, а трех там продам».

Глава XIII

С того времени, как Семен уехал из дома за границу, прошло больше месяца. Слова его, сказанные при прощании с отцом, возымели действие, и диву давались старики, собираясь вечером на завалинках:

— Шакал-то наш, слыхали? Поденщикам платит, как и все!

— Говорят, по пуду пшеницы за день дает!

— Врут небось! Чтобы Шакал на такое решился, сроду не поверю!

— Ничего не врут, а в самом деле. Иван мой перед сенокосом взял у него четыре пуда муки яришной, думали, что теперь за эту муку на полстрады запрягет нас отрабатывать, ан нет, вдвоем Иван съездил на житво два дня, и долгом прост.

— Да вот и Прохор Лоскутов то же самое рассказывал.

— Диковина, братцы!

— С чего же он подобрел эдак?

— Хитрит, стервуга, слышит, что у властителей семеновских дела плохи, вот и старается грехи свои загладить, задобрить сельчан.

— Чует кошка, чью мясу съела!

Как раз в это время в селе появился новый учитель, однорукий Степан Литвинцев (руку потерял на фронте в пятнадцатом году). Он оказался человеком общительным, любил вечерами приходить к старикам на завалинку, книжечки им почитывал: сначала Льва Толстого, Горького, а потом и про революцию, про буферную республику — ДВР, да так почитывал, что старики, ошелошло оглядываясь, предостерегали:

— Ты, Степан Михайлыч, поаккуратней бы, не дай бог, донесется до властей...

— За разговоры такие и тебе попадет, и до нас доберутся.

— Ерунда, им теперь не до нас, — разглагивая, черные как смоль, усы, посмеивался учитель и, начертав палкой на песке подобие карты Забайкалья, продолжал рассказывать.

От него антоновские старики узнали, разнесли по селу подробности о Дальневосточной республике, временное правительство которой находилось в Верхнеудинске и оттуда руководило всем Дальним Востоком.

— А здесь вот, — тычет палкой учитель в начертенную им «карту», — в городе Нерчинске недавно большевики съезд провели. Выборных людей всего Восточного Забайкалья собрали и уже власть областную установили — Забайкальский областной ревком.

Слушают старики, уставив бороды, качают головами, дивясь учености Литвинцева.

— А мы-то живем тут, сном-духом ничего не знаем, не ведаем!

— Стало быть, Семенова-то уже со всех сторон обложили?

— А кого же в ревкому атаманом поставили?

— Атаманов у революционной власти нету, дедушка. В ревком выбрали самых достойных людей из рабочих, крестьян, казаков, учителей, председателем поставили коммуниста Жданова Бориса, двенадцать лет каторги отбывал за политику, умнейший человек.

Рассказанное учителем доходило и до слуха Саввы Саввича, а у него и без того было так тяжко на душе, как никогда не бывало до нынешнего года. Тревожное состояние это зародилось у него еще тогда, когда услышал он от сына Семена о непрочности белогвардейского режима в Забайкалье. Даже то, что он, послушавшись Семена, набавил цену за работу поденщикам, не принесло ему желанного облегчения.

Должники, в ответ на его «благодействия», сухо благодарили и по их лицам, взглядам Саввич понимал, что они принимали это как должное. А один невзрачный на вид мужичонка, одноглазый Герасим, которому Савва Саввич сверх отработанного им долга отвесил еще и полпуда муки «на руки», буркнул хозяину:

— Спасибо, давно бы так! — И, помолчав, спросил со вздохом: — А за те годы, когда мы за фунты у тебя робили, будет прибавка?

Не ожидавший такого вопроса, Савва Саввич с минуту ошелошло смотрел на дерзкого мужика, потом обернулся к сусеку, злобно крикнул:

— Держи мешок!

Пуда четыре муки нагреб Герасиму Савва Саввич, помог ему взвалить мешок на плечо.

— Спасибо, — во второй раз буркнул мужик и, горбясь под тяжестью мешка, вышел из амбара.

Понял Савва Саввич, что и хорошей платой за работу не задобрить своих должников, слишком уж велика у них обида на него. С этого момента жизнь еще более опостылела Савве Саввичу. Уж не радуют его, как бывало, островерхие клади пшеницы на гумне, вороха намолоченной гречи на гладком ледяном току, ни все его богатство.

«Все теперь ни к чему, все пойдет прахом!» — размышлял он, мотаясь по ограде и нигде не находя себе места.

Прихода красных, захвата власти большевиками Савва Саввич боялся, как огня. А тут еще в довершение всех невзгод стало известно, что недолгое перемирие между красными и белогвардейцами Забайкалья закончилось, вновь начались боевые действия и белые на

всех фронтах отступили к линии железной дороги. Об этом Савва Саввич и сам догадывался, видя, как мчатся на восток набитые солдатами поезда. Товарные вагоны, приспособленные для перевозки пехоты, так переполнены, что люди, несмотря на холод, едут в открытых тамбурах и даже на крышах теплушек. Железная дорога уже не в состоянии справиться с таким наплывом пассажиров, воинских грузов, и потоки людей устремились на восток конным и пешим порядком. Через Антоновку потянулись обозы с интендантскими грузами, повозки с беженцами, батареи, зарядные ящики, толпы пехотинцев.

Все это злило Савву Саввича, он возмущался, почему это семеновские генералы допускают такое, почему громадное это войско, имея множество пушек, пулеметов и прочего снаряжения, бежит? Почему они не хотят воевать?

С этим вопросом и обратился он к седоусому есаулу Оренбургского казачьего войска, заехавшего к Савве Саввичу на постой в числе пяти других офицеров. Кроме офицеров, заехало еще и десяток казаков, поселившихся в зимовье. Офицеры после обеда куда-то ушли, седоусого же есаула Савва Саввич пригласил к себе в горницу, надеясь вызвать его на откровенный разговор и услыхать от него что-нибудь утешительное. Ему не верилось, не хотелось верить, что власти атамана Семенова приходит конец.

Приказав Макаровне подать в горницу закуску, Савва Саввич достал из шкафа графин с водкой, наполнил граненого стекла бокальчики, провозгласил:

— За победу, ваше благородие, над супостатом нашим!

Грустно усмехнувшись, есаул в ответ лишь головой покачал. Разговорился он только после третьего бокала.

— Какая уж там победа! — сказал он со вздохом и, выпив, вытер ладонью усы. — Хоть бы до границы-то добраться подобру-поздорову, и то слава богу.

— Бож-же ты мой! — Савва Саввич, как всегда в таких случаях, ухватился за бороду и, пораженный этим признанием, продолжал сникшим голосом: — То ись как же это так? Вон какая сила у вас, орудиев полно, пулеметов, войска всякого.

— Э-э, ерунда! — отмахнулся есаул. — Позвольте, как вас по имени-отчеству?

— Савва Саввич.

— Я с вашего позволения, Савва Саввич, — и, не дожидаясь «позволения», есаул налил себе еще бокальчик, выпил. — Какая у нас сила? Разве такая была армия у Колчака год тому назад? А у Семенова и того хуже. У красных, Савва Саввич, силы намного больше наших, да дело и не в этом: у них идея! Большевики райскую жизнь на земле суют, а народ, дурак, верит им, особенно рвань всякая. Так валом и валит к ним. Эти большевики и нашу армию деморализуют, потому и воевать не хотят наши солдаты, они устали от войны, спят и видят поскорее убраться за границу. В этом сейчас наше единственное спасение.

С ужасом душевным, все так же ухватившись за бороду, слушал Савва Саввич откровения опьяневшего офицера. А тот, уже не спрашивая хозяина, глушил водку бокал за бокалом и то плакал, вспоминая жену и сына-гимназиста, то, называя Савву Саввича Степаном Степановичем, лез к нему целоваться, то грохотал по столу кулаком, вспоминая казаков своих.

— Орлы, джигиты! — орал он, откидываясь на спинку стула и размахивая руками. — Рубаки, черт меня подери! Федька, Митька Стрепетов. Зови его сюда, Семен Семеныч, он тебе покажет, как поют

наши казачки... А ну, давай любимую запевай! — и, запрокинув голову, зажмурив глаза, начал:

За Урало-ом за реко-ой
Ка-а-а-за-аки гуляют,
Гей-у-гей, э-эх, не робей
Ка-а-за-аки-ки гуляю-ют!

Когда в графине остались одни лимонные корки, Савва Саввич помог гостю подняться со стула, увел в отведенную им комнату и, уложив его на диван, накрыл полуушубком. Офицер сразу же уснул, густым храпом наполнив комнату, а Савва Саввич, удалившись в горницу, сел в кресло, задумался.

«Значит, так оно и есть, как говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», — думал он, внутренне содрогаясь от мысли, что будет, когда уйдут белые, а с войны заявятся в Антоновку многие его недруги. Больше всего боялся он появления в селе бывшего работника своего Егора Ушакова и тех молодых казаков, которых он два года тому назад завербовал к Семенову, а они перебежали к красным.

От мыслей этих сна лишился Савва Саввич, уснул он уже на рассвете, а когда проснулся и вышел на веранду, то увидел, как два казака выволокли из двора здоровенного барана-валуха. Один казак, в черных с голубыми лампасами шароварах, тянул барана за рога, а второй шашкой отсек валуху голову. Савва Саввич возмутился таким самоуправством постояльцев и уже двинулся было к ним, чтобы отругать их, но вдруг остановился, спохватившись.

«А к чему мне это теперь? Не все ли равно, кто моих овец жрать будет? Эти-то все-таки люди свои...»

В то время как казаки в ограде жарили на костре нанизанные на винтовочные шомпола печенку и жирные куски свежего мяса, в доме вестовые готовили обед офицерам. Из кухни на весь дом пахло упревшими щами, жареной барабаниной и луком.

Приказав казакам готовиться к отъезду, седлать коней, офицеры принялись за обед в комнате Семена. Один из вестовых принес откуда-то полведра самогону, и за столом у них вскипел шумный разговор, смех. Савва Саввич одиноко сидел у себя в горнице, прислушиваясь к оживленному говору постояльцев.

«До чего же бесшабашный народ, — вздыхал он, осуждающе качая головой. — До весельства ли тут, беда вон какая надвигается, а им и горюшка мало. Шалапуты непутевые, и больше ничего!»

В ограде казаки уже заседали лошадей, толпились в ожидании хозяев, курили. Наконец поднялись и офицеры, все так же громко разговаривая, затопали по коридору, захлопали дверями, из ограды до слуха Саввы Саввича донеслись слова команды. Последним в коридоре одевался седоусый есаул, казак-дэнщик помогал ему надеть полуушубок. Есаул еще не проспался от утренней выпивки, да к тому же еще и самогон выпил, опьянял.

— А-а, Павел Павлыч, — разулыбался он, увидев вышедшего из горницы Савву Саввича. — Прошай, дружище!

— Уезжаете, значит? — осведомился Савва Саввич, подавая офицеру руку. — Оставляете нас тово... врагу на расправу?

— Не-ет, Павел Павлыч, мы еще вернемся, вот как изведаете на своей шкуре большевистский рай да взвоете по прежней жизни, вот тогда мы и вернемся... Да, вот что... рюмашечку бы еще, посошок на дорожку... нету? Жаль.

В этот же день вечером Савва Саввич вызвал к себе старшего

сына — бородача Трофима и, когда тот пришел по случаю праздника чуть под хмельком, провел его в горницу, туда же позвал Макаровну.

— Дело такое, — начал он, усаживаясь в кресло, — садись, мать, — чего стоишь? Так вот, решил я севодни таво... ехать к Семену, за границу то ись.

— Надолго? — спросила Макаровна.

— Надолго, насовсем.

— Насовсем! — всплеснула руками Макаровна и уставилась на старика испуганным взглядом. — А мы-то как же здесь?

— Так и будете, как жили, — начиная сердиться, повысил голос Савва Саввич. — Ты-то чего забоялась? Твое дело — сторона, ежели и таво... заявляются какие комиссары, одно говори: берите, што хотите, а я знать ничего не знаю. И всего делов. То же самое и про меня говори, ежели спросят. А мне тут оставаться нельзя, никак нельзя. Народ за эту войну обозлился, и те, каких выручал в голодное время, теперь меня же в ложке воды утопить готовы. Обживусь там и тебя к себе вытребую, переживем там эту беду... Ну, хватит тебе, хватит! Эка дуреха, прости господи, вечно глаза у нее на мокром месте, — и, плонув с досады, Савва Саввич поднялся с кресла. Задержавшись у двери, оглянулся на молча сидевшего Трофима, сказал ему: — Завтра с утра приходи, передам тебе все, расскажу... — и вышел, чтобы приказать Никите готовиться в дорогу.

Весь следующий день Савва Саввич провел в хлопотах. Пару лучших лошадей велел Никите сводить в кузницу, подковать на полный круг. Он даже несколько успокоился от этих хлопот, а больше всего от слов есаула, что власть большевиков будет недолговечной.

«Конешно, — рассуждал он про себя, шагая вместе с Трофимом через двор на гумно, — разорить-то разорят красюки хозяйство, это уж наверняка. Но ничего-о, как вернемся, поправим дело, была бы голова на плечах!»

Бородатый, пыщущий здоровьем Трофим, поскрипывая на ходу подшитыми кожей валенками, еле сдерживал клокотавшую в нем буйную радость по случаю так неожиданно свалившегося на него отцовского богатства. Боясь выказать отцу эту радость, он старался говорить серьезно, по-деловому.

— Скот на заемку нынче пораньше придется отправить! Там надежнее будет.

— Что ты сказал? — очнулся от своих раздумий Савва Саввич. — А-а, насчет скота, что ж, пожалуй, верно. Угони, чтобы там таво... в глаза красным не кинулись.

— Да и к Доржишке-пастуху съездить придется, доглядеть, как там у него, все ли путем

— Съезди.

На следующее утро, еще солнце не взошло, а Савва Саввич, одетый по-дорожному, уже сходил со ступенек крыльца в ограду, где ожидали его одетый в полушибок и валенки работник Никита и пара лошадей, запряженных в пролетку на железном ходу. На Савве Саввиче мерлушчатая шапка-ушанка, новые унты и поверх полушибка яманья доха с большим воротником. Рядом с ним Макаровна в стареньком ватнике, мочит слезами шалевый платок, концами которого поминутно вытирает напухшие глаза.

— Да перестань ты, перестань! — шикает на нее Савва Саввич. — Ну што ты, ей-богу! Вить не на вовсе же я уезжаю! Большевики тут долго не удержатся, офицер-то вчера говорил мне про них. Когда все тут таво... уладится, я и вернусь, дал бы бог здоровья! — И, оборачиваясь к шагавшему справа Трофиму, продолжает с ним разговор:

— А пару больших быков заколоть надо к заговенью, остарели уж для работы.

— Сделаю, батя, кх... кх... — Трофим тужится выжать из глаз слезу, натужно кашляет, поддакивает жалобным голосом. — Все сделаю, только уж ты там... кх... себя-то береги.

— Кожу с одного быка на сыромяль переделай, с другого на дублень.

— Сделаю, батя.

У телеги толпятся провожающие: работники, подростки, скотница Матрена. Никита уже на переднем сиденье сдерживает переступающих с ноги на ногу лошадей. В задке пролетки и под сиденьем уложены мешок с мукою, второй с копченым мясом, целый куль погорожников: калачей, шанег, туески со сметаной, с маслом. Все увязано, уложено так, чтобы хозяину было удобно сидеть.

Распростишись со всеми, усевшись в пролетку, Савва Саввич потрогал рукой сунутый за пазуху револьвер «смит-вессон» (купил по дешевке) и, сняв шапку, поклонился домочадцам.

— Оставайтесь с богом, прощевайте!

— До свиданья, до свиданья!

— Счастливый путь!

— Храни тебя восподь, — перекрестила Савву Саввича Макаровна, — Микола-угодник!

Вот уже третий день идет, как Савва Саввич с Никитой выехал из Антоновки. За эти дни они, обгоняя многочисленные обозы, повозки беженцев, перевалили скалистый хребет Черского, миновали его таежные отроги, и перед ними раскинулась безгранична, неоглядная степь.

С ночлега выехали они на рассвете. Село, где ночевали, было так переполнено белогвардейцами, обозами и беженцами, что спать Савве Саввичу с Никитой пришлось на дворе, благо, одежа у обоих теплая, и спалось им хорошо на свежем воздухе. Утром, еще затемно, Савва Саввич разбудил Никиту:

— Вставай живее, чай варить будем. Выехать надо пораньше, пока вся эта ярмарка не двинулась.

Никита нехотя поднялся, громко зевнул.

— Куда же в эдакую рань?

— Одним-то ехать куда способней, и пыли дорожной, как вчера, не будет. Своди коней на речку, напой и воды принеси на чай.

Пока Никита водил коней на водопой, Савва Саввич принес из двора в поле полушубка сухого аргалу, разжег костер, из пролетки достал трехногий таган. Собираясь в дорогу, все предусмотрел Савва Саввич, и таган прихватил, и даже седло лежит у Никиты под сиденьем, может быть, и оно пригодится, в дороге всякое бывает, а запас кармана не дерет.

Село только просыпалось, в оградах разгорались костры, мельтешили люди, звякали котлы, ведра, а Савва Саввич выехал уже за околицу.

Хорошо ехать степью ранним утром. Свежий чуть морозный воздух будоражит кровь, дышится легко, в голову приходят приятные мысли. Сегодня в степи тишина, обозы и беженцы остались позади, перед глазами безлюдная и бесснежная равнина. В этих местах и зимой так мало выпадает снега, что пастухи здешних богачей-скотоводов пасут их тысячные табуны овец, крупного скота и лошадей всю зиму напролет, и сена им не требуется, хотя громадные, длинные за-

роды востреца высятся повсюду в степи, подобные древним сторожевым курганам.

Справа от проселка пролегла линия железной дороги, на всем протяжении ее торчат телеграфные столбы, степную тишину время от времени нарушает грохот поездов, пустопорожние мчатся на запад, переполненные военным людом на восток, к китайской границе.

Савва Саввич провожает их негодующим взглядом.

— Вояки! — сердито бурчит он. — Будьте вы трижды прокляты! Бегут как оглашенные!

К полудню степь несколько изменилась, стала неровной, бугристой, на волны застывшего океана были похожи пологие холмы, укрытые бурой кошмой пожухлого, высушенного ветром разнотравья, украшенного серебристыми метелками ковыля. На одном таком холме Никита первый увидел конного, указал на него кнутом.

— Пастух, поди, — встревожился Савва Саввич.

— Ох, едва ли, табуна-то вить не видно никакого, а вон еще к нему подъехали, еще...

— Значит, разъезд казачий!

— А может, и красные? Што-то мне показалось, хвост у одного коня-то короткий, не казаки это.

— Восподи, твоя воля, — побледнел Савва Саввич, — останови, Микита. Воронка-то отстегни и под седло, живо!

Никита и сам напугался не менее хозяина, остановив лошадей, он кинул ему вожжи, в момент отстегнул пристяжного, оседлал, помог Савве Саввичу сесть в седло.

— За мной езжай, в поселке встречу! — крикнул Никите Савва Саввич и с места погнал Воронка в галоп, надеясь, что любимый бегунец унесет его от чужаков.

Но и конники заметили его и, спустившись с холма (их уже было около двух десятков), дали коням ходу. Они в момент догнали Никиту.

— Сто-ой! — крикнул один из них. Никита, потянув вожжи, оглянулся.

— Никита! — скорее по голосу, чем по внешности, Никита узнал в забородатевшем партизане Ивана Рудакова. — Ты чего здесь?

— Ох... Иван Филиппич, — бледный, стуча зубами с перепугу, еле выговорил Никита. — Савву Саввича вез...

— Хозяина?! — вскрикнул Рудаков. — Так это он там? А ну, братва, за мной! — Вся ватага конников рванулась за ним.

А Савва Саввич уже далеко впереди, только полы дохи раззываются за его спиной, хлопают по взмыленным бокам бегунца.

Версты три гнались за ним красные конники, а расстояние между ними не уменьшалось. Без толку расстреляв по нему всю обойму, Рудаков, досадуя на себя, обернулся к скакавшему позади партизану:

— Верхотуров! Чего тянешь, холява? Упустим, ну!

Русобородый здоровяк, бывший охотник из казаков Усть-Уровской станицы, снял с плеча винтовку, приподнимаясь на стременах, прицелился и, выстрелив, опустил трехлинейку: «Готов!»

Стало видно, что конь Саввы Саввича остановился, повернулся боком. Очевидно, свалившись с него, хозяин не выпустил из рук поводья. Доскакав до него, партизаны спешились, окружили убитого, и, когда туда подъехал Никита, его хозяин недвижно лежал на спине, широко раскинув руки, из-под полушибка его на песчаную дорогу натекла кровавая лужица. В его доху уже нарядился Верхотуров, другой партизан стянул с убитого унты, третий завладел его бегунцом. Двое подошли к телеге.

— Харчей-то, товарищи! — ликовал усатый партизан. — Всему взводу хватит дня на три!

— Добро. У нас теперь заводной конь, на него и погрузим мешки эти.

— А муку?

— Отдадим старику.

— Мне-то как теперь быть? — чуть не плача, взмолился Никита, подойдя к Рудакову. — Обратно ехать, а как с покойником?

— Вези его домой. С ним тебе даже лучше, одного тебя в подводы заберут беляки, а с покойником могут пропустить. Будут приставать — соври, что от тифу он помер и отступятся сразу. Мука у тебя есть, масло в туеске забери себе. Чем тебе не житуха! А Шакала не жалей, добра ты от него не видел, а кровушки мирской попил он вдосталь!

— Чего его жалеть мне. Только вот босого-то покойника вести нехорошо вить! Дали бы хоть обутки какие-нибудь?

— Боишься, что ноги простудит, — зло пошутил Рудаков, — ничего-то, сойдет и так.

Партизаны подняли тело убитого, уложили его в пролетку. Никита поправил на нем испачканный кровью полушибок, сложил ему как положено руки, укрыл брезентовой палаткой, а ноги обернул конской попоной и, взмостившись на переднее сиденье, повернул в обратный путь.

Глава XIV

На исходе октября 1920 года, впервые после двухлетнего перерыва, Чита украсилась алыми флагами! Они затрепыхали под дуновением легкого ветерка над зданием бывшего войскового казачьего управления, железнодорожным вокзалом, телеграфом, учительской семинарией и даже над крышами многих домов местных жителей! Произошло это, когда, сломив сопротивление белогвардейского гарнизона, в город вошел первый отряд красной конницы «старика» Бутрина. Очень хотелось Бутрину захватить в плен самого Семенова, но опоздал старик ровно на сутки! Атаман еще накануне улетел из Читы на самолете в Маньчжурию, а гарнизоны его в Чите, Антипихе и Песчанке после небольшого боя сложили оружие. Примеру семеновцев последовали отчасти и капрелевцы, более четырехсот солдат из дивизии генерала Бангерского также сдались в плен.

Однако отступающие вдоль железной дороги к русско-китайской границе остатки белых армий яростно сопротивлялись, бились за каждую станцию, каждый полустанок, уходя, рвали за собой мосты, выводили из строя водокачки! Гул взорванной семеновцами в Даурии церкви превращенной ими в склад боеприпасов, был слышен за десятки верст. Когда партизанский отряд Пакулова после кровопролитного боя вошел в Даурию, на месте бывшей церкви дымились кучи битого кирпича и железа.

К радости партизан, на станции, кроме вагонов с интендантскими грузами, оружием и ящиками с патронами, оказался эшелон с мукоем. Белогвардейцы не успели взорвать составы, и это оказалось очень кстати! Мукоем снабдили бойцов, и в улицах заполыхали костры. Уставшие, голодные люди тут же принялись замешивать в котелках тепло и на саперных лопатках, на раскаленных каменных плитах печь лепешки.

— Товарищ командир, к нашему костру пожалуйте! — крикнул

один из партизан, увидев проходившего мимо командира отряда Пакулов. В легоньком полушибке, с наганом на боку и непомерно высокой папахе Пакулов оглянулся на окрик, подойдя, поздоровался:

— Чай с сахаром!

— Чаевать с нами милости просим!

— Блинов наших отведать, присаживайтесь!

— А сахар-то у нас и в сам-деле есть, вот он, пожалуйста!

Пакулов повел глазами и около костра увидел конскую торбу, чуть не доверху наполненную пиленым сахаром.

— Каково, брат ты мой! — заулыбался он, усаживаясь на ящик из-под снарядов. — Даже в будни чай пьете с сахаром!

— Пьем да ахаем! — отштутился какой-то весельчак.

Вкусными показались Пакулову горячие пресные лепешки, он запивал их кипятком из жестяной кружки, вприкуску с сахаром и только теперь почувствовал, как сильно проголодался! Свой отряд поднял он с ночлега ночью, проделав восьмидесятиверстный переход, вступил в бой и только теперь смог утолить голод.

Едва покончили с едой, как на западной окраине поселка захлопали выстрелы, короткую очередь выстукал пулемет.

— К оружию, за мной! — стремительно поднявшись с ящика, Пакулов первый кинулся вперед. За ним с винтовками наперевес устроились партизаны.

Уже третья неделя ноября подходила к концу, а бои вдоль линии железной дороги продолжались. Уходящие на восток белогвардейцы сопротивлялись отчаянно, словно истекающий кровью, но все еще живой дикий зверь.

Макар Якимов получил приказ атаковать силами своей бригады и занять ближайшую к границе станцию Мациевскую, чтобы отрезать путь белым к отступлению.

В ночь перед боем Макар приказал Егору с его эскадроном взорвать железнодорожный мост между Мациевской и 86-м разъездом. Ночью бойцы Егора трижды пытались выполнить задание комбрига и не могли: отгороженный колючей проволокой мост находился под усиленной охраной.

Бой начался на рассвете. Сначала били залпами из винтовок и пулеметов, к восходу солнца заговорили вражеские пушки. Эскадрон Егора занял один из отрогов Тавын Талаゴя¹ — Атаманскую сопку, чтобы держать под огнем линию дороги, в случае прорыва белых к границе.

С горы Егору было видно Мациевскую, окопы вокруг нее, проволочные заграждения. А напротив Атаманской сопки, чуть левее, однократно торчало темно-коричневое здание 86-го разъезда. Это уже на самой границе, дальше потяняется китайско-восточная железная дорога, построенная на средства русского народа. С горы Егору виден был и китайский город Маньчжурия, куда теперь хлынул поток бегущих белогвардейцев из разбитых семеновских и колчаковских армий.

Бой длился весь день. Не раз кидались в атаку спешенные полки Макара Якимова, и всякий раз белые встречали их ураганным огнем, красным конникам приходилось отходить. Взять в этот день Мациевскую не удалось, захватили ее двумя днями позднее.

Кончилась война, отгремели орудийные раскаты. Последние остатки разгромленных белых армий укрылись в Китае и отчасти в

¹ Пятиглавая гора на самой границе с Китаем.

Монголии. Партизаны ждали скорого увольнения из рядов Народно-революционной армии, рвались домой, однако приказа о демобилизации не было, на партизан возложили и охрану границы, так как специальных пограничных войск пока не было у новой власти, а границу охранять надо. Резервные части бывших партизан перевели на казарменное положение.

Глава XV

Партизан второй кавбригады распустили по домам в первых числах февраля, когда летучий эскадрон Егора находился в Сретенске.

Прощальный вечер по этому случаю состоялся вечером в партизанском клубе, украшенном плакатами и лозунгами на красных полотнищах. На сцене над столом президиума большой портрет Ленина в обрамлении зеленых сосновых веток, перевитых алыми полосками кумача. В президиуме командиры, комиссары и гражданские лица — представители укома большевиков и уездного ревкома. На груди Макара Якимова сияет орден Красного Знамени. Егор, еще не видевший вблизи нового советского ордена, смотрит на него и радуется за своего друга, с которым десять лет провели в совместных походах и битвах. Вдоволь хватили они лиха, побывали во многих переделках. Радехонек Егор, что Советская власть не обошла его друга большой наградой.

Размышления Егора прервал басовитый голос Якимова.

— Торжественное собрание, посвященное увольнению в запас наших боевых товарищей, объявляю открытым.

Даже речь произнес Макар по такому случаю, хотя и не мастак был на такие дела. Говорил он коротко и закончил тем, что предложил почтить вставанием и минутой молчания память Павла Журавлева, Федота Погадаева, комиссара Хоменко и многих других погибших героев революции.

Все встали, торжественная тишина наступила в зале, а через минуту взвыли медные трубы, глохо барабан, оркестр исполнил Интернационал!

Все это до глубины души взволновало Егора, в звоне литавр ему чудились взрывы гранат. Ведь вот с таким же звоном лопались вражьи снаряды, и год тому назад здесь, на сопках, так нелепо погиб его друг Погадаев.

«Эх, Федот, Федот, — мысленно, с болью в сердце думал Егор, — не послушал ты меня, и напрасно! И чего тебе дался тот дикарь, саврасый, чтоб его волки разодрали. Кабы не конь тот, сидел бы ты теперь в президиуме с таким же орденом, как у Макара. Уж тебя-то наверняка бы наградили».

После торжественной части самодеятельные актеры дали спектакль «Красная чайка», инсценировку которого сочинил партизанский драматург Коренев. На сцене мужики, партизаны, офицеры-каратели в погонах из белого картона и даже поп в рясе из конской попоны, с конопляной бородой и большим крестом на груди.

Спектакль зрителям понравился, и не беда, что монологи из пьесы им пришлось слушать дважды — сначала их во всеуслышание проговорят суфлер, затем то же самое повторит артист, — аплодировали им дружно и от души смеялись, когда у белого генерала в самый ответственный момент оторвалась привязанная на нитку овчина борода. Но больше всего смеялись над главной героиней спектакля — партизанской «Красной чайкой», роль эту поручили сыграть широкоплечему

партизану Булдыгерову. Повязанный красной косынкой, в ситцевой юбке, из-под которой виднелись гураны унты, он уже одним своим видом смешил зрителей. Говорил он визгливым тоном, стараясь подражать женскому голосу: все в зале покатывались от хохота, хватаясь за животы.

А на утро, когда в последний раз в полку Егор седлал своего Гнедка, чувства его двоились, и радостно было ему, что едет наконец-то он к семье, к детям, к Насте (думалось ему, что она, наверное, дома), и тяжело было расставаться с полком, с боевыми товарищами, с которыми сдружился за эти годы.

Шилкинские, ингодинские партизаны, в числе которых был и Егор, выехали из Сретенска отрядом в полторы сотни человек, но чем дальше ехали, тем больше убывал отряд. Первыми отделились от него восемнадцать всадников Жидкинской станицы.

Трогательно было прощание боевых друзей на ледяной дороге посреди Шилки. Сошли с коней, сбились кучей, и безмолвные до сего прибрежные тальники и боярышники огласились многоголосым, как на ярмарке, говором:

— Ваньча, вот оно когда подошло!
 — Прощай, браток, может, свидимся.
 — Вить с 15-го года...
 — А под Кавикучами как было?..
 — Егорша, разговор-то наш помнишь?

Но вот уже все восемнадцать всадников в седлах, последние слова прощания, кто-то подал команду, и, на ходу выстраиваясь по три в ряд все шагом двинулись на правый берег. И только поднялись на него, сразу же скрылись из виду за густо разросшимся здесь тальником.

Проводили товарищей по оружию, постояли еще на этом месте, покурили и двинулись дальше.

То же самое повторилось, когда у небольшого островка на Шилке прощались с товарищами из станиц Ундинской, Кулаковской, Ново-троицкой. Больше всего поредел отряд на станции Приисковой, когда рас прощались с партизанами города Нерчинска, с горняками Балея из прославленной «Золотой сотни». До станицы Заозерской доехали лишь двадцать семь человек, а до Верх-Ключей всего лишь трое — малорослый, белоусый Петр Подкорытов, Егор и молчаливый нелюдим Степан Дюков. Шел уже третий день, как выехали они из Сретенска. Время подходило к полудню, когда подъезжали к родному селу. На подъезде к старой березе, памятая обычай отцов и дедов, перевели коней на шаг и, сняв папахи, помахали ими старухе.

Первым, кого увидел Егор, подъехав к своей избушке, был дед Ермоха в неизменном своем ергаче, козья доха его висела тут же на кольшке. Старик только что приехал из лесу с дровами, аккуратно уложил их в штабель, а коней еще и выпрячь не успел, как увидел Егора.

— Дядя Ермоха! — Егор, спрыгнув с коня, обнял старика, а из дому, торопливо надевая в рукава ватную кацавейку, уже спешила Платоновна. Она заметно постарела за эти годы, а в прядке волос, что выбились из-под платка, седины прибавилось, и морщинки в уголках глаз лучиками протянулись к вискам.

— Егорушка, родной! — И радуется-то она, и в глазах уж испуг и слезы, — с ружьем-таки, неужто снова...

— Нет, мама, насовсем приехал, кончилась война. А винтовка, так это на всякий случай. Вы-то как, все живы, здоровы? Настя-то где?

— Нету, Егорушка, Нasti, не приехала ишо. Ой, да что это мы, идемте в избу. Наташку-то я одну оставила, не упала бы. А Гошка в школе, придет скоро.

А у Егора и свет померк в глазах, и радости от встречи как не бывало. Сняв с плеча винтовку, молча прошел он за матерью в избу. И даже избушка на сей раз показалась ему меньше, чем была раньше, словно усохла она за эти годы, глубже вросла в землю. И дочку свою двухлетнюю Наташу увидел Егор, сидит на гобчике с самодельной из лоскутков куколкой в руках, таращит на «чужого дядю» глазки цвета спелой черемушки, бровки словно нарисованы черной тушью, а на пухлых щечках розовые лепестки пристали. Глянул на нее Егор, и сердце заныло сильнее — вылитая Настя. Он сунулся было к ней на руки взять, да во время спохватился, нельзя с холоду. Раздевшись, шашку свою повесил на тот же бороновый зуб, вбитый в стену около двери, где всегда висела отцовская шашка и витая нагайка.

Платоновна, ног под собой не чая от радости, уже и стол накрыла голубой kleenкой и самовар поставила и, понимая душевное состояние сына, уверяла:

— Жива она, Егорушка, уж бабка-то Онисья мимо не скажет, хожу к ней ворожить на картах. Лучше-то ее здесь никто не ворожит. Дня три всего как была у нее, про тебя ворожила: «Жди, говорит, Платоновна, скорая дорога ему в собственный дом. Как в воду глядела. И про Настю, жива она, при больничной постели находится.

Зашел Ермоха, раздеваясь, понял, о чем речь и тоже принял успокаивать Егора:

— Приедет, куда она денется. Письмо-то от нее пришло осенесь из Благовещенского городу, а ить это не ближнее место! К тому же и езда теперь по железке не приведи господи какая.

Егор и сам понимал это, и как ни тяжко было на душе, пересилил себя, смирился с мыслью:

— Ничего не поделаешь, будем ждать.

Утешало Егора то, что хоть дети-то его при нем теперь. Наташа и родилась без него и впервые в ее недолгой жизни сидит на руках отца! Она уже не чуждается его, ручонками к нему тянется и головкой прикасает к груди. Это маленькое, такое дорогое, родное существо словно отогрело Егора, и на душе у него посветлело, и мрачные мысли улетучились.

«Приедет наша мамка, приедет», — мысленно уверяет он сам себя, невпопад отвечая Ермохе. Старик сидит рядом все такой же жилистый, крепкий как дуб, годы словно не касались его, пролетая мимо. Повеселевшая и вроде помолодевшая Платоновна хлопочет в кути, украдкой посматривая на сына, на внучат.

А Егор насмотреться не может на дочку, твердой загрубелой рукой гладит мягкие, заплетенные в косичку волосенки, другой рукой привлекает к себе сына! А тот, придя из школы, уже приобвык, ознакомился, рассказывает отцу:

— А в школе у нас икону сняли, унесли куда-то. Дядя Федор приходил потом в класс, ишо с ним два старика, ругали Миколая Иваныча шибко. А назавтра много учеников не пришло в школу.

— Не пришли?

— Ага, меня бабушка тоже не отпустила. Говорит, вас там добру не научат, только на собак брехать.

— Потом-то разрешила?

— Миколай Иваныч к нам приходил, поговорил с бабушкой, она и сказала: «Ходи учись». Она мне сумку сшила, две китрадки купила, карандаш, букварь.

Букварь — первая книжка в этой избе за всю ее долгую историю. Вот и грамотеи свои появились! Было чему удивиться старым людям.

Наташка уснула на руках у отца, а ему отнести ее в постельку не хочется. Егорка продолжал рассказывать; поведал он, что дедушка Ермоха саночки ему смастерил, и как он теперь ходит кататься на них к старой березе. Не знает мальчик о том, как дороги эти рассказы отцу, как сердце его млеет от радости.

— У нас теперича комсомольцы есть, — продолжает рассказывать мальчик. — Самый-то главный у них Ваньча Воронов. Большие ребята ходят к ним и Миколай Иванович. А меня бабушка не пускает! Бабушка говорит, что они богу не молятся.

— Ну и какая беда? Нет, сынок, ходить к ним надо, ребята они хорошие. С бабушкой мы договоримся, вместе к ним сходим.

У Егорки глазенки блестят от радости. Видно, он еще хочет спросить что-то и не может решиться, переминается с ноги на ногу. Наконец осмелился, оглянувшись на Платоновну, спросил шепотком:

— А верно говорят, что бога нету?

Егор, улыбаясь, погладил сына по всклокоченной русой головенке,

— В другой раз поговорим об этом, —ладно?

Мальчик согласно кивнул головой и, помолчав, заговорил с грустинкой в голосе:

— Китрадка у меня скоро кончится, чистых-то в ней только два листика осталось.

И так тяжелехонько вздохнул при этом, с такой тоской во взгляде отвернулся к окну, что у Егора, огрубевшего сердцем в боях и жестоких рубках, слезы навернулись на глаза! Слезы от такой, казалось бы, пустяковой горести сына. Он незаметно вытер глаза ладонью, сказал изменившимся голосом:

— Будут у тебя, сынок, тетради, книжки всякие. Учись хорошенько. И жизнь будет другая, и судьба не такая, как у нас с дядей Ермохой.

— А какая она была у вас?

— Об этом, брат, долго рассказывать. Вот подрастешь, выучишься грамоте, прочитаешь об этом в книгах, ну и мы с дедом Ермохой рассказывать будем.

К вечеру старая изба Платоновны наполнилась гостями; родственников, соседей, друзей понабилось полная изба. Порасселись на скамьях, на полу, накурили, не продохнуть, пришлось и двери приоткрыть, и отдушину — дыру в стене под печью. Разговоры, поздравления.

— С приходом, Егор Матвеич!

— Платоновна, дядя Ермоха, с гостем вас!

— Навоевались, значит!

— Да уж докудова же, хватит!

— Игнашку моего не доводилось видеть? Говорят, будто молодых-то задерживают, чтобы дослужить ишо в легулярной армии, сколь положено. Стало быть, верно?

— Про житье-то? Да как тебе сказать, живем... что ни дальше, то хуже. Уж на што простая продукта соль, и той не стало.

— Да оно и солить-то особенно нечего.

— Так вить без соли-то и хлеб не хлеб.

— Э, кабы только соль, это бы ишо полбеды! Вить чего не хвати, того и нету! Даже денег-то нет своих у новой власти!

— В сам деле, уж на што никудышна власть была при Семенове, а деньги, голубки ихние, все-таки были!

— Ладно. Серебро царского чекану в ходу, а почему уценили-то его так? Намедни потребовали с меня налог — 2 рубля 40 копеек. Отправил старуху на станцию, увезла молока мороженого, яичек туда, наторговала на три с полтиной мелким серебром. Приношу к писарю, отсчитал два сорок, подаю. «Мало, говорит, стариk! Тepерь за рупь-то надо два семьдесят серебром». Да где же нам их набрать-то. Ить это беда!

— Ничего, дядя Ефим, будут у нас и деньги свои, и соль, и чай, и всякие товары появятся.

— Сват Иван вчера рассказывал. Дак вот, будто Ленин в Москве новое дело придумал насщет торговли. Забыл вот только название, такое мудреное — дай бог памяти.

— НЭп, наверное.

— Во-во, он самый. Да-а, собрал, значит, товарищ Ленин кооперативщиков и всяких торговых начальников у себя в Кремле и давай хвоста им крутить за плохие дела. А напоследок сказал: «Вот мы тут такой приговор написали, чтобы разрешить бывшим купцам и буржуям по-прежнему торговать, магазины открыть. А вы, говорит, смотрите да ума набирайтесь, чтобы года через два все у нас появилось — и товары всякие и чтобы торговать вы наловчились».

— А что, и в самом деле так! Трофим вот в Чите своими глазами видел, как в магазинах этих прикащики за прилавками аршинами товар меряют. Полки ломятся — и сатины разные, ситцы, кашемир... Ну, конечно, дорогое все, не по карману нашему брату.

— Рассея-то-матушка откололась от нас теперича начисто, потому как у нас государство образовалось. И правительство свое, и флаг, он хоть и красный, а поверху заплата синяя! Видали небось, кто в станице бывал?

— Да и у нас в ревкоме такой же висит!

— К чему же это? Пришили бы уж целиком полосу, а то за платка.

— Э, дядя Меркуха, если по целой полосе пришивать, товару си-него много потребуется.

— Рази што так.

Пока старики разговаривали, судили да рядили, Ермоха самогону достал две бутыли. Платоновна собрала на стол, сала соленого нарезала, капусты квашеной, картошки вареной, огурцов. И хоть теснота, но все уселись за двумя столами, на скамьях, на досках, положенных на табуреты. Наполнили самогоном стаканы, и веселая пирушка на встрече служивого началась, как ей положено.

Поздно улеглись спать после гулянки. Когда Егор, спавший на полу рядом с Ермохой, проснулся, за окнами еще темнела ночь. А в избе уже топилась печь, Платоновна пекла колоба. Ермохи в избе не было. Егор, зевая и потягиваясь, сел на постели.

— А где дядя Ермоха?

— Проруби чистит на Ингоде.

— И каждое утро подымается в эдакую рань?

— А как же, коней-то рано гоняют поить. Кому в лес ехать, кому по сено.

— Да-а, веселая работенка. Сколь же ему платят за это?

— По пятнадцать копеек со скотины и с коней!

— За всю зиму? Не густо!

— Ну, ишо четверо мягких?

— Хлеба, значит, печеного. Он, что же, сам его должен собирать?

— Сам, запрягает коня в сани... короб на них поставит.

Ловко орудуя сковородником, Платоновна снимает колоб со сковороды.

вороды, наливает на нее тесто и в печь. Ей и с сыном-то поговорить хочется. И надо колобов успеть напечь, пока не протопилась печка.

Вскоре появился Ермоха. От шубы его и уントв в избе потянуло холодом.

— Мороз седни ядреный, — ворчал он, обрывая с бороды льдинки. — Копотит так, что и улицы не видать.

— Замерз, дядя Ермоха?

— Здорово живем! Я что урод? Али злодырь какой, чтобы на работе мерзнуть?

Чай пили при свете топившейся печки. После завтрака Ермоха, раскурив трубку, подсел к Егору.

— Конь у тебя важнецкий, — заговорил он, попыхивая табачным дымом: — Адали¹ тот первый твой, Гнедко.

— Конь добрый.

— Спросить тебя хочу. Оно вроде и неудобно, да ничего не поделаешь, надо.

— Чего такое?

— Трети сани надо оборудовать. А то коней у нас три теперь, а саней двое! Полозья у меня есть, копылья с осени посадил, хочу защищить все это в избу севодни, вязья в печке распарить и обогнуть. Оно и тесновато в избе-то, но управимся. Хомут, седелку, это я выпрошу у Демида на время. И завтра на трех поеду. Полным хозяином, душа радуется!

— В лес-то я теперь буду ездить, дядя Ермоха. Докуда тебе в полный гуж-то робить. Поработал свою долюшку, хватит, отдохай теперь да около дому что-нибудь потихоньку поделывай, по-стариковски.

— Ты меня в старики не записывай, — обиделся Ермоха, и с таким усердием принялся выколачивать трубку о подоконник, словно гвоздь ею вколачивал. — Рано мне ишо на гобчике отлеживаться. Пока руки-ноги гнутся, работать буду, и ты меня не уговаривай.

— Дядя Ермоха, я тебе же лучше хочу.

— А того ты не подумал, поехать на своих конях да для себя! Радость-то для меня какая! Всюё жизню на чужого дядю робил. А нынче хозяином стал, слободным человеком! Эх, Егор, Егор, как ты этого не поймешь?

— Так вить мне-то стыдно будет, ты в лес поедешь, а я дома околачиваться буду. Это как?

— Тебе и дома делов хватит. Я так умишком своим соображаю, что тебя могут ишо и в управители поставить в рывкоме вашем. Да ты и так будешь туда вхожим и в членах состоять придется, вот и похлопочи там нащет семян, где-то надо их доставать. Поговори с атаманом теперешним. Как тут быть, где их взять? Постарайся для миру, ну и о себе не забывай. Семена позарез нужны. Я уж приготовил земли, десятину из залежи распахал, с Иваном Митричем спарился. И парвойной есть приготовленный. Тройку лошадей имеем, шутейное дело! Соху я приобрел деревянную, бороны будут, чего ишо надо? Железа вот нету на зубья ко второй бороне, может, достанешь где?

— Достанем.

— Тогда только за семенами дело.

Слушает Егор старика, и душа замирает от радости. И мысленно он представляет себе, как поедет на пашню, на свою пашню, первый раз в жизни! Как пойдет за сохой и как будет вспарывать ею податливую землю, а чаплыги будут подпрыгивать у него в руках. Впереди на пристяжном коне — сын его, Гошка. И как поедут они с пашни в суб-

¹ Адали — как будто.

боту домой, где ждет их семья. Настя приедет к тому времени, обязательно приедет.

— Да ты спиши, что ли? — толкает его в бок локтем Ермоха. — Чудак человек, ему про бревна толкую, а он и не слушает! Чего размечтался-то? Все поди Настя на уме?

— Нет, дядя Ермоха, — очнувшись от радужных мыслей, Егор видит, что в заснеженные окна избы пробивается рассвет. Платоновна клюкой в печи загребает угли в загнетку, в избе полусумрак, но огня не зажигают, не к чему зря керосин жечь.

Смущенно улыбаясь, Егор спрашивает, о каких бревнах шел разговор.

— Обыкновенные бревна — на дом. Я уж десятка два свалил лежать, ошкурил, надо вывезти их. А как отсемся весной, ишо заготовим, чтобы на будущий год дом начать строить. Да ни какую-нибудь хибару, а настоящий дом пятистенный.

— Э-э, дядя Ермоха, хоть бы избу построить побольше этой и ладно. А там, гляди, и амбар потребуется.

— Обязательно. Хлеб-то родится, куда-то надо его ссыпать.

— Так что поживем пока и в этой избе, — заключает Егор. — Тесновато, правда, но ничего, было бы тепло да не угарно.

— Оно, конечно. Не взяла бы лихота, не возьмет теснота, — соглашается Ермоха. — А Настя приедет ишо теснее будет? Не-ет, что ты там не говори, а новый дом строить надо обязательно.

Глава XVI

В сельревком Егор пришел на следующий день утром. Он слышал, что под ревком заняли дом купца Хромова, бежавшего вместе с семьей за границу. Теперь над крышей дома трепыхался алый флаг с синим квадратом в левом углу и тремя красными буквами на нем «ДВР». Рядом с большим домом стоял другой — поменьше (в нем раньше у купца был магазин). Теперь он был наглухо заколочен досками.

Страшное запустение кинулось Егору в глаза, когда он, поднявшись на высокое крыльце дома, окинул взглядом бывшую купеческую усадьбу: полуразрушенные скотные стайки, дворы, одиноко торчала баня без крыши и без двери. В ограде сохранились два амбара, заповозя, в которой у хозяина хранились выездные брички, кошевки, новые колеса, сбруя и многое другое. Ничего из этого имущества уже не было, от саюя осталось лишь несколько нижних бревен, возле него вросла в землю жнейка-самосброска, без колес, без всего, что было у нее железного.

Егор только головой покачал при виде всего этого и потянул на себя входную дверь.

В комнате, отведенной под сельревком, он увидел такое же запустение, как и в ограде. От купеческой мебели не осталось ничего, вдоль стены стояли длинные скамьи да стол в переднем углу под пустой божницей — и вот вся обстановка. За столом на скамье сидел писарь — все тот же Панкрат Михеев, лысый, с черненькой бороденкой, в очках. На единственной табуретке, около топившейся железной печки, сидел председатель сельревкома Воронов. Широкоплечий, черногусый, в гимнастерке цвета хаки, он топором намелко колол сухие чурки и подкидывал дрова в печку. Увидев Егора, поднялся ему на встречу.

— Товарищ Ушаков? Здравствуй, дорогой! Рад видеть тебя живым да здоровым. Насовсем?

— По чистой! Навоевался, хватит! — крепко пожав председателю руку, Егор поздоровался с писарем, спросил: — Все пишешь, Панкрат Ильич?

— Пишу, — вздохнул старик, — да вот писать-то скоро будет не на чем. Намедни достал немного бумаги в станице, в волости то есть, испишу ее и хоть матушку-репку пой. Впору на бересту переходить.

— Да-а, бумагой бедствуете, а вон ее сколько у вас навешено! — Егор, улыбаясь оглядел обшарпанные, прокопченные табачным дымом стены, на которых во множестве были наклеены прошлогодние плакаты, возвзвания. С простенка на него указывал пальцем красноармеец с винтовкой в руке, под ним надпись: «Я записался в Красную гвардию, а ты?» — Вить устарели они, поснимайте — вот вам и бумага!

— Дойдет до этого. Садись, — опускаясь на скамью, сказал председатель.

Егор присел рядом, извлек из кармана кисет.

— Атаманствуешь, значит?

— Приходится, — пожал плечами Воронов. — Хозяйствуем!

— Плоховато хозяйничаешь, даже дров для себя не могли запасти! Полюбовался я на вашу работу, сарай дожигаете на топливо, а потом за что приметесь, за амбары, или завозню разочните?

Егор знал Воронова еще по Даурскому фронту, где он командовал взводом красногвардейцев, затем эскадроном красных партизан у Журавлева. Знал его не только как большевика, но и как рачительного хозяина. И вот теперь дивился, почему у него так получается.

— Все это верно, — свертывая самокрутку, отозвался Воронов. — Но, во-первых, я и в председателях-то без году неделя, а, во-вторых, дел свалилось на мою голову — не продохнуть. Порядок в хозяйстве наведем, но сейчас не до этого. Про себя скажи, чем думаешь заняться?

Егор, утром прочитавший письмо Насти, присланное ею в декабре минувшего года из Благовещенска, решил поехать туда и разыскать ее. Об этом он и сказал Воронову.

— Зряшное дело, — Воронов, прикурив от зажженной лучинки, протянул ее Егору, повторил: — Зряшное. Теперь до Благовещенска скорее пешком доберешься, чем по железке нашей. У меня племянник из Хабаровска на двадцать четвертый день заявился, холоду хватили в дороге и голоду вдосталь. Дрова для паровоза сами пилили, останавливаясь в лесу. Да это не беда, кабы везли, а то — полдня везут, а двое-трое суток стоят ка станции. То паровозы заморожены в депо, то везти некому, железнодорожники в деревню подались харчи добывать. Про контравалюту слыхал?

— Слыхал. Рассказывали в Сретенске. Рабочим денег не платят, их нету. Работают люди за один лишь паек, голодуют. Так руководители придумали: то керосину где-нибудь достанут, выдадут заместо денег бутылки по три-четыре на паек или мыла стирального. Словом, все, что можно увезти в деревню да сменять на хлеб. Вот это и есть контравалюта.

— Точно... но керосин али мыло — это нужный товар, ходовой. И хлеба наменять можно, и картошки. А к нам в Ключи из Нерчинска один работяга кандалов приволок полмешка на саночках.

— Х-ха-ха, — вот это торгаш!

— Смешно тебе, а ему, бедняге, не до смеху: семья, дети малые.

— Ну и что, распродал он свое добро?

— А что ты думаешь, наменял и хлеба печеного, и муки, и картошки. Ведь из них и гвоздей наковать можно, и бороновые зубья, да мало ли на что железо нужно в хозяйстве. Да-а, вот как живется рабочему классу, а не хныкают по-нашему. Вот хоть тебя взять: тут дел невпроворот, а он жену разыскивать наладился.

— Так вить жена — тоже человек.

— Само собой. А ты — большевик?

— Вступил в прошлом году в партию.

— Это хорошо. Значит, поступать должен по-партийному, не о бабе думать. Видишь, какая разруха во всем? Я только вчера приехал из Заозерской, на совещание нас, большевиков и партизан, вызывали. Из Читы приезжал Жданов, помнишь?

— Это который первым председателем ревкома был в Нерчинске?

— Он самый. Так вот, порассказал он, как дела обстоят в области и за что нам бороться в первую очередь. Весна подходит, а что беднота посещает?

Егор вспомнил разговор с Ермохой: прав был старик!

— Действительно, — вздохнул он, притушив докуренную самокрутку. — Контрвалюты и той нету у нас?

— Найдется кое-что получше. Богачей наших пощупаем, попросим у них семян взаймы до осени — всего и делов.

— Так они тебе и дадут, разевай рот пошире!

— Дадут, если сумеем попросить. Кое-где так и поступили, и семенами обзавелись. Жданов советовал то же самое. Нас теперь тут — три коммуниста, а в станице с десяток едва наберется. Да еще партизан у нас двадцать четыре человека. Это, брат, сила, и стыдно нам будет, если мы бедноту без семян оставим.

— Попробуем.

— Тут и пробовать нечего. Завтра же приступим к действию. У нас посевная тройка создана, и тебя в нее включим. К каждому присоединим человека по два партизана, разобьем село на участки — и начнем.

Грустно было на душе у Егора, когда возвращался он из сельревкома. А день стоял не по-зимнему чудесный: солнечный, как всегда в Забайкалье, легкий, бодрящий морозец, при котором хорошо дышится, освежал лицо. Чувствовалось приближение весны, и голуби на крыльях ворковали уже по-весеннему. Но с ума у Егора не шла Настя: где она? Что с нею? И поехать нельзя, дел всяких впереди пропасть, по всему видать, не обойдется без классовой борьбы, о которой предупреждал на прощальном митинге комиссар фронта Плясов.

На следующее утро в сельревкоме собирались члены посевной тройки и девять человек партизан из самых боевых активистов. Егор, перед тем как пойти, достал из седельной сумы наган, протер его тряпкой, зарядил и положил в карман. Наблюдавшая за ним Платоновна спросила с тревогой в голосе:

— Куда опять?

— В ревком, мама.

— А ружью-то эту к чему берешь?

— Да так, велели принести, — соврал Егор матери и, краснея за эту ложь, отвернулся, чтобы снять с гвоздя полушибок. — Проверять, наверное, будут да в списки заносить.

Партизаны в ожидании Егора дымили самосадом. Почти со всеми ими он встретился впервые после войны, а бородача в японском полушибке даже узнат не мог. Приходу Егора сельчане были рады, поздравляли его с возвращением, вспоминали минувшее.

— Здорово, казак! Навоевался?
— Хватит, десять лет отломал.
— Так вить и я то же самое.
— Повезло нашему году!
— Меня поди и не помнишь?

Егор, смутившись, пожал плечами: не помню.

— Кончайте, товарищи, кончайте, — Воронов постучал по столу карандашом, — пора выходить. Запомните, как договорились: зерно на семена мы просим взаймы, выдадим расписки, что осенью вернем полностью. Если удастся, как задумали, это будет великое дело. Обеспечим бедноту семенами. Надо убедить хозяев, ведь не звери же они. Ну, конечно, чтобы никаких грубостей, нажимов. Понятно?

— Понятно!

— А ежели который, контра зайдлая, заартачится, в зуб ему глядеть?

— Убедить надо словами.

— Черт его убедит, такого вот, как Тит Лыков. Да мало ли их у нас подобных!

— Можно доказать и Титу, а, чтобы приказать им, этого нельзя.

— Знаешь, что, Игнат Фомич, ослободи меня от комиссии этой. Назначь заместо меня хотя бы Степана Трубина, человек он обходительный, грамотный. А я, сам знаешь, какой нервенный и не привык с буржуями ласкаться.

— Ничего-о, со мной пойдешь, я разговаривать с ними буду.

— Рази што так.

С Егором пошли бородач Лаврентий Сутурин и давний друг его и сосед Алешка Голобоков. В конце девятнадцатого года он сбежал от белых к партизанам и домой заявился лишь двумя неделями раньше Егора.

Денек сегодня такой же, как и вчера, ласковый, солнечный; глянцевато блестит в улице накатанная за зиму дорога; чай-то работник скользят по обледенелой дороге; бревна постукивают на ухабах. Из соседней улицы гулко доносится дробь ручной молотьбы, в другом месте тарахтит веялка.

Участок Егору достался большой — две крайних улицы.

— С кого начнем? — спросил он, когда они вошли в первую улицу.

— Давайте с Ивана Евдокимовича, — предложил Алексей. — Человек он хороший, согласится.

Хозяин, сивобородый человек, лет пятидесяти, встретил сельчан приветливо.

— Проходите, садитесь, служивые. С приходом вас.

— Спасибо.

— Старуха, давай-ка самовар живее!

— Спасибо, Иван Евдокимович. Только вить некогда нам, по делу мы к тебе.

— По делу? Что это за дело такое?

— Насчет семян, Иван Евдокимович. Пришли попросить у вас взаймы до осени пшеницы сто пятьдесят пудов.

— То ись, как это взаймы, кому? — дивясь неожиданной просьбе, хозяин повел глазами по лицам пришедших.

— Сельревкому, Иван Евдокимович, в общественный амбар. Документ выдадим форменный, а осенью вернем все сполна.

— Та-ак, — согласно кивнул хозяин, гладя бороду. — Оно, конечно, бывало у меня такое, выручал людей. Только вить хлеба-то у меня,

можно сказать, в обрез. Для себя-то хватит, а лишнего почти нет.

— Э-э, не прибедняйся, Иван Евдокимович, уважь нашу просьбу, — убеждающе заговорил бородач Сутурин. — Сделай доброе дело, убытку не понесешь никакого. А люди тебя благодарить будут за выручку и власти угодишь. Власть народная, она добро запомнит и в случае беды заступится и за зря в обиду не даст.

Бородача дружно поддержали Егор с Алексеем, и хозяин, подумав, согласился.

— Ну что ж, раз такое дело, пишите сто пудов. Больше-то не могу.

— Спасибо, Иван Евдокимович, завтра мы подъедем за пшеницей и документ тебе выдадим.

— Хорошо для начала, — ликовал Егор, — когда все трое вышли на улицу. — Ежели так и дальше пойдет, будут у нас семена.

Неплохо получилось и во втором доме, и в третьем. Когда подходили к дому Тита Лыкова, в списке Егора уже значилось двести пудов пшеницы и сорок пудов ярицы.

Большой добротный дом Лыкова выделялся красивыми, сверкающими белизной окраски наличниками. Только у него одного дом был покрыт железом и выкрашен ярко-красным суриком.

— В гробу видеть бы этого подлеца, — сквозь стиснутые зубы процедил Алексей, — чем идти к нему выпрашивать милости, спину гнуть перед контрой.

— Ничего не поделаешь, Алеха. Мы же для большого дела сталяемся. Раскланиваться перед ним не будем, поговорим по-человечески.

— Послушается он нас, как же! Помнишь, как он меня обжулил с конем-то? Мало того, что Рыжка моего захапал, еще и отрабатывать мне пришлось в придачу.

— Знаю, Алеха. Знаю, что Козыря, Сашку Анциферова и Мельникова он же угробил — выдал их карателям. Но об этом пока помалкивай, придет время, припомнит ему и Рыжка твоего, и ребят наших расстрелянных. Сейчас только о пшенице разговор поведем, о другом — ни гугу.

В дом к Титу заходить им не пришлось. Когда зашли в ограду, он уже шел им навстречу с гумна, на ходу охлопывая рукавицей приставшие к стеганке пшеничные остья и мякину. С гумна доносился стукоток работающей веялки. Больше десяти лет прошло с тех пор, как Егор видел Тита Лыкова в последний раз. Казалось, время щадит бывшего атамана Верх-Ключей, лишь бороду ему подморозило сединой, а вид у него по-прежнему молодцеватый, и одежка сидит на нем ладно. Новехонькая стеганка подпоясана сатиновым кушаком, подвязки на унтах блестят медными колечками, на голове шапка из лисьих лап, наушники ее схвачены наверху голубой лентой.

Заговорил с ним, как было условно, бородатый Сутурин.

— По делу к вам, Тит Иванович, — поздоровавшись, начал он. — Просьба к вам такая, пшеницы позаимствовать в общественный амбар для посеву.

Сошурив в ухмылке карие с нагловатой хитринкой глаза, Тит отрицательно покачал головой и отрезал:

— Нет, не будет!

— То есть как же это так, Тит Иванович? Мы ведь от всего общества просим тебя помочь посельщикам в такое трудное время.

— А ежели я не желаю? Да и пшеницы у меня нету лишней.

— Это уж ты зря, брат, мы-то знаем, к кому идем с просьбой. Пшенички-то у тебя побольше, чем у других прочих.

— Про это дозволь мне самому знать! — Сверля Сутурина негодящим взглядом, Тит багровел лицом от злости. — В своем доме я сам хозяин.

— Мы же к тебе по-доброму.

— Нету у меня пшеницы, русским языком сказано! А хоть бы и была, так не дал бы. Нечего на чужое добро зариться.

— На чужое? — с лицом, перекошенным от злости, Алексей вплотную подошел к Титу Лыкову. — На чужое, говоришь? А ты забыл, как я на тебя робил ни за грош, хапуга!

Сутурин пытался удержать Голобокова, но уже и Егор напустился на Лыкова. А тот рукавицы сбросил, подсучивая рукава, рычал:

— Грабить пришли? Грабить... вашу мать! Сволочи, душегубы.

— Мы душегубы? — вскипел выведенный из себя Егор. — А ты про себя забыл, подлюга? Кто Сашку Анциферова выдал карателям? Козыря, Мельникова, кто, я тебя спрашиваю? — и, сбросив с себя рукавицы, левой рукой ухватил Тита за воротник стеганки, правой выхватил из кармана наган.

— Стой, что ты! — подскочивший к Егору Сутурин, ухватил его за правую руку.

— Пусти! — отбивался Егор, — пусти... я его, гада!

Сутурину помог Алексей. Вдвоем они вырвали у Егора наган, отташили его от Лыкова.

— С ума ты сошел, — ругал Егора Сутурин. — Сам пойдешь под суд за такое самоуправство, и нас из-за тебя по голове не погладят.

— Пусть судят, — все еще не остывший от злости, выкрикнул Егор. — Зато этот предатель землю нашу топтать не будет.

— Ох, Егор...

— Чего разохался, в судах-то теперь наши люди заправляют, разберутся, что к чему.

Бледный с перепугу Лыков отошел в сторону, тяжело дыша, присел на кучу дров, дрожащими руками пошарил по груди, хотел застегнуть ватник, но верхняя пуговица оказалась оторванной. А возле открытой калитки уже толкались ребяташки, набиралось их все больше, через головы их заглядывала в ограду баба с ведрами на коромысле.

— А вам чего тут надо? Кишь, враженята! — шикнул на них Сутурин. Прогнав любопытную ораву, он закрыл калитку на засов и, подойдя к Лыкову, присел с ним рядом.

— Здря ты меня не послушал, Тит Иваныч! И чего заупрямился, скажи на милость? Подписал бы по-хорошему двести пудов, а осенью получил бы обратно сполна. И неприятности этой не получилось бы, чуть до смертоубийства не дошло. Оно и Егора понять надо, паренько он хороший, но издерганный на этих войнах, нервенный стал неподобно. А тут ишо про Саньку с Козырем услыхал.

— Так их же каратели расстреляли. А я-то при чем тут?

— Я и не говорю, что ты. Люди доказывают, а вить на каждый роток не накинешь платок. К тому же атаманом-то был ты как раз в это время. Вот Егор как услыхал такое и озлел. Послушай меня, Тит Иваныч, подпиши двести пудов, и все обойдется по-мирному. Да-же благодарить тебя будут за это.

Тит скосил на Егора и Голобокова злобный взгляд (те сидели на приступке амбара, курили), обернулся к Сутурину.

— Ладно, подпишу только ради тебя, Лаврентий Андреич. А этих прохвостов... я их через порог зрить не хочу!

— Вот и все, — заулыбался повеселевший бородач и, поднявшись, крикнул друзьям:

— Товарищи, давайте сюда! — и, когда те подошли, продолжал:— Согласен Тит Иваныч. Записывай, Егор, двести пудов пшеницы.

— Давно бы так, — не глядя на Лыкова, буркнул Егор. — Записать, конечно, запишем. А получить пшеницу надо сразу, сейчас же.

— А чего сразу-то? — удивился Сутурин.

— Того, что он может и передумать, понятно? Подвод нету? Найдем! Алекса, живой ногой к себе, запряги двух коней в сани да Ермохе нашему скажи, тот запрягет двух — и обое сюда. А мы тут с дядей Лаврухой пшеницу нагребем в хозяйские мешки. Крой, Алекса!

— Можно и так, — согласился Сутурин, — тогда уж ты, Тит Иваныч, покажи в каком амбаре. Открой, пожалуйста.

На следующее утро Егор с Алексеем Голобоковым пришли в сельревком в числе первых. Вскоре подошли и остальные члены посевной комиссии.

— Проходите, товарищи, садитесь, поговорить надо, — обратился к ним Воронов и, подождав, когда все уселись по скамьям, продолжил: — Начало у нас получилось удачное, около двух тысяч пудов пшеницы и ярицы записали у желающих дать нам это зерно взаимообразно до осени. Сегодня мы это дело продолжим, вчера еще не всех обошли. Все, товарищи, шло хорошо, но были и проступки с нашей стороны, — Воронов поглядел в сторону Егора и закончил: — Ушаков заместо того, чтобы по-доброму договориться с человеком, наганом агитировал Тита Лыкова.

Рокот многих голосов всколыхнул тишину. Партизаны переговаривались, одобрительно кивали головами, а сидящие ближе к Егору сочувственно пожимали ему руку.

— Молодец, Егорша!

— Правильно поступил, чего там?

— Его убить надо, предателя, — с дрожью в голосе заговорил ста-рик Софрон Анциферов. — Зрить не могу эту собаку бешеную за сына моего, Сашку!

— Да-а, он выдал карателям посельщиков наших.

— Диву даюсь, как это он до сих пор за границу не смылся.

— Говорят, дружок, бывший его командир, теперь в Чите в больших начальниках ходит, не то эсер, не то меньшевик. Даже в гости приезжал к Титку, сказывают.

— Мало ли что, а раз предатель — судить его, гада! Товарищ Воронов, в самом деле, чего это мы в суд не потянем Титка? Он, подлога, товарищов наших выдал карателям, а мы в зубы ему заглядываем!

— Нельзя, товарищи.

— Нельзя? А ему убивать людей можно?

— Верно Демин говорит: судить Титка, кровь за кровь!

— Правильно.

— Нельзя, товарищи, — поднявшись из-за стола и упираясь на него руками, повторил Воронов. — Я и сам за то, чтобы притянуть Лыкова к суду, даже в прокуратуру обращались насчет Лыкова. Ничего не вышло. Знать-то мы знаем, что Лыков погубил наших людей, а чем это докажем в суде? Свидетелей этому нет, тоже и документов.

— Как его не кокнули наши? Вить заходили партизаны и к нам в Верх-Ключи.

— Так он убегал от красных в лес.

— Кончайте, товарищи, все! — заторопил собравшихся Воронов. — Давайте снова по своим участкам. Но, чтобы таких грубостей, как вчера у товарища Ушакова, больше не повторилось.

В то время как этот разговор происходил в сельревкоме, бабы у колодца чесали языки о том же самом.

— Говорят, вчера Егорка Платоновнин Тита Лыкова избил.

— О-о, за што же он его?

— Втроем его били: Егорка, Алекса Голобоков да ишо Сутурин. Егорка-то ливольвертом Тита бьет да приговаривает: это тебе за Сашку Софонова, это за Козыря, за Мельникова! До смерти забили бы они Тита, да откупился он от них: амбар пшеницы им отвалил!

— Ох, ужаси какие!

— А я слыхала, что на семена собирали пшеницу, взаймы будто брали.

— Может, кое-кому и дадут для отводу глаз, а остальное промеж себя разделят!

— А вить верно, старик-то Ермоха два воза мешков с пшеницей повез от Тита Лыкова, своими глазами видела. Он у них живет, у Платоновны.

— А Платоновна-то, хваленая-перехваленая, вдова честная, полюбовника завела на старости лет...

— Ой, што вы, врут.

— Ничего не врут. И сынок Егорка такой же похабник, у живого мужа жену отбил.

— Это что-то про него сказывают... — и присекла язычок бойкая говорунья: к колодцу подходили две «большевички». Так в Заозерской станице да по всему Забайкалью называли жен не только коммунистов, но и беспартийных красных партизан. В годы войны большинство казаков из Верх-Ключей воевали против красных, около двух десятков из них ушло за границу. Это сказалось теперь и на отношениях между сельчанами: косо посматривали на большевиков бывшие семеновцы, а уж про богачей и говорить нечего.

Глава XVII

Отлютowała суровая в этом году зима. Во второй половине февраля уже почувствовалось животворное дыхание весны: потеплело, звонкая капель потекла с крыш, обросших понизу бахромой ледяных веретешек. Уже и кур повыпускали хозяйки из душных курятников на двор, копошатся они на завалинках, возле амбаров на сугреве, радуясь теплу и свежему воздуху. Звонко горланят петухи.

Сегодня воскресенье, конец мясоеду. Начинается масленица, поэтому и тишина в улицах, не слышно дробной стукотни от ручной молотьбы, не видно верениц возов с сеном, бревнами, дровами. Лишь ребятишки катаются с горки на саночкиах, да кое-где гуртуются парни и девки.

Солнце подходило к полудню, когда из сельревкома вышел Воронов. Ему не до праздников. В сельревком пришел он утром чуть свет, при свете керосиновой лампы прочитал бумаги из волревкома, по записям кладовщика подбил на счетах итоги поступившего в общий амбар семенного зерна. Выйдя из переулка, Воронов увидел идущего ему навстречу Клима Голотина. Выпивоха Клим был одним из самых горемычных бедняков, батрачил у богачей, но всю гражданскую войну прослужил атаману Семенову. Ушел бы и за границу, да попал в «плен» к большевикам и вскоре очутился у себя дома.

Клим был под хмельком и одет по-праздничному: на голове серая папаха со вмятиной от кокарды, форменный казачий полуушубок, на

ногах сапоги, шаровары с лампасами и при шашке. Увидев председателя, он подхватил, как положено, левой рукой шашку, двинулся ему навстречу и, не доходя четырех шагов, встал «во фронт»: правую руку к папахе. Воронов хотел было отругать «боевого казака» за его чудачества:

— Ты чего вытворяешь, чадо мамино? — сказал он сердито.

Клим слов не рассышал, гаркнул, держа руку под козырек:

— Здравия желаю, восподин председатель!

Тут уж смех разобрал председателя.

— Ну, Климка, плачет по тебе нагайка, ох, плачет! Ты чего это, холера тебя забери, шашку-то нацепил, воевать собрался?

— Никак нет, восподин председатель!

— Не восподин, дурья твоя голова, надо говорить товарищ председатель. Ступай домой, разоружись и лампасы отпори, понял?

— Лампасы отпороть, — удивился Клим и опустил руку. — Даик я не казак по-твоему? Отцы наши, деды...

— Ты мне брось антимонию разводить про отцов да про дедов. — Воронов посупровел. — Нету у нас теперь казаков, мы еще в семнадцатом году отказались от звания казачьего, понял?

— Я не согласный.

— Не согласный? Опять воевать пойдешь против власти народной?

— Нет, не пойду.

— То-то! Жить как думаешь? Хлеб-то сеять собираешься?

— Схожу к Захару Еремеичу, ежели выручит семенами под работу, посею. У меня и пар одинарный есть на Вусь-Баранихе, братан Яков спахал мне лонись. Спарюсь с Яковом и посею, ежели семян разживусь.

— К Захару пойдешь? А почему не в сельревком? У нас свой семенной фонд, снабдим семенами всю бедноту. Ты что не слыхал, как наша власть о бедноте заботится?

— Слыхал, — глядя в сторону и чему-то улыбаясь, Клим отрицательно покачал головой. — Нам из этой фонды нельзя брать.

— Почему нельзя?

— Старики говорят, что ворованное да грабленное принимать — грех великий.

— Ворованное? — удивился Воронов. — Кто это тебе набрехал?

— Люди видели, как вы у Тита Иваныча всю пшеницу выгребли и самого избили.

— Врут они, Клим, — вскипел Воронов, сдерживая заклокотавшую в нем ярость. — Врут, сволочи! Никто Тита не бил, пшеницы у него взяли взаймы — двести пудов, до осени. Осеню отдадим.

— Врешь поди?

— Не веришь председателю ревкома, а врагам нашим, кулакам, веришь?

— И не враги вовсе, обыкновенные старики.

— А что эти обыкновенные старики на большевиков наговаривали, когда к белым тебя спровадили, забыл? А вот наши в плен тебя забрали вместе с другими казаками — так пальцем вас не тронули, распустили по домам с миром. Или тоже забыл?

— Нет, не забыл. Что верно, то верно. Винтовки у нас поотобрали и больше ничего.

— То-то и есть. Иди домой и что тебе будут нашептывать про большевиков — не слушай! Врут они, подлецы! А завтра приходи в ревком, запишем, сколько у тебя земли приготовлено и сколько семян потребуется.

— И дадите?

— Обязательно. Всех нуждающих наделим семенами.

— А казаков, какие у Семенова служили?

— У нас теперь нету казаков, Клим. Все мы граждане республики нашей, и, если ты, бедняк, нуждаешься в семенах, выручим. Мы на вас зла не держим, так вот и говори всем бывшим семеновцам.

— Ну ежели так, приду к тебе завтра.

— Приходи. В эдаком-то виде не шляйся по улицам. Увижу еще раз, шашку отберу и этой же шашкой лампасы твои спорю к чертовой матери. Ступай!

— Слушаюсь, восподин председатель!

Клим натренированно сделал полоборота налево и, все так же придерживая левой рукой шашку, четко, как на параде, потопал строевым шагом.

Воронов лишь головой покачал, глядя вслед Климу. «Враги наши действуют, — рассуждал он сам с собой, — а мы ушами хлопаем, дальше носу ничего не видим. Завтра же надо собрать партизан наших».

В тот день к вечеру Воронов получил из волревкома почту, пачку газет. Газеты приходили редко, и о том, что происходило в республике и за рубежом, в селах узнавали с большим опозданием. В Чите, оказывается, прошла краевая конференция большевиков Дальневосточной республики и открылось Учредительное собрание ДВР.

Захватив газеты на дом, он после ужина, когда все в доме улеглись спать, уединился на кухне и принялся за чтение. Особенно увлек его напечатанный в газете доклад секретаря Дальбюро ЦК РКП (б) Кубяка. Время подошло к полуночи, лампа начала коптить, дрогорел керосин, и это на самом интересном месте доклада. Крякнув с досады, принес Воронов пучок сухой березовой лучины и при свете ее снова принялся за чтение. Горит лучина хорошо, а начнет тускнеть от нагара, обломит Игнат уголек, кинет в глиняную черепушку с водой, и опять горит лучина почти без дыма, не хуже лампы.

«До чего же верно говорит Кубяк. Все правильно», — вымолвил председатель и, обломив еще раз уголек с лучины, задумался.

Перед мысленным взором его вставали навеянные прочитанным картины суворой действительности: видит он станцию железной дороги, унылая тишина на ней, в тупике засыпанный снегом, замороженный паровоз. А вот и другая картина: поезд из длинного ряда товарных вагонов, приспособленных для перевозки людей, остановился в тайге, далеко от станции. Пассажиры повысыпали из теплушек в лес, пилили дрова для паровоза. Бизжат пилы, стучат топоры, валятся с грохотом сухостойные лиственницы, и вот уже вереницы людей с охапками поленьев потянулись к тендеру паровоза. То представляется ему искалеченные, обгорелые оставы вагонов вдоль полотна железной дороги, иные колесами кверху. И нет на них ни рессор, ни буферов, все, что там было железного, ушло в обмен на картошку.

Так и уснул председатель, уронив голову на пачку газет, с обгорелой лучиной в руке. Жена разбудила его на рассвете.

— Вставай, — тормошила она мужа за плечо. — Ишь разоспался грамотей непутевый, не стало тебе постели...

С трудом оторвав от стола отяжелевшую голову и все еще находясь во власти сновидений, Игнатий буркнул:

— Подожди, подожди, вагоны вон...

— Какие вагоны?

— Да это самое... постой-ка! — и, окончательно проснувшись, выпрямился на стуле, тряхнул головой: — Отцепись!

— Здорово живешь, заговариваться уже начал. До чертиков до-читался!

— До чего же ты вредный человек, сон досмотреть и то помешала.

— Умойся иди, и сон твой пройдет.

Четырнадцать бывших красногвардейцев-партизан и двенадцать приглашенных Вороновым активистов из бедноты собрались вечером в сельревкоме.

За окнами густили сумерки. Воронов засветил керосиновую лампу и, прежде чем повесить ее на стену, прикурил от той же спички. Посельщики усаживались на скамьи, стулья, а кому не хватало места на скамье, устраивались на полу, скрестив ноги калачиком. По рукам пошли кисеты с табаком-самосадом, одни набивают им трубки, другие свертывают самокрутки, просят огоньку. Некурящих среди пришедших оказалось человек пять, эти привыкли пользоваться молотым табачком! Им не надо ни бумаги, ни трубки, ни спичек, положат добрую щепоть за губу, сидят себе, поплевывают. В табаке недостатка никогда не бывало, у каждого в сенях или в сарае под крышей не один десяток шнурков протянут с плотно нанизанными на них листьями табака-зеленухи, курева не меньше чем на год. А вот спички стали такой редкостью, что не оказалось их ни у кого из присутствующих. Два старика усердно старались высечь кремнем искру из стального огнива, чтобы запалить ею трут. Сидевший ближе всех к председателю попросил его самокрутку, прикурив от нее, передал соседу, и пошла она гулять от одного к другому. Да так и догорела по кругу!

Смех, веселый говор.

— Свертывай, Игнат Фомич, новую, бумаги-то у тебя полно, не наше горе.

— А тебе чего горевать, выдолби трубку и кури на здоровье.

— Да уж спички-то, черт с ними, кресалом огонь добить можно. Вот керосину не стало — это уж горе велико. От жирников одна копоть в избах, как в бане. Так прокоптимся, что друг друга узнавать не будем при встрече.

— Игнатий Фомич, долго мы в энтих нетях жить будем? Вить, это беда, чего не хвати, того и нету! Как у той старухи, что жаловалась старику: будь бы мука — пельменей настрипала бы, да мяса нету!

Воронов, обжигая пальцы, докуривал вторую самокрутку.

— Начнем, товарищи. А накурили-то-о, браты-атаманы, хоть топор вешай! Ваньча, открай форточку, а то задохнемся, как волчата в норе.

Когда поулегся шум, разговоры, Воронов рассказал сельчанам о докладе Кубяка на краевой конференции большевиков, о трудностях, с какими столкнулась Дальневосточная республика, о разрухе на транспорте.

Сидевший с ним рядом Подкорытов, вспомнив вчерашний разговор с сослуживцами, улыбнулся в белесые усы.

— Михайло Агапов заезжал ко мне. В Чите побывал он, рассказывает про эту Учредиловку. Собрались на нее делегаты со всего Дальнего Востока, от всяких партий — большевики, меньшевики, эсеры и прочие. Такое, говорит, происходит, как раньше у нас бывало

на сходках. Спорят, до ругани дело доходит. А Макар Якимов так разошелся, что какого-то эсера стулом навернул.

— Ха-ха-ха... стулом!

— От Макаркистанется!

— Враки это, — сдерживая улыбку, заговорил Воронов. — Враги наши распускают про нас всякие небылицы. Такое наговорят, сем верст до небес и все лесом. Да что тут далеко ходить, у нас-то что происходит! Развонили по всей волости: большевики в Верх-Ключах человека ограбили, а самого, мол, избили насмерть! Вот до чего дошло! А все почему? Вон сколько нас — партизан, активистов, а живем себе спокойненько, ушами хлопаем, дальше своего носу не видим. Бдительность надо проявлять, товарищи. Всякие такие разговорчики пресекать, правду разъяснять народу. К чему нас товарищ Кубяк призывает. Трудностей перед нами всяких полно, это верно, разруха кругом, голод надвигается, нужда во всем. Но голову не вешать, паниковать не будем! — он повысил голос и даже кулаком по столу пристукнул. — Не будем! Ведь главная-то трудность позади, власть-то мы заевели, с войной, с врагами справились. Одолеем и разруху эту, ежели бороться с нею будем, вон как рабочий класс! Вот с кого надо пример брать! Нам-то в селах, что ни говори, легче живется. Хлеба нет, на картошке проживем, а у них вить и этого нет! За один паек работают люди и плату за труд свой не требуют.

И долго еще говорил Воронов. А когда он заговорил о том, что розданное семенное зерно должно быть полностью посеяно, один из сидевших от него неподалеку тяжелехонько вздохнул:

— Посеять-то посеем, а вот как прожить до нового? Ума в голове нету.

Сказал и как мешок развязал, тут и посыпались реплики:

— Сам давно об этом думаю.

— А у богачей наших теперича и под работу хлеба не выпросишь!

— Не дадут. В работники-то по выбору берут, тех, кто к новой власти привержены, у кого сын в комсомол вступил, ни за что не возьмут.

— В город пошел бы на заработки, а толку что? Сам будешь кормиться пайком, а семья как?

— Так неужто и выходу у нас никакого нету? Игнат Фомич, ты как на это смотришь?

— Выход-то есть, — Воронов, усмехнувшись, разгладил усы и огорошил сельчан ответом: — Коммуну давай организуем!

— Коммуну?

— А что это такое?

— Навроде Алтагачанской, что ли?

— Да нет, хозяйственная коммуна, чтобы работать одной артелью. Скот, кони, посев все будет общее.

— Как у цыган на таборе? Веселая житуха будет.

— Не зубоскаль, Иван, тут дело серьезное, — вновь заговорил Воронов. — К этому нас и партия призывает, и в газетах пишут — появились эти коммуны в Кондуре, к примеру, и в других местах. Даже в нашей станице, в Ольховке, есть коммуна.

— Что же она даст людям?

— То, что людям жить легче станет и прибыльнее. Вот мы, к примеру, организуем коммуну, хлеба раза в четыре больше посеем, это раз.

— Ого!

— Ничего не «ого», а так и будет. Во-вторых, у нас и на пашне людей хватит, а на заработки послать кого-нибудь можно.

— За паек работать?

— Нет, хлеб добывать на еду. К примеру, известку жечь, у нас мастера по этому делу есть, и камню-известняка полно.

— А ить верно, — хлопнул себя по коленям Софрон Анциферов. — До войны у нас выжигали ее, даже мне приходилось. Ежели послать на это дело человека четыре-пять да пару конишек им дать, нажгут известки возов десять, то и больше.

— Да, с известкой на Газимур, на Аргунь перед пасхой — черпнули бы хлеба.

— В такое время бабы на известку, как мухи на мед. Ведерко зерна каждая найдет, хоть из последнего.

— А летом деготь гнать, тоже дело выгодное.

И такой оживленный разговор вскипал при этом, словно вопрос о создании коммуны был уже решен окончательно.

Кончились разговоры тем, что решили произвести запись желающих вступить в коммуну. Первым записался в нее Воронов, затем Егор, Алексей Голобоков. Подумав немного, потеревши бороду, решительно махнул рукой Сутурина: «Пиши меня».

Еще двое записались. Воронов, держа на готове карандаш, повел глазами по рядам притихших партизан.

— Семь человек записалось, кто еще? Дядя Софрон, ты как смотришь на коммуну?

Разглаживая широченную, во всю грудь, сивую бороду, Софрон пожал плечами, хмыкнул:

— Чего на нее смотреть, дело хорошее! Я и не против, но подумать надо, с домашними посоветоваться. А записаться недолго, за мной дело не станет.

Поддержали Софрана еще несколько человек.

— Подумать надо, дело не шуточное.

— Сразу-то, с бухты-балахты, не годится.

— Семь раз пример, один отрежь, не нами сказано.

— Э-э, чего там примерять! Записывай, Игнат Фомич: Сотников Перфил.

— Так, вот и кузнец у нас свой будет. Восемь человек, коммуна уже есть. Завтра первое собрание проведем. Кто еще надумает к нам, пожалуйста.

Утром после завтрака Егор сообщил матери и Ермохе о коммуне, в которую он записался, не посоветовавшись с ними.

— Коммуна? — переспросил Ермох. — А что оно такое?

Егор объяснил. Старики слушали внимательно. Платоновна, подперев щеку рукой, только головой покачала, и нельзя было понять, одобряет она поступок сына или осуждает.

— Коммуна, значит, все опче будет. Да, а я-то думал, — не досказав до конца, о чем он думал, Ермоха вынул изо рта трубку, выколотил ее в обрезок бутылки на столе, снова набил табаком. Так всегда он поступал в минуты взволнованности. Прикурив, досказал: — Думал пожить в своем хозяйстве. Всю жизнь мечтал об этом, живучи у чужих людей в работниках. А оно и сбылось, вот я под старость лет угол свой заимел, дедом стал в семье, чего еще надо? Так вить нет, коммуния появилась, век бы ее не видать. Все опче.

— Дядя Ермох, ты не так понял. — Егор подсел к нему на скамью. — У нас хозяйство будет общее: кони, быки, у кого есть, плуги, телеги, посев, хлеб, — работать будем артелью. А жить так и будем, как жили — семейно.

— Это, может, и хорошо для бедного люда, а нам-то чего в нее лезть? Три коня у нас — полный плуг, семян дадут, лучше-то куда ишо? Подумать только — на своей пашне, тройка коней, пристяжник свой. Да для меня это праздник, слеза прошибет, как пойду я за своим плугом.

Как ни старался Егор, но убедить Ермоху, добиться его согласия вступить в коммуну, так и не смог в это утро.

Глава XVIII

После недавной лютой пурги наступила такая теплынь, что песчаные улицы Верх-Ключей за одну неделю освободились от снежных заносов. Лишь кое-где возле плетней в огородах видятся еще их грязно-серые остатки, мутные ручейки текут в улицы.

Готовятся хлеборобы к весне, к полевым работам. В какую ограду ни глянь, везде идет обычная в это время работа: пилят, колют дрова, укладывают их в поленницы. Вытаскивают из сараев телеги, плуги. Ребятишки во дворах замешивают лошадям сечку в деревянных колодах и старых лодках; тяжкие удары молота, звон железа доносятся из кузницы. Все в селе заняты делом.

Людно и в просторной ограде Воронова, ставшей теперь центральной усадьбой коммуны.

Отец Воронова, Фома Ильич, был богач из богачей в Верх-Ключах, всего у него было вдоволь, — скота, лошадей, амбары, полные хлебом. По два, по три годовых работника держал Фома постоянно, не считая поденщиков на сенокосе, страде и молотьбе. Росло и крепло хозяйство, благодушествовал Фома. Однако и к нему подкралась лихая година. А всему виною война с Германией. Первым ударом для Фомы стало извещение, что «Казак 3-й сотни 1-го Нерчинского полка Анисим Фомич Воронов пал смертью храбрых в бою под городом Тернополем и похоронен там же в братской могиле...» Отслужив по убиенному воину, рабу божью Анисиму заупокойную панихиду, молча переживал Фома свое горе. Второй, еще более сильный удар пережил он, когда произошла Февральская революция и деньги от продажи хлеба, более тысячи рублей в Читинском банке, пропали, лопнули, как мыльный пузырь. Это известие сразило Фому, он захворал, и дока на все руки Ермиловна отпаивала его богословской травой. Но время лечит, выздоровел Фома, смирился с потерей денег, сам себя утешал: «Не со мной с одним беда случилась, весь мир претерпел из-за революции трижды клятой. Только бы Игнаха возврнулся с фронта живой-здоровый, передам ему хозяйство, пусть руководствует, а мне и воздухнуть пора».

А зимой кто-то из недругов Игната написал своим, что Игнат откачнулся от казачества, стакнулся с большевиками. Услыхал об этом Фома — не поверил. «Не может быть этого, — уверял он стариков на сходке, — чтобы мой сын да с какой-то шпаной за одно? Не верю! Врут на Игнаху!»

Даже с атаманом Титом Лыковым поругался Фома из-за сына. А оно оказалось правдой, в этом Фома убедился, когда Игнат вернулся с фронта в отчий дом. На второй же день после его приезда старик спросил сына:

— Правду говорят, что в эти партии казаки наши поступают?

— Правда, — подтвердил Игнатьев.

— Боже ты мой! — Фома осуждающе покачал головой. — С ума люди посходили! Уж кому-кому, а казакам-то чего туда лезти? Чего

им не хватало? Ох, Игнат, хоть ты-то уж сторонись этих партий, бери-ка лучше за дело, хозяйствуй по-мирному, по-хорошему.

— Нет, тятя, — огорошил Игнат отца своим ответом, тот никак такого не ожидал. — Я тоже из тех казаков, какие за революцию. И в партии состою, большевик. Денька два-три побуду дома — и в Читу подамся в Красную гвардию поступлю.

У старика язык прилип к горлу, с ужасом глядя на сына, он проглатывал:

— Восподи...

Когда он с трудом поднялся со стула, Игнатий подхватил его под руку, провел в горницу, уложил на кровать. Сам присел возле него, заговорил ласково:

— Не волнуйся, тятя, ничего страшного нет. Прогоним Семенова, — старик только рукой махнул, отвернувшись к стене, задрожал плечами.

Через три дня Игнатий рас прощался с женой и детьми, уехал на Даурский фронт. Отец и попрощаться с ним не пожелал.

— Вот он какой, сынок-то, у меня оказался, — жаловался Фома, в тот же день соседу. — Ему ли в большевики эти лезти? Дом — полная чаша, хозяйствуй, как все добрые люди. Так нет, у него другое на уме — социализма! А все из-за варнака-учителя, вечно он разговоры заводил с Игнатом. Книжки читать давал, вот от него и пошло. Не-ет, Анисим, царство ему небесное, куда был хозяйственный, расчетливый, а этот... обормот непутевый.

Как ни проклинал Фома большевиков, но не они окончательно доконали его, а как раз те, кого он считал освободителями, защитниками православных. Это случилось весной 1919 года, когда в Верх-Ключи неожиданно нагрянул конный отряд барона Унгерна. В списке местных большевиков Игнатий Воронов значился первым. Мало того, против его фамилии Лыков собственоручно приписал «самый заядлый зачинщик, он и сомустил тут всех. И отец его Фома такой же злоподобный тип». Скорый на расправу барон приказал арестовать старика, конфисковать у него быков, лошадей. Дело было вечером, уже коров пригнали с пастбища, приехавшие с пашни работники выпрягли лошадей, в огороде топилась баня. В этот момент и заявились в ограду к Фоме пятеро конных бароновцев. Прежде чем арестовать хозяина, они устремились к лошадям, выбирали себе какие получше. Света белого не взвидел Фома, когда колченогий баргут накинул седло на его любимца рыжего иноходца.

— Отстань, тварина! — рявкнул Фома, вырвал из рук оторопевшего бароновца повод и, не размахиваясь, двинул кулаком его по склону. Баргут качнулся, но на ногах устоял, схватился за шашку. Фома выдернул из ярма занозу. Тут-то и схватили его каратели, доставили к барону. Жестоко наказал барон непокорного комиссарского отца, приказал всыпать старику полсотни шомполов, а лошадей его и рогатый скот конфисковать. Наутро каратели выгнали из двора табун лошадей, даже дойных коров с телятами. Остались одна корова с теленком да двухгодовалая нетель, не замеченная бароновцами в стайке. Лошадей осталось три, один из работников с вечера догадался увести их к соседям. Сам Фома лежал в это время у себя на кровати кверху спиной, окровавленный, исполосованный шомполами. Домой после экзекуции его принесли еле живого на потнике соседи-старики.

Такого поругания не мог перенести Фома, не помогла ему и Ермиловна. Умер он через две недели. Перед смертью знаками поманил к себе невестку, внуков, еле взяточно сказал:

— Храни вас божья матерь. Игнахе... благословение мое... — по-

жевав губами, еще выдавил из себя: — А этих нехристов, чтобы... нещадно...

Это были последние слова старика.

Схоронили Фому рядом с его старухой. На толстенном, гладко оструганном кресте какой-то сельский грамотей вырубил стамеской и закрасил чернильным карандашом слова: «Здесь покоитца Фома Ильич Воронов згубили его злодеи казнители 20 июня 19 г. царство ему небесно и вечная память».

Игнатию удалось побывать дома лишь год спустя. В жаркий летний день заехал он в ограду отчего дома. Привязывая коня к столбу, увидел, что на входной двери дома висит замок. В ожидании жены присел он на крыльца, закурил и только головой покачал, глядя на страшно разоренную усадьбу. Пустые амбары да старая завозня только и остались от некогда богатой усадьбы, сорной травой густо заросла ограда. Только небольшой приусадебный огородик по-прежнему был в порядке. С крыльца Игнатию были видны аккуратные, чисто прополотые грядки, желтыми колокольчиками расцвечены широколистые плети огурцов, на таловые тычины высоко поднялся горох, видна кудрявая ботва моркови, репа, сочно зеленел лук. Во всю длину огорода протянулись три гряды маньчжурского табака.

Без малого два года прошло с того времени, как опустела вороновская усадьба. И вот теперь вновь ожила она, словно проснулась после долгой спячки; появились в ней хозяева — члены коммуны «Искра», председателем которой коммунары избрали Егора Ушакова. Игнатий Воронов и Петр Подкорытов избраны были членами правления.

У стариков, когда они собирались на завалинках, только и разговоров было что о коммуне.

— Восемнадцать хозяев в одну семью! Да где это видано?

— Надолго ли?

— Говорят, и в других станицах то же самое творится, коммунии устраивают.

— Может, оно и к лучшему: власть-то вить не зря к этому призывает? Стало быть какая-то выгода есть?

— Ничего у них не выйдет! Родные братья не уживаются вместе, а тут собрались Шиша да Епиша, да Колупай с братом, разве они уживутся? Сроду не поверю.

— Мужики-то, может, и ужились бы, а бабы? Хо, ежели баба не взлюбит коммунию, разве мужик супроти ее устоит?

— Чего-о там, ночная кукушка завсегда перекукует на свою сторону.

А коммуна жила и уже готовилась к первому артельному севу. Коммунары исправили в вороновской усадьбе амбары, дворы, свели в них своих лошадей, в сеновал свезли сено, у кого сколько осталось от зимы, а в ограду телеги, плуги, бороны, сбрую, все, что потребуется на полевых работах. И без чего нельзя вести хозяйство.

В коммуне нашлось дело и для старого батрака Ермохи. Старик хотя и неохотно пошел в «коммуню», но пришелся в ней «ко двору», быстро прижился. Когда коммунары свозили в «общий котел» свое имущество, Ермоха хозяйствским чутьем угадывал, что не все отдают люди в коммуну, оставляют у себя немало такого, что до зарезу нужно в общем хозяйстве. Поразмыслил Ермоха, как быть с ними? И, не спрашиваясь ни у кого, не советуясь, решил действовать по-своему: обойти всех «артельщиков» и поговорить с каждым по душам. Надумал и в тот же день отправился в свой первый «обход».

Чутье не обмануло старика. В ужас пришел он в первой же усадьбе артельщика Дюкова: жена его, располневшая женщина, лет за сорок, выкатила из сарая сухой березовый кряж и уж за топор взялась, рубить его на дрова.

— Подожди, Онисья, подожди! — Ермоха рысцой подбежал к ней, вырвал из ее рук топор. — Ты это что же, матушка, с ума сошла! Эдакую добро на дрова.

— А на кой мне черт добро это, — огрызнулась женщина. — Мне топить нечем, давай топор.

— Онисья Петровна! — пряча топор за спиной, жалобным голосом продолжал Ермоха. — Совесть-то хоть поимей! Вить из этой чурки ступиц к колесам целый скат будет.

— Мне щи варить дрова нужны, а не колесся твои.

— Они такие же мои, как и твои! Хозяйство-то у нас с тобой общее.

— Там у вас, может, и бабы общие и мужики?

— Онисья Петровна! Ты мне в дочери годишься, а сбrehнула такое. Я и раньше-то на баб не заглядывался, а теперь чище мне до них, как цыгану до библии. Дров тебе надо? Привезу. У нас их поленница нерасчитая, сухие, лиственные, звон звоном. Приволоку тебе целый воз.

— Так бы и сказал сразу, черт старый! А не обманешь?

— Какой же мне резон тебя обманывать. Не веришь? Сама пойди со мной.

— Ладно уж, вези.

— Только вот что, Петровна, дров-то я тебе привезу и на той же телеге березник деловой заберу. Вон его сколько у вас запасено в сарае. Вам он теперь ни к чему, а в коммуне вот как нужен. Пилы попеченные две висят, к чему тебе две? Вить пилить-то одной будешь, так что одну-то отдай в коммуну. А кряж-то этот я уж унесу сразу за попутнем.

И, не слушая, что еще говорила Анисья, крякнув, взвалил на плечи кряж толщиной в полуведерный самовар, потащил в коммуну.

Как-то получилось, что Ермоха в коммуне стал вроде бы завхозом. На эту должность его не выбирали, не назначали, но, так как он лучше других знал, как вести хозяйство, к нему всегда обращались с вопросами, как наладить соху, телегу, смастерить хомут, седелку, на какого коня что подойдет. И всякие разные дела. Ермоха все знал в совершенстве, показывая, учил, к тому же он стал еще и хранителем имущества коммуны, держал его под замком в отремонтированной им завозне. Там у него хранились развшененная на колышках сбруя, плотницкий инструмент, литовки, серпы и многое другое, собранное им во время его ежедневных «обходов».

В это утро поднялись по-обычному рано, затемно позавтракали, и, едва рассвело, Ермоха засобирался в коммуну. Егор, стягивая с ноги ичиг, сказал ему:

— Ты иди, дядя Ермоха, а мне в ревком надо с утра. Воронов велел прийти чего-то. Пока его там нету, так я ичиг починю.

Ермоха подпоясался плетенным из бараньей пряжи пояском, надел шапку, спросил:

— Подкорытову чего сказать?

— То и скажи. Да пусть веялку установит к амбару, пшеницу надо очистить семенную.

Ермоха вышел, а Егор достал с полки сапожный инструмент и уселся за починку.

Платоновна, управлявшаяся с печкой, присела на лавку.

— Сказать тебе хочу, Егор.

Оглянувшись на мать, Егор кивнул головой.

— Сон плохой видела. Настя нарядная идет по улице, платье голубое на ней, полусапожки с резинками на ногах. Не к добру это, ох, не к добру. Кому умереть, тот завсегда нарядный привидится во сне. И на картах худо выпадает ей.

— Э-э, мама, — отмахнулся Егор, — не верь ты картам. И снам тоже.

— Сердце-то у меня чует, Егорушка, что беда приключилась с Настей. Да и так-то, подумать только, все давным-давно возврнулись, а от нее и вестей никаких. Надо что-то думать, Егор.

— А чего думать-то?

— Жить-то как будешь дальше? Года у меня не маленькие да и здоровье не ахти какое. Вот я и присмотрела тебе пару, хорошая женщина. Анной звать. Да ты знать должен ее, Логунова.

Егор и договорить не дал матери. Кровь бросилась ему в голову. Загоревшимся в жарком румянце лицом он повернулся к матери, заговорил срывающимся голосом:

— Да разве можно такое? Как же это, приведу мачеху детям своим... а мать ихня... Настя моя приедет, тогда как?

— Ох, кабы приехала она, Егорушка, я бы ее, как дочку родную, приняла. Но вить нету, докуда же ждать-то будем?

— Будем ждать, мама, будем! — Егор, зажав ладонями голову, облокотился на колени, замолчал. Молчала и Платоновна. В избе все больше светлело, жирник на столе начал чадить, выгорел жир. Словно ото сна очнувшись, Егор выпрямился, потушил жирник.

— Не сердись, мама, — заговорил он уже спокойным голосом. — Не могу я даже слышать про это. Подождем ишо, не приедет, управлюсь с делами нашими, искать ее поеду. Живую или мертвую, а найду.

В коммуне с самого утра людно, бурлит немолчный гомон, перестук топоров, шарканье пил, скрипучий стрекоток старенькой веялки, установленной возле амбара. Молодые парни, девки крутят ее по очереди, очищают семенную пшеницу, полученную коммуной от ревкома. На сушилках вокруг пестрой кучи конского волоса (Ермоха у всех лошадей острог грави) уселись бабы теребить его на пряжу. Все заняты делом.

Ермоха вернулся из своего обхода, принес круглое, величиной с переднее колесо, точило. И лагушку с дегтем приволок, похвастался:

— Вот точильце приобрел, нерчинское, теперь у нас топоры, долота острые будут! Без точилы в хозяйстве как? Станок к нему сделаю сегодня же.

Лагушку с дегтем он отнес в завозню. Вышел оттуда с мешком конского волоса на плече.

— Бог помочь, бабоньки! — приветствовал он работниц, по маленькой лесенке поднявшись к ним на сушила. — Вот вам еще добавочку принес.

— Дядя Ермоха! — взмолилась одна из женщин. — Нам и этого на весь день хватит! И куда тебе веревок столько потребовалось?

— Нам одних вожжей не меньше пятнадцати нужно, да чумбуры, да путы. Я вот боюсь, што не хватит нам волосу, а где его взять?

— Ничего-о, дядя Ермоха, хватит! — подмигивая бабам, заговорила бойкая на язык молодуха. — Конского не хватит, баб в коммуне много, мужиков остригем. — И такое сказала она, что Ермоха под дружный хохот работниц в момент очутился внизу на земле.

— Типун тебе на язык, халда языкатая, — ругался он, отплевываясь. — Сатана в юбке, лихоманка чернонемошная... — И, увидев вошедшего в ограду Егора, поспешил к нему.

Глава XIX

Ранняя и теплая в этом году выдалась весна в приингодинских и ононских долинах, в агинских и приаргунских степях. Стихи обычные в эту пору ветры, когда жаркая пустыня Гоби властно тянет к себе, в соседнюю Монголию, холод Забайкалья. Прогрело воздух, ровная установилась погода, лишь временами легкий ветерок доносит с полей запахи весны, — то дохнет на село гарью весенних палов, от которых дальние сопки укутаны сизым дымным маревом, то пахнет с заингодинских гор пьяняще сладостным ароматом богоарской травы, слегка приперченным горьковатым душком прошлогодней польни. Медом пахнут в это время набрякшие вешним соком тальники, густо усыпанные белыми пушистыми барашками; серо-желтые, заветшившие склонны сопок уже расцвечены синим разливом ургуя, а на черных от недавних палов еланях пробиваются тонкие усики зелени.

В коммуне все уже готово к севу. Егору не терпится ждать, хочется поскорее сделать зачин. А Ермоха не торопится: вчера шестерых мужиков заставил затесывать из березняка полозья, зарывать заготовки в навоз на конском дворе.

— Когда же гнуть-то их будем? — спросил старика Егор.

Ермоха посмотрел в сторону конского двора, потом на солнце и лишь после этого ответил:

— Тепло будет опять. Назём-то вот-вот загореться должён, пролежат в нем полозья до завтра и разопреют, послезавтра и гнуть будем.

— И чего тебя приспичило с этими полозьями. Зачинать надо сеять, а ты людей отрываешь.

— Рано ишо.

— Как рано? Земля протаяла, лопата не достает мерзлоту.

— Мало ли что! Рисковое дело: земля пока в соку, посеешь — вzőйдет скоро, а оно тепло стоит-стоит, да и хватит заморозок — вот и гибель! Пересеивать, а чем? Не-ет, брат, знаем мы такие примеры. Попспешишь — людей насмешишь.

— Ладно, сгодим еще денька три, а в понедельник поедем.

— Э-э, нет, и не думай даже.

— Ишо рано?

— День не зачинный — понедельник!

— Ну тогда во вторник!

— Тоже нельзя, благовещенье, нынче было во вторник, значит, тоже день не зачинный. Ты забыл, как у Саввы Саввича делали?

— Так то у Саввы Саввича, а у нас хозяйство-то не кулацкое, а советское. И нечего нам верить всяким поверьям поповским.

— Не верь, кто тебя просит! — осерчал Ермоха, и, как всегда в таких случаях, полез в пазуху за кисетом. — А людям не мешай, мы люди крещеные.

— Значит, в день зачина в бане будете париться утром, молиться при зажженых свечах?

— А ты думал как? Вое будет как у добрых людей.

Егор только рукой махнул, отошел в сторону, не желая обидеть старика, которого любил и почитал как родного отца.

Однако поехать с коммуной на пашню, хозяином походить за плугом, полюбоваться на сына, как он будет править парой пристяжных, на этот раз не пришлось Егору: за два дня до начала сева его и всех партизан Верх-Ключей по тревоге вызвали в ревком.

Было раннее утро, село только что просыпалось, черные дымки вставали кое-где над крышами домов. На востоке рделя узенькая полоса зари, и, словно приветствуя ее, горланили петухи.

Егор пришел одним из первых. В ревкоме горела лампа, Воронов с озабоченным видом просматривал какие-то бумаги.

— Чего звал? — поздоровавшись с ним, спросил Егор.

— Беда, брат! Нарочный из станицы, из волревкома то есть, с приказом всем партизанам и другим, какие надежные, к двенадцати дня явиться в Заозерскую при полной боевой.

— Вот тебе раз! Война, что ли?

— Что-то вроде этого. Котов, председатель волревкома, пишет, что недобитый барон Унгерн в Монголии зашевелился. Целую армию сорганизовал, стервуга, вот его усмирять пойдете. К обеду вы должны быть в Заозерской, там эскадрон набирается бойцов наших. Командиром тебя назначили.

— Хуже-то не нашлось?

— Но-но, не прибедняйся! Командовал эскадроном, тебе и карты в руки.

Люди подходили по одному, по двое. Кучей заявились коммунары. Сообщение Воронова — как удар обухом по голове. Гулом голосов наполнилась комната.

— А как же с посевом быть?

— Вить нынешний день год кормит.

— С кем война-то?

— С бароном, сказано тебе!

— Мало его, проклятого, баронили под Богдатью!

— Игнат Фомич, а ить мы-то с Епихой и не партизаны вовсе. Вон и Маркел тоже, вроде нас и не касаемо.

— Все одно, свой брат — бедняки, активисты. Вот вам и доверие оказали, винтовки выдадут.

— Насчет посеву спросить хочу. В коммуне там, конечно, не остановится, людей хватит. А нам как быть?

— Поможем. Спаривать будем хозяйства по два, чтобы один воевал, а другой ему и себе хлеб сеял.

Зачитав приказ, Воронов пояснил:

— Двадцать четыре человека от нас едут, командиром назначен Егор Ушаков. В коммуне за него остается Петро Подкорытов. На сборы один час, собираясь у школы, понятно?

В ответ недружные, вразнобой голоса:

— Понятно.

— Чего не понять-то, опять то же самое.

— Снова да ладом!

Егор, попрощавшись с Подкорытовым, на его вопрос, какие будут наказы, только плечами пожал:

— Какие тебе наказы? Сам не маленький, действуй. Скоро торгаша наши вернуться должны, хлеб, какой они там наменяют за известку, раздай на еду коммунарам. Комиссию назначь для раздачи.

— Сделаем, было бы чего делить.

— Народу у тебя хватит. Ермоха помочь будет. Ячменя посей с полдесятины раннего, чтобы к сенокосу поспел.

День только разгорался, а солнце уже припекало по-весеннему, крепко. В улицах сегодня оживление, как в большой праздник. Весть

о новом походе уже облетела село, а проводы казаков для сельчан — всегда большое событие; потому и многолюдно на площади у школы, где в одну толпу сбились казаки, бабы, оседланные кони. В разного-лосый гомон вплетается веселая трель гармошки, топот каблуков, смех, женский плач, напутствия стариков:

— Коня, коня береги пуще глазу!

— Ослабь переднюю-то...

— Сам не доешь, коня накорми!

— Эка толчая какая, будто и в самом деле война началась, проводы, — сердито проворчал Егор, появившись на площади. Раздвигая конем толпу, крикнул: — Кончай, товарищи, хватит! Чего вы это взбулгачились? Вызывают нас на какие-то дни, а вы уж будто на войну проводы учинили. — И, приподымаясь на стременах, повысил голос: — По коням! В две шеренги стройся, живо!

Сильнее заголосили бабы, последние слова прощания, объятия, и вот уже раздвинулась толпа, образуя широкий проход, где двумя шеренгами выстроились конники.

Равнение, перекличка и зычная команда Егора:

— Справа по три за мной рысью, ма-арш!

Глава XX

К весне 1921 года события большой исторической важности развернулись в Монголии. Еще в октябре 1920 года туда бежал из Забайкалья барон Унгерн с остатками своей «конно-азиатской дивизии», в которой оставалось к тому времени около восьмисот солдат и офицеров. Прославившийся во время войны в Забайкалье жестокостью, барон не сложил оружия. Освоившись в Монголии, он при помощи Японии и монгольских нойонов, дзасаков начал создавать новую орду, вербую в нее главным образом бывших белогвардейцев из разбитой армии атамана Семенова. Внушив монгольским феодалам, что он освободит их от китайского владычества, барон установил связь с гла-вой ламаистской церкви Богдогэгэном, находившимся в Урге, сумел войти к нему в доверие и даже вывезти его тайком в свою ставку. Это придало больше значимости заверениям барона о священной войне за свободу и независимость автономной Монголии. Набрав достаточно сил, он в морозное февральское утро окружил Ургу и в кровопролитном бою наголову разбил располагавшийся там гарнизон китайцев и занял столицу Монголии. Вскоре он возвел своего покровителя Богдогэгэна на ханский престол, помог ему создать из феодалов «правительство» Монголии и получил неограниченную власть в стране.

Однако простому народу Монголии — аратам — не стало легче. Избавившись от китайских угнетателей, они нажили себе другого, крайне жестокого и не менее алчного. Начались репрессии, преследования монгольских и русских прогрессивных деятелей, аресты, расстрелы; ухудшилось и без того бедственное положение аратов, увеличились взимаемые с них поборы. Ведь бароновскую орду надо кормить, одевать, предоставлять им лошадей. Недовольство новым угнетателем росло — и в этих условиях в Монголии зародилась своя народно-революционная партия. Организаторы партии Сухэ-Батор и Чойбалсан первый съезд ее, скрываясь от преследования феодальных властей, провели на территории ДВР — в Кяхте. На съезд прибыло двадцать шесть делегатов, они приняли устав партии, программу и обратились к народу Монголии с призывом подниматься на борьбу с угнетателями китайцами и бароновцами, за установление в стране

революционного порядка, создание свободной и независимой Монголии. Но мало еще было у них сил для борьбы с бандами Унгерна, и вожди революционной Монголии обратились с просьбой о помощи к правительству Советской России и ДВР, послав ходоков в Москву, к Ленину. Советское правительство удовлетворило просьбу представителей монгольского народа, на помочь им были посланы две пехотные дивизии, бригада кубанских казаков и партизанские сибирские отряды Щетинкина. Они заняли позиции вдоль русско-монгольской границы от Кяхты до Верхнеудинска. Далее на восток правительство ДВР двинуло четыре кавалерийских полка и спешно мобилизованных забайкальских партизан. В один из этих полков и направился Заозерский эскадрон под командой Егора Ушакова.

К вечеру второго дня, пройдя более двухсот верст, Егор со своим отрядом прибыл в большое село на русско-монгольской границе. В село въезжали шагом; закатное солнце кровавыми бликами играло на стеклах окон, позолотило снизу нависшее над горизонтом темно-сизое облако. В улицах, на площадях, вдоль наспех сколоченных коновязей длинные ряды лошадей, рядом возы с сеном, с мешками овса. Горят костры, над ними чернеют котлы на таганах. В воздухе мешаются запахи дыма, сена, конского пота, ременной амуниции, и висят над селом немолчный людской говор, топот копыт, скрип повозок и стук топоров.

Уже по тому, что кони бойцов не оседланы, сена им задано на всю ночь, Егор определил: полк остановился здесь на ночевку. В поведении бойцов незаметно никакой тревоги, настроение у всех бодрое, и это подействовало на вновь прибывших успокаивающее, одно заботило Егора: устроить своих людей на ночлег и накормить коней.

По красному флагу над крышей большого дома Егор догадался, что здесь находится штаб полка. Остановив эскадрон, он спешился, разминая ноги, поспешил в дом. В коридоре, делившем дом на две половины, сидели на скамьях ординарцы, далее за столом дежурный командир с наганом на боку, в форменной гимнастерке, на левом рукаве которой красно-синий ромбик, с красными буквами «НРА» на синем фоне и тремя синими нашивками на красном. Поздоровавшись, Егор назвал себя, пояснив, что прибыл во главе эскадрона на пополнение.

— Поздновато, товарищ Ушаков, — молодой, кареглазый командир оглядел Егора с головы до ног, кивнул на дверь, откуда доносились голоса людей, — совещание там у командира.

— Кони у меня с дороги голодные и люди то же самое, устроить их надо где-то на ночлег, — сказал Егор. — Насчет фуражу коням, будет?

— Будет, сено есть, овес. Улицу отвели вам под постой. Товарищ Ульзутуев, проводи комэска, помоги ему.

Бурят, народоармеец, поднялся со скамьи, закидывая винтовку за левое плечо, буркнул Егору: «Идем».

Покончив с делами в эскадроне, Егор вернулся в штаб. Совещание у командира полка уже закончилось, участники его потянулись к выходу или донимали командира вопросами. Глянул на него Егор и ахнул: за столом сидел его давний друг Чугуевский!

— Андрюха! — радостно воскликнул Егор, шагнув ему навстречу с протянутыми руками.

— Егорша! — не менее его обрадованный неожиданной встречей, Чугуевский, улыбаясь, поднялся из-за стола. Обнять и расцеловать командира полка хотелось Егору, но он постеснялся посторонних, незнакомых ему людей и только крепко пожал Чугуевскому руку.

— Вот так встреча, мать честная! — воскликнул он. — А ты опять полком командуешь?

— Командую, — сказал Чугуевский. — Полк наш состоит из пограничных «терчастей», слыхал про такие?

— Сам состою в терчасти, только в охране границы не участвуем, далеко мы от нее. А в случае какой заварухи, вот он я, пожалуйста, командир эскадрона, принимай под свое начало.

— Хорошо. Полк наш называется Первый Верхнеудинский кавалерийский. Твой эскадрон в нем будет по счету восьмым. Сколько у тебя людей?

— Сто тридцать шесть молодцов.

Чугуевский представил вновь прибывшего комэска своим командирам, и только теперь Егор разглядел их по-настоящему, дивясь про себя, что почти все они буряты! Позднее он узнал, что полк почти на две трети состоит из бурят. Один из них молодой, стройный, с еле пробившимися над верхней губой усиками и с такими же нашивками на рукаве гимнастерки, как и у дежурного командира, подошел к Егору:

— Здравствуйте, товарищ Ушаков! — сказал он без малейшего акцента в говоре. — Узнаете? — И, ощерив в улыбке белозубый рот, назвал себя: — Жаргал Доржиев!

Егор пристально посмотрел на командира, лицо которого показалось ему знакомым. Но где он встречал его? Не мог его припомнить Егор и ответил:

— Нет, никак не признаю.

— Вместе мы работали у Саввы Саввича.

— А-а, — догадался Егор. — Отец-то твой овец пас у Шакала! Помню Доржи Бадмаева, хорошо помню, а тебя где ж мне узнать, подростком тебя видал: лет двенадцать тебе было, не больше. А теперь вон какой молодец!

— Шестым эскадроном командует, — вмешался Чугуевский. — Поговорить о былом вы еще успеете. Жаргал, оставь-ка нас вдвоем, надо объяснить ему задачу нашу.

— Андрей Ефимыч, я и на квартире-то не был, голодный как волк!

— На квартиру ко мне пойдем. А сейчас за дело.

Жаргал, попрощавшись, вышел; Чугуевский снова уселся за стол.

— Жалко, не был ты на совещании нашем, — сказал Чугуевский, развертывая на столе карту-десятиверстку восточной Монголии. — Придется повторить то, что я рассказывал командирам моим. Наша задача — разгромить банду есаула Деревцова. Вот он где находится, в районе озера Хух-Нур. В банде у него больше тысячи всякого сбrosda. У него и белогвардейцев, бежавших из Забайкалья, полно и китайских хунхузов, чахаров, баргутов, харчонов — вооружены хорошо, пулеметов много у них, даже две горнушки имеют, бандюги. Но народ у нас в полку боевой, дружный. А бандиты эти только грабить мастера, вояки они не ахти.

— Когда выступать? — спросил Егор.

— Завтра утром. К вечеру мы должны быть у этого вот озерка маленького, видишь?

— Да ты што? — удивился Егор, глянув на карту. — Сам же говорил, банда направляется сюда вот, верно?

— Верно.

— Так чего же нам в сторону от нее уходить?

— Хитрость, Егорша. Военная хитрость. Надо втёмять в башку

Деревцову, что мы на перехват банды Кайгородова двинулись, есть такая банда, она долиной Онона движется. А что мы в том направлении пошли, Деревцову завтра же будет известно. Пойдем-то мы не пустым местом, а мимо улусов монгольских. Народ там всякий, немало найдется и таких, что завтра же донесут бандиту: куда мы идем, сколько нас, какое у нас оружие, все распишут до тонкости. Вот Деревцов и пусть думает, что мы на Онон направились. А мы дойдем до этого озерка — отаборимся, коней выкормим, сами отдохнем и ночью махнем обратно, чтобы врасплох напасть на бандитов. Внезапный налет всегда страшнее, чем тот, которого ждут. Понял, что к чему?

— Понял.

— То-то, а теперь пойдем на квартиру. Бараниной жареной угошу, да и стаканом араки!

— Вот это по-нашему! — повеселел Егор.

Из села выступили на рассвете, перед восходом солнца пересекли границу. Долиной, по обе стороны которой тянулись небольшие, голые сопки, прошли верст десять и, перевалив через широкую седловину, взяли направление на юго-запад.

Степь, степь монгольская, такая же, как и соседствующая с нею даурская степь, — ковыльная, остречная, местами холмистая, и, куда бы ни глянул, нигде не увидишь ни деревца, ни кустика. Белыми пленинами блестят на солнце прилизанные ветрами солончаки. Богаты красками эти степи в летнее время, когда широкие поляны голубого остреца украсятся розовыми завитками дикого клевера, щедро раскидает лето по нему жаркие маки, красные саранки и множество других цветов — ярких, медвяно душистых.

В данный момент степи, опаленные весенними пожарами, только-только начали зеленеть, украсились на холмах лишь синими покрывающими рано цветущего ургуя. На желтые песчаные бутаны повылали тарбаганы. После зимней спячки в норах они, сторожко поднимаясь на задние лапки, изредка тявкали, дивясь появившимся здесь в таком большом количестве конникам.

Ехали не торопясь, путь не далекий, да и коней берегли, чтобы не слишком утомить их перед ночным рейдом. Тихая шаговая езда по мягкому грунту, где и конского топота не слышино, и унылое однобразие ландшафта нагоняли на всадников дрему. К тому же и солнце хорошо греет, теплом дышит легкий ветерок, и люди мерно, в такт конской поступи покачиваясь в седлах, клюют носами. Иные спят, уронив голову на грудь. Дремота одолевает и Егора, он силился превозмочь ее, пылит глаза на какую-то сопку вдали и видит, что ее снизу застилает туман; он поднимается все выше, выше и вот уже сопки не видно, а посреди тумана вырисовывается клочковатая борода Ермохи. Она почему-то расплывается вширь, и уже не борода видится Егору, а серый пуховый платок Насти! А вот и сама она, смотрит на Егора, улыбается и удаляется от него, словно плывет по реке. Егор за нею, хочет схватить и, качнувшись в седле, вздрагивает, проснувшись. Тряхнув головой, сгоняя с себя остатки сна, огляделся Егор и уже не увидел впереди сопки, та же равнина кругом, те же тарбаганы на бутанах, и высоко в безоблачном поднебесье плавно кружится, выматривая добычу, пернатый хищник, степной орел.

Чтобы не дремать больше, закуриивает Егор трубку, приобрел ее в Заозерской. Попыхивает табачным дымом, а мыслями блуждает по тропкам пройденного времени: то вспомнится ему юность, праздник на берегу Ингоды, станичный атаман, запродаивший его в работники, то в мыслях Савва Саввич, Ермоха, Насти, уж она-то не выходит у него из головы постоянно.

Глава XXI

Бой с бандой Деревцова начался на восходе солнца. Внезапного удара по врагу, как замышлял Чугуевский, не получилось, хотя с места вечерней стоянки он поднял полк едва стемнело. Шли переменным аллюром и к месту предполагаемого сражения прибыли вовремя, но банды там не оказалось. Пока чугуевские разведчики обнаружили ее, на востоке уже ширился рассвет.

Все еще надеясь напасть на банду на их бивуаке, Чугуевский повел полк в ту сторону, решив атаковать беляков с двух сторон. Но то тут, то там на холмах замаячили чужие всадники, по одному, по два покажутся и скроются, как сквозь землю провалятся. Стало ясно, что бандиты обнаружили движение красных конников. Дозорные доносили Чугуевскому, что вражеская конница уже двинулась ему на встречу.

Степь в этом месте неровная, холмистая, пролегла тут меж холмов неширокая долина, с речкою посредине. Поднявшись на один из таких холмов, Чугуевский увидел в бинокль идущий долиной отряд противника. До унгерновцев оставалось не более пяти верст.

Быстро оценив обстановку, Чугуевский двум эскадронам и пулеметной команде приказал спешиться и занять позицию по обе стороны речки, трем эскадронам обойти бандитов в конном строю слева и атаковать их с фланга, справа то же самое должны были сделать остальные три эскадрона, в числе их был и эскадрон Егора Ушакова.

Прикрываясь холмами, Жаргал крупной рысью первым повел свой эскадрон, за ним, чуть помедлив, двинулись конники Цыдыпа Цыренова, последним шел эскадрон Егора. По замыслу Чугуевского ввязаться с бандитами в бой должен сначала один эскадрон Цыренова, чтобы потом ложным отступлением улечь за собой бандитов. Эскадроны Жаргала и Егора получали возможность ударить по бандитам с двух сторон. На деле же получилось по-иному бандиты первыми напали на шестой эскадрон, и Жаргалу поневоле пришлось принять бой....

Егор, оставив коня и эскадрон свой в низине, поднялся на пригорок как раз в тот момент, когда бароновцы в яростной атаке схлестнулись с бурятским эскадроном Жаргала. Видел он, как над головами конников серебристыми бликами засверкали шашки.

«Молодец, Жаргал, молодец!» — только и успел подумать Егор. Тут на эскадрон Цыренова хлынула волна вражеской конницы. А позади и чуть левее захлопали залпы, застрочили пулеметы — в бой вступили спешенные чугуевцы. Егор бегом с пригорка, вскочил в седло.

— Эскадрон, за мной, — гаркнул он, выхватив шашку из ножен. — В атаку, ма-арш! — и, пригнувшись к шее Гнедого, дал ему волю, слыша позади дробный топот сотен копыт.

Выскочив на бугор, Егор оглянулся, бойцы эскадрона, обнажив шашки, на полном скаку развертывались лавой. А навстречу им с долины с диким ревом катилась разношерстная вражья лавина. Опредивший всех бандит в малиновом халате скакал прямо на Егора, стреляя из винтовки.

«Фьюйт», — свистнула пуля возле самого уха Егора. Уже занося над бароновцем шашку, Егор увидел, что тот передергивает затвор для второго выстрела, и, приподнимаясь на стременах с силой рубанул по его бритой голове.

Считанные минуты длилась эта атака. Бароновцы, не выдержав дружного натиска красной конницы, повернули обратно.

Глава XXII

Бой закончился к раннему обеду. Разгромленная банда Деревцова спасалась бегством, бросив обозы с боеприпасами. Как стало известно позднее, самого Деревцова, раненого в ногу и в плечо, увезли с поля боя на конных носилках.

В этом бою пуля нашла и Егора в тот момент, когда повел он эскадрон во вторую атаку; как топором ударила она повыше локтя правой руки. Сдерживая коня, оглянулся Егор на помощника, крикнул:

— Веди эскадрон... ранило вот меня.

А тот и сам видел, что рукав гимнастерки Егора намок от крови, струйкой стекала она на землю по опущенной вниз шашке, повисшей на темляке.

Отстав от эскадрона, Егор, не сходя с коня, снял с себя поясной ремень, орудуя зубами и левой рукой, перетянул ремнем правую руку выше раны, чтобы остановить кровотечение. И шагом поехал на перевязочный пункт.

После боя, услыхав про ранение Егора, проведать его приехал Чугуевский. Егор с подвязанной к шее забинтованной рукой сидел на дышлине санитарной повозки, ложка в левой руке. Доедал из котелка суп, принесенный ему санитаром. Неподалеку дымили три походные кухни, и возле них выстраивались очереди конников с котелками в руках.

— Как дела? — спрыгнув с коня, спросил Чугуевский.

— Как сажа бела, — невесело пошутил Егор, засовывая ложку за голенище сапога. — Зацепило вот, кость хватило, однако. Как там у тебя?

— Раскатали банду вдребезги, побили их много, сволочей! Но и сами потери понесли, шестнадцать человек убитыми да раненых вдвое больше. Шестерых тяжелораненых отправим в поселок, откуда выступили вчера. Ты тоже с ними налаживайся.

— А я-то чего ради?

— Сам же говоришь: кость хватило, — а это разве шутейное дело? Собирайся, не волынь. Поедешь верхом на Гнедке своем. Там еще несколько таких же, кто в руку, кто в ногу раненый. Все вместе. И охранный взвод с вами, понятно?

— Понятно. А ты куда с полком?

— Приказано к Онону двинуться, на помощь Макару Якимову.

Рана у Егора оказалась не из легких, и пока залечили ее — прошло больше месяца. Жаргал познакомил Егора с одним из своих друзей — санитаром Аюшем Ульзутуевым, — тот оказал немалую услугу комэску. Аюша устроил к своим знакомым Егорова Гнедка, каждый день наведываясь к Егору, доставал ему молоко, сообщал новости. От него и узнал Егор о полном разгроме барона Унгерна.

Шел уже третий день, как покинул Егор больницу. И вот перед глазами его родные места: долина Ингоды, дорога, по которой вел он односельчан в бой с бандами барона Унгера. А на сопках уже отцвел багульник, отцвела и черемуха на берегах Ингоды. В молодой, яркой зелени по обе стороны дороги рассыпались желтые одуванчики. Все вокруг зеленеет, радуясь наступающему лету. На ближних и дальних еланях Егор привычным глазом различает темно-зеленые всходы пшеницы и более светлые ярицы. Особенно привлекло его внимание большое, каких раньше здесь не бывало, поле пшеницы.

«Наша, наверно, коммунарская пашенка», — с удовольствием отметил он про себя. Дальше еще такие же полосы виднелись, в пади, под горой, поднимались дымки костров, верно, коммунары варят чай на стану. Очень хотелось Егору повернуть Гнедка туда, но и до села уж недалеко. Желание поскорее добраться до дому, до семьи пересилило.

«Ежели дождь хороший прольет, так с пашни наши сегодня же выедут», — подумал Егор, поглядев на небо.

А небо все больше заволакивало облаками; с юга на село надвигалась серо-свинцовая, темная понизу туча. Померкла притихшая степь; не слышно стало веселого птичьего щебетания, стрекотания кузнецов; лишь безмолвные стрижи да ласточки чертили воздух вокруг одинокого всадника, едва не касаясь его крылом.

Но вот и село. Мимо старой березы Егор проехал шагом, помахал ей папахой и, толкнув ногой, заторопил Гнедого. В улицах безлюдно, даже кур не видно, попрятались в предчувствии дождя. Откуда-то издалека донесся глухой рокоток грома. Дождь начал покрапывать.

Сердце у Егора забилось сильнее, когда он по узенькому переулку выехал на свою улицу и увидел вдалеке родную избушку. Женщина с ведрами на коромысле намеревалась перейти перед ним улицу.

— С пустыми ведрами, халыва! — ругнулся Егор и плетью по коню, чтобы проскочить. А женщина уже остановилась и, глядя на него, ахнула, всплеснула руками. Коромысло упало с плеч, и ведра покатились по земле.

— Настя! — Егор на бегу спрыгнул с коня, ног под собою не чуя.

— Гоша! — только и смогла сказать Настя, когда он схватил и прижал ее к себе.

Все пережитое, выстраданное за эти годы жаркой волной хлынуло на нее, комом подкатило к горлу.

— Настюша, ты это самое... Радоваться нам надо... вместе насовсем, — совершенно растерявшись и сам-то чуть не плача, Егор гладил ее по спине, по плечам, крепче прижимал к себе левой, здоровой рукой.

Старуха в черном платке дивилась на них из открытого окна избы напротив. Две женщины у ворот соседнего дома тоже глядели на необычную пару, сочувственно качали головами. Гнедко обошел их сторонкой, помахивая головой, направился к своему двору.

— Где же ты была так долго-то? — спросил наконец Егор.

Слезы облегчили Настю, она подняла на мужа покрасневшее, залитое слезами лицо.

— Болела я, тифом болела, видишь? — И, сорвав платок, провела рукой по коротко остриженной голове. — Обкорнали-то как! А уж досюда добиралась... после расскажу. Идем в избу.

В обнимку, позабыв про ведра, пошли они к своей избушке. А на встречу им с маленькой Наташкой на руках, спотыкаясь, уже спешила Платоновна.

* * *

Чей это голос, кого-то зовущий?
Уж не меня ли он кличет за пущей?
Сердце колотится, — может, меня
Пушта зовет, дивной тайной маня?

Птица пугливая, птица далекая
И в одиночестве столь одинокая, —
Что, потаенную тайну храня,
Хочет сказать, но таится меня?

Или, дитя острометных ключей,
Что-то бормочет подземный ручей?
Дыбились скалы, и море шумело —
Сердце мое их понять не умело.

Тундра манила, взвыала тайга,
Гневно и страстно гудела пурга.
Дрожь усмиряя, валился я в рожь —
Рожь мне шептала: когда ты поймешь?

Жизнь моя, жизнь отвчала больная:
Что-то я знаю, а что — я не знаю.
Сколько хватало упорства и сил,
Землю родную я исколесил...

Кто-то витает в миру вездесущий,
Может быть, радость для жизни несущий,
Может, пугает меня он назло,
Но отчего-то на сердце светло.

С юности ранней я с родиной слит
Так, что от радости сердце болит.
Где-то когда-то в весеннем бору
Все я пойму и от счастья умру.

Но не кончается жизнь — и другой
Выйдет на голос, мне столь дорогой,
Выйдет на голос за дальнею пущей,
Тайно звучащий и тихо зовущий.

Он не забудет родимый порог,
Но позовет его голос дорог.
Юное сердце от счастья болит —
Он уже с голосом Родины слит.

Арсений СЕМЕНОВ

Эти стихи печатаются, когда автора уже нет среди нас. До последних дней он работал, и творчество Арсения Васильевича Семенова, как видит читатель, проникнуто глубоким оптимизмом, верой в людей.

ВСЕ МНЕ СНИТСЯ РОДИНА СОЖЖЕННАЯ

Все мне снится родина сожженная,
Сердцу дорогая сторона,
В семь недель до кустика сраженная
Ворогом по имени война.

Мы в конце концов сразили ворога,
Мы сломили ненавистный гнет.

Только то, что было сердцу дорого,
Никакой волшебник не вернет.

Их ковали со стальными нервами,
Роботов с орлом на черепах,
Что б для тех, кто были в мире первыми,
Вечным тленем этот мир пропах.

Просчитались палачи-душители
Древнерусских заповедных сел,
Милый край на выжженной обители
Медленно по зернышку взошел.

Невесельно в этом мире тление,
Мир не отдан праху и золе.
И тому порукой поколение
С изначальным светом на челе.

И тому порукой песни памяти,
Спетые по-русски до конца,
Хоть досель смертельно-жгучей замяты
Утираю прах и тлен с лица.

КАК МАЛО НА ЗЕМЛЕ ЖИВЫХ СОЗВУЧИЙ

Как мало на земле живых созвучий
Вызывает колокол времен!
Хоть слышу я, что граммофон за тучей
Зачем-то для кого-то заведен,

И моря шум, и горного обвала,
И свет зари, и бабочки мотив —
Все-все душа, немея, забывала,
Когда гремел тупой и черный взрыв.

Пылало солнце жизни настоящей,
Но оказалось — это только сон,
Я слышал смех — бубенчик твой
Звенящий, —
Он на куски снарядом разнесен.

Не я один тогда оглох от горя —
Оглохла и ослепла высота.
Уже в огне от моря и до моря
Паучья цепенела немота

Смешались свет и тьма, смешались души
И бытие во тьме небытия.
Живой Чайковский затыкает уши,
И падает любимая моя.

Ты, граммофон, играй за дальней тучей,
И, ветер, вей, сдувая черный прах,
Хоть этой какофонией колючей
Истерзан свет, как тело на штыках.

Неужто мир отныне бездуховен?
Но в этом отживающем кругу,
Гляди, из немоты встает Бетховен
И солнце пьет Ван-Гог на берегу.

Лишь только верь — и все начнет сначала
Творения поющее сверло.
Что, сердце взяя, за рощей прозвучало?
Волшебный звук! Молчанию назло.

* * *

Завезла меня телега
В незнакомое село,
А на утро столько снега,
Столько снега намело.

Мне бы сани, мне бы сани,
Что мне делать на селе?
Но хозяин сам с усами,
Развезло его в тепле.

Он с разгона, с перегона,
Почттай, уж сутки спит.
Хлопнул чарку самогона
И без задних ног сопит.

В снежной мути, в передряге
Нелегко ему пришлось,
Обошлось на конной тяге,
И село само нашлось.

Были летние работы
От темна и до темна.
Точка, кончились заботы,
Не буди его жена.

Он в труде мужик ядреный,
Премиальных — пруд пруди.
Шаль с каймою, пух дареный
У хозяйки на груди.

Спит он — это не причуда.
Это надоально понять.
Подожду его, покуда
Выйдет сани починять.

А потом, прощаясь с домом,
Как настанет в путь пора,
Пожелаю я всего вам:
Мира-лада и добра.

Завезла меня телега
В незнакомое село,
Сколько солнца, сколько снега.
И в душе светлым-светло.

КАК КРАЛИЮ УКРАЛИ

Простую девчонку
В деревне украли,
И скарб на трехтонку,
И нет нашей крали.

Не льстили ей тонко
И врать ей не врали
Но все же девчонку
Украли, украли.

Что, парни, глядели,
Что, парни, моргали,
И скарб немудреный
Грузить помогали?

Теперь-то вам грустно,
Теперь-то вам скучно
Была она с вами
Всегда неразлучна.

А как расцветала,
Вы все онемели.
Зачем о любви ей
Сказать не посмели?

И где ваши игры,
И где ваши пляски,
Когда королевну
Украли, как в сказке?

О чем вы галдите,
Несчастные трусы?
Все точите, точите
Лясы-турусы?

А этот с друзьями,
Из города, черный,
Был смелый, веселый,
Глазастый, проворный.

Учился он речи
У доменной печи,
Имел он крутые
И сильные плечи.

Не стал разводить он ей
Лясы-турусы,
Увез королевну,
Несчастные трусы.

Живет наша краля
В ладу с ним и в мире
И в браке законном
И в светлой квартире,

Стирает и моет,
Ковры пылесосит,
Законно под сердцем
Наследника носит.

Родится он, гордый,
В родителя — черный,
Глазастый и сильный,
Веселый, проворный.

И лясы-турусы
Точить он не станет,
На стройку ль, в деревню ль,
Девчонку он сманил.

Он сманил такую,
Что вам и не снилась:
Морской королевною
В пене явилась.

И жить будет с песней,
В ладу с ней и в мире
И в браке счастливом
И в светлой квартире.

И пусть водяные,
Несчастные трусы,
Разводят беззубые
Лясы-турусы.

Но их мягкотелость
Давно всем приелась.
Да здравствует дерзость,
Да здравствует смелость!

В горах поднебесья,
На море, на суще
Да здравствуют гордые
Светлые души!

На краю поляны,
За границей мглы
Белые туманы
От луны светлы.

Бродят в небе тучи,
Но с тобой вдвоем
Мы сбегаем с кручи
В светлый окоем.

В маленьком овражке,
Словно огоньки,
Светятся ромашки,
Светятся жарки.

Заповедным краем
С юности согрет —
И незабываем
Этот лунный свет,

Где под ноги стлалась
Лунная река,
Где руки касалась
Легкая рука.

Кофточка, застежка.
Уплывает мгла.
Лунная дорожка
Так была светла.

А потом опасный
Был скитаний круг.
Где ты, свет прекрасный?
Где ты, милый друг?

Многие забавы
Время замело.
Но сияют травы,
И в груди светло.

Было все, и нету,
Все пропало вдруг,
Кроме лета, света
В памяти, мой друг.

* * *

Колокольчики в росе
На краю поляны
Зазвенели тихо все,
Медом солнца пьяны.

То ли снился чудный сон,
То ли в самом деле
Я услышал этот звон
Посреди недели.

Встал с постели — тишина
Будто бы навеки.
Колокольчики со сна
Продирают веки.

Словно тайный сладкий чад,
Схлынул сумрак к ночи.
Колокольчики молчат,
Открывая очи.

Колокольчики горят
В заповедном свете —
И хитрят со мной, хитрят,
Маленькие дети.

Слышал звон я или нет,
Я и сам не знаю.
Льет в глаза мне синий свет
Сторона родная.

КЕДРОВКА

О как мягко и ловко,
Легче ветра витая,
Пляшет птица-кедровка,
Меж ветвей пролетая,

Словно нету воскрылий,
Нету трудного пота
И не стоит усилий
Никакая работа.

Тайники набивает
В них орешек кедровый.
Но потом забывает,
Где тайник ее новый.

Верещит и хлопочет
Над своими лесами,
Словно мир целый хочет
Начинить тайниками.

Что за странная память?
Слушай, кличет неловко,
Плачет в снежную замять
С голодухи кедровка.

Но весною и летом
Над ее тайниками
Вспыхнет молодь рассветно,
Как зеленое знамя.

Знать, и то пригодится,
Что, труды забывая,
Над отчизной кружится
Эта птица лесная.

ЗАВЕЩАНИЕ

Далекое детство далеко,
А близкая старость — близка.
Но небо, как прежде, — высоко,
И солнце стоит у виска.

Глаза я так пристально жмурю,
Так нужен теперь мне ответ,
Что вызреет в будущем: буря
Иль розовый утренний свет?

И, может быть, сам я в ответе
За все, что мне жизнь принесет?
Послушай, как в утреннем свете
Скворец упоенно поет.

О юность, прошла ты все бури.
И дробь барабанов слышна.
И строгие брови я хмурю,
Как будто моя здесь вина.

Довольно, довольно, не надо!
И горы, и долы, и лес
Льют синь-синеву и прохладу
Сияющих миру небес.

И в этом сияющем свете,
Как можно понять до конца,
Что девочка в грязном кювете
Хлебнула слепого свинца?

Склонилась печально рябина,
Над трупом наемник стоит,
Меняя рожок карабина,
На жертву бесстрастно глядит.

Страдания в Африке Южной,
Как в северном детстве моем,
Текут под свинчаткою выжной,
Кровавя земной окоем...

Домой на весеннем рассвете
Явился убийца-отец,
И пляшут вокруг него дети:
Послушай, как свищет скворец!

Решает убийца: он дома,
Детишки, скворец так скворец,
К тому же он свищет знакомо,
Как радостный сердцу свинец.

Но в новый наем на рассвете
Убили убийцу-отца...
О слушайте, слушайте, дети,
Весеннюю песню скворца!

Глядите, глядите, глядите
На горы, и долы, и лес,
Любите, любите, любите
Сияющий купол небес.

И, умные брови нахмуря,
Вершите большие дела,
Чтоб нас огненосная буря
С прекрасной земли не смела.

Не бойтесь, высоких занятий,
Не бойтесь всю землю обнять,
Чтоб было светло на закате
Рассветную жизнь вспоминать.

НЕУТОМИМЫЙ РУССКИЙ МОЛОДЕЦ

ОЧЕРК

ВНИЗ ПО АНГАРЕ И ОБРАТНО

7 августа 1872 года от одной из прибрежных окраин Иркутска по быстрой и светлой Ангаре отплыла рыбачья лодка. На ее корме с веслом в руках сидел человек в неприметной одежде. Город уже остался позади, а человек, поправляя очки, все оглядывался.

В лодке не было видно рыболовной снасти. В носу лежал только мешок с провизией, укрытый брезентовым дождевиком. Плыл не рыбак. В карманах его старого пиджака покоились паспорт на имя доктора, приличная сумма денег и аккуратно сложенная географическая карта. Лодку быстро несло вниз по течению. Конечную остановку человек не знал, ему важно было как можно скорее скрыться с глаз иркутской полиции. Всю зиму он изучал направление рек, в которые можно попасть из Ангары, запоминал их названия и названия пунктов по берегам. Хорошо продумал ответы на вопросы встречных людей. Но «доктор» не совсем представлял себе будущий маршрут, а значит, и могущие возникнуть трудности. Сильнее всего было желание достичь цели, получить полную свободу.

В городе его не сразу схватились. Полицейские лишь через несколько дней установили, что «подлежащий политическому надзору» исчез. Стали прочесывать город, а тем временем беглец уплыл уже далеко.

Дувинг был взбешен. Полковник строго выговаривал полицмейстеру Бориславскому:

— Ваши ротозеи прозевали!

— Ваши гоже хороши! — оправдывался полицмейстер. — Мои люди все закоулки обыскивали, беглец как в воду канул. Но ничего, найдем. И уж тогда...

— Что тогда? Сейчас нельзя медлить! Мы же не знаем, куда удрал Лопатин. А может быть, он пробирается поближе к Чернышевскому и выкрадет его. Наживем мы с вами беды!

Окончание. См.: «Дальний Восток», 1976, № 5.

В управлении жандармерии и полиции никак не подозревали, что Лопатин отважится на рискованное плавание по сибирской реке. А он плыл все дальше, остро переживая отсутствие рядом с собой друзей, всегда приходивших ему на помощь. Он не знал, что в Петербурге и других городах тревожились за его судьбу. Волновался и Карл Маркс, он писал в Петербург Даниельсону, спрашивая, где «наш общий друг». В марте Даниельсон сообщил ему, что Герман теперь на свободе. Обрадованный Маркс ждал скорого свидания с Лопатиным в Лондоне.

А беглеца искали. В западном и восточном направлениях передавались депеши, в большие города сообщались его приметы.

Герман ночевал один у костра в глухом лесу, его часами поливали дожди, пронизывал насквозь холодный ветер. Случалось, встречался с четвероногими хищниками и с варнаками-уголовниками, выходившими к реке на добычу. К счастью, встречи эти заканчивались благополучно для Лопатина. Приходилось стрелой лететь по быстрым перекатам, преодолевать бурные пороги, и тогда жизнь висела на волоске. Не раз лодка переворачивалась, и путешественник поневоле принимал холодную ванну. Но даже в таких невыносимых условиях он ухитрялся заносить в записную книжку свои впечатления о красотах сибирской природы:

«Спустился через знаменитые Ангарские пороги и добрался постепенно до р. Енисея, где и вышел на берег в Усть-Тунгузке, проплыв в одиночку около 2000 старых «екатерининских» верст (по 700 или 800 сажен)... Пробравшись через перевал в 60 верстах на так называемый Староачинский тракт, доехал на крестьянских лошадях до г. Томска».

Свобода! Свобода! Свобода! Переодетый в чистый костюм и побритый, Лопатин ходил по улицам Томска и строил в уме планы дальнейшего продвижения к Петербургу. Теперь они казались реальными, и не грех было помечтать о встрече с друзьями. «Оттуда, не задерживаясь, махну за границу».

Не торопясь пообедал в ресторанчике,

разглядывал посетителей, надеясь увидеть среди них знакомых, ведь поселенцы из политических каторжан оседали по всей Сибири. Решил побродить по городу, авось кто-нибудь и обнаружится. Остановился на углу прочесть объявление о сдаче квартиры в наем.

— Извиняюсь! — послышалось за спиной, и чья-то тяжелая рука легла на плечо Лопатина.

Быстро повернувшись, Герман увидел перед собой рослого полицейского. Строго спросил его:

— В чем дело?

— Прошу предъявить паспорт!

— Много себе позволяете! Это безобразие! — гневно начал выговаривать Герман представителю власти и только сейчас заметил, что тот в левой руке держит фотографию размером в почтовую открытку. Сразу понял: «Меня здесь ищут».

Уверенный в своих действиях, полицейский сказал повелительным тоном:

— Следуйте за мной в участок для опознания!

— Это с какой же стати в участок! Я дворянин! Вы не имеете права!

Полицейский смягчился:

— В таком случае могу сопроводить к господину губернатору!

По улице Герман Александрович шел рядом с полицейским в окружении местных зевак. Дорогой готовил себя к разговору с высоким начальством. «Приму вид оскорбленного». В кабинете губернатора Лопатин заговорил первым:

— Ваше превосходительство, прошу преречь беззаконие и строго наказать полицейского. Ни за что ни про что схватил на улице, среди дня, меня, дворянина, как последнего воришка.

Полицейский вытянулся в струнку, доложил, что он по фотографии, полученной из Иркутска, опознал беглого преступника Германа Лопатина.

Держа в руках фотографию, поданную полицейским, губернатор сказал посетителю:

— Полицейский утверждает, что запечатлены именно вы. Что скажете на это?

— Что я могу сказать? — Лопатин тоже шагнул ближе к столу. — Посмотрите, ваше превосходительство, еще раз на карточку. Изображенный на ней человек больше похож на американского президента Линкольна, чем на меня. А фигура? Никакого сходства. Разве есть что-нибудь общее между мной и этим лицом?

— Да! — неопределенно произнес губернатор. — Покажите ваши паспорт!

Паспорт, выданный на имя доктора, успокоил губернатора. Он пощипал усы и обратился к Лопатину:

— Извините, я убедился в искренности ваших слов. Думаю, что вас освободят.

Но полицейский не дрогнул даже перед губернатором, подошел к нему и сказал тихо на ухо, что с освобождением задержанного надо бы повременить. В городском трактире сейчас находится ссыльный по-

ляк, который знает Лопатина. Не мешало бы устроить очную ставку с ним.

— Формальность требует того, чтобы вы пошли с полицейским в одно место, — сказал губернатор. — Это займет немного времени. Прощайте, уважаемый!

Как только Лопатин перешагнул порог одной из комнат трактира, ссыльный поляк просиял лицом и готов был броситься на встречу ему. Но, увидев входившего следом за ним полицейского, опустил голову. Полицейскому не трудно было понять, что поляк и Лопатин знают друг друга.

— Ну что же делать? Сорвалось! — с горечью в голосе произнес Герман.

В Иркутск полетела депеша: Лопатин задержан, находится под стражей и будет отправлен обратно. Пока жандармы, назначенные для сопровождения, собирались в дальнюю дорогу, прошло еще три дня.

Все было как в той невеселой песне, «по пыльной дороге телега несется, а в ней два жандарма сидят». Лопатина везли в глубь Сибири по Московскому тракту, по которому еще не так давно, зимой 1871 года, он свободно ехал с паспортом члена географического общества Николая Любавина. Короткие остановки для смены лошадей. Глухие места вокруг, встречные люди. Только теперь рядом жандармы, и они не отходят ни на шаг.

28 сентября доставили беглеца в Иркутск. Тут все по-старому — отвезли в тюрьму, упратили в одиночную камеру.

В первый же день заявился старый знакомый, полковник Дувинг.

— С благополучным возвращением, Герман Александрович!

— Премного благодарен! — в таком же тоне ответил Лопатин, не вставая с деревянного, ничем не покрытого топчана.

— Как дышалось-плавалось?

— Чудесно, господин полковник! Думаю повторить!

Потекли серые тюремные дни. В камере Германа Лопатина никто не беспокоил, но в канцелярии полковника Дувинга жандармские чиновники шуршили бумагами, заводили новое дело о побеге. Началось дополнительное следствие.

Неудавшийся побег Лопатина не мог оставаться незамеченным. О нем заговорили во всей России, к концу 1872 года узнала и заграница. Повсюду высказывалось сочувствие Герману Александровичу. Его давний товарищ по революционной работе Н. Даниельсон, проживающий в Петербурге, в декабре получил тревожное письмо от Карла Маркса из Лондона:

«Судьба нашего милого «общего друга» глубоко волнует всю мою семью. У меня есть план помочь ему путем дипломатического вмешательства — из Константинополя. Быть может, это удастся».

Предложение Маркса заставило крепко задуматься Даниельсона и всех, кто хорошо знал Лопатина. Сошлись на том, что дипломатическое вмешательство в дела

Германа нежелательно. Даниельсон ответил Марксу:

«Вы хотите хлопотать за «нашего общего друга» в порядке дипломатическом. Мне кажется, однако, что всякая просьба, исходящая не от родных, и тем более от иностранцев, в состоянии ему только повредить, так как она может придать данной личности важность в глазах правительства. Но это зависит от средств, какие Вы хотите применить».

Пытался ли Маркс применить свой план — неизвестно. Лопатин продолжал оставаться в тюрьме.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР СИНЕЛЬНИКОВ

В четырех стенах одиночной камеры Герман никак не мог предполагать, что генерал-губернатор Восточной Сибири крайне интересуется его судьбой. Уже не раз главный администратор края читал материалы следствия, особенно показания самого Лопатина, знакомился с письменными и устными отзывами об этом оригинальном заключенном, невольно прониклся к нему уважением. К немалому удивлению тюремного начальства, Синельников стал навещать Лопатина в его одиночке. Губернатор столкнулся с чудесным собеседником. Герман обворожил его своей эрудицией, умением высказать свою точку зрения. Синельников не скрывал своего восторга на читанностью Лопатина, его способностью владеть иностранными языками. Узкому кругу приближенных он говорил о Лопатине как о человеке большого ума, железной энергии и сильной воли, умеющем добиваться намеченной в жизни цели.

Губернатор пришел к мысли — направить оригинального узника на путь истинный. Путь этот Синельников видел в том, чтобы повернуть революционера на 180 градусов от заполнивших его голову планов и дел, переключить его на бурную деятельность в пользу Восточно-Сибирского губернаторства. Синельников давно носился с идеей преобразования Сибири. Проектов у него было много. Вот если бы привлечь Германа Лопатина в качестве делового помощника, можно было бы горы своротить, оставить о себе память на века.

Посещения генерал-губернатора разнообразили тюремную жизнь Лопатина. Но к чему все это? Еще в Петербурге Герман слышал, как Синельникова называли «восточным деспотом». Конечно, он монархист, верно служит царю. Чего ему надо от не-примиримого врага самодержавия? Все прояснилось, когда Синельников заговорил о своих проектах.

Видя перед собой увлеченного человека, Герман не хотел разочаровывать его и не стал говорить о несбыточности его планов.

— Задумано хорошо, а как осуществить все это? Хватит ли у вас сил?

— А вы поможете, Герман Александро-

вич! Знаете, как можно повернуть колесо сибирской истории!

— Когда-нибудь Россия повернет это колесо. Я плохой помощник, могу вам только сочувствовать.

Синельников снова и снова заговаривал о будущем Сибири, пытаясь убедить Лопатина отрешиться от революционных взглядов и взвалить на свои плечи груз переустройства глухого края на основе губернаторских проектов. Лопатин ничего не обещал Синельникову, но беседы с ним продолжал, чувствуя к этому человеку определенные симпатии. Однажды губернатор сказал:

— Многие ваши дела направлены против государя и его правительства. К чему такое безумство с вашей стороны!

Глаза Германа загорелись под стеклами очков.

— Я желаю добра русскому народу! Я приехал в Сибирь с единственной целью — освободить Чернышевского!

Признание было настолько неожиданным, открывавшим все карты Лопатина, что Синельников от удивления привстал с табурета и развел руками. Потом долго молча ходил по камере.

— И вы серьезно верили, что это возможно?

— Верил, ваше превосходительство!

Беседа нарушилась, губернатор ушел, заметно взволнованный. Лопатин тоже долго не мог успокоиться. «Как воспринято мое заявление? Что теперь меня ожидает?»

В тот же день, а было это 15 февраля 1873 года, он написал Синельникову письмо — дополнение к тому, что сказал о Чернышевском в камере:

«Мне казалась нестерпимой мысль, что один из лучших граждан России, один из замечательнейших мыслителей своего времени, человек, по справедливости принадлежащий к Пантеону русской славы, влачит бесплодное, жалкое и мучительное существование, похороненный в какой-то сибирской трущобе. Клянусь, что тогда, как и теперь, я бы охотно и не медля ни минуты поменялся с ним местами, если бы это было возможно и если бы я мог возвратить этою жертвою делу отечественного прогресса одного из его влиятельных деятелей».

Отправил письмо через контуру тюрьмы и тогда только призадумался над своим поступком. Может ведь случиться так, что сам себе выпросил продолжительный срок карточных работ. Ну, а если Синельников обо всем умолчит? Облегчится ли тяжелая участь Чернышевского? Вот в чем вся суть!

В груди Лопатина теплилась надежда на то, что вынесенную из его одиночки тайну Синельников не разнесет по всему белому свету. Убеждая себя в этом, Лопатин, конечно, не мог знать, что генерал-губернатор, приезжая к нему на беседы, не забывал в то же время проверять, достаточно ли хорошо охраняют заключенного и подсказывать более сильные средства надзора за ним.

События, разыгравшиеся после этой короткой беседы, показали, к чему привели откровения Лопатина и как вел себя генерал-губернатор Восточной Сибири...

22 февраля 1873 года Синельников своим распоряжением приостановил «дополнительно производимое следствие» о самовольной отлучке из Иркутска отставного коллежского секретаря Г. А. Лопатина. Впредь до особого указания губернатора с арестованного снимался секретный политический надзор. Через тюремные стены этот факт не дошел до Германа, а то бы он не- мало удивился. Его побег генерал-губернатор оценивает как самовольную отлучку. Всего-навсего!

Синельников перестал навещать его в камере. Жандармские чины, конечно, ничего не сказали о том, что Синельников возбудил перед Петербургом ходатайство о прекращении дела Лопатина и просил оставить его на жительство в Иркутске. Синельников хлопотал перед начальством в столице о смягчении участия Чернышевского, писал о необходимости перевести его в Якутск.

Итак, генерал-губернатор никому не открыл секрета, доверенного ему политическим заключенным. Почему? Узкий круг людей, примыкавший к Синельникову, по-разному судил об этом. Одни говорили, что сказалось благородство аристократа. Другие утверждали, что поступить иначе Синельникову не позволила честь дворянина. Ходило и такое мнение: губернатор хотел увлечь Лопатина своими планами и перетянуть его на свою сторону.

Петербург отвергал все ходатайства генерал-губернатора Восточной Сибири. А раз так, следствие о побеге Лопатина возобновилось. Тянулось оно долго и закончилось лишь в июне 1873 года. Это сообщение принес Герману сам полковник Дувинг.

В Иркутский и Верхоленский окружной суд поступило дело Лопатина о побеге, там его листали, изучали и нашли незаконченным. Рассмотрение было отложено. Нет подробностей задержания Лопатина в Томске, не ясны причины ареста — или его схватили как беглого, или он совершил в городе какое-то преступление. Необходимо дорасследование.

Вся эта волокита пошла на пользу Лопатину, его часто водили в окружной суд, таким образом, он получил возможность бывать больше на воздухе. В суде ему предлагали вопросы, на которые требовалось давать письменные ответы. Возвращаясь в камеру, Герман Александрович понимал, что как чиновники ни тянут, а судить его все равно будут. Самое лучшее — исчезнуть так, чтобы не поймали и не вернули. Обдумывая разные варианты побега, он перебирал в памяти фамилии и адреса иркутских подпольщиков, заученные еще в ту пору, когда сидел в общей камере с политическими заключенными. Иногда ругал себя за то, что был излишне самоуверен. Правда, физически он был силен и ловок, но не всегда учитывал, где можно с толком применить свои возможности. Как-то ночью,

в часы бессонницы, поклялся: «Беру себя в руки, не поддамся слабости, буду осторожен...»

10 июня Лопатина по конвоем привели в одну из комнат окружного суда. Сидел за столом и переносил на бумагу ответы на поставленные следствием вопросы. В окно был виден обширный двор, ворота широко открыты, туда-сюда снуют люди. На высоком, красивом коне гнедой масти въехал всадник. Бросив лошадь недалеко от крыльца непривязанной, он вошел в помещение. Германа осенила мысль: «Вот лучший вариант побега, не буду терять ни минуты». Попросил конвоира вывести его во двор. Как только вышли на крыльцо, Герман сделал прыжок через несколько ступенек, стремительно бросился к лошади, вскочил в седло и галопом поскакал к воротам. Часовой застыл на крыльце с разинутым ртом, не сообразил сразу поднять тревогу, побежал искать свое начальство, чтоб доложить о происшествии. А начальства, как на грех, близко не оказалось. Каждая минута промедления удаляла Лопатина от преследователей. За время проживания на свободе под надзором полиции он успел познакомиться с городом и теперь уверенно мчался по улицам. В районе реки Ушаковки оглянулся, погони не видно.

Вот и лес. Отпустил лошадь на произвол судьбы, а сам пешком стал пробираться обратно в город, на одну из его окраин. Подпольные явки помнил хорошо, первую квартиру отыскал быстро. Незнакомые люди приютили, накормили, переодели. На другой день новая явка, потом еще и еще. А в Иркутске не унималась суматоха. Вся полиция и жандармерия были поставлены на ноги. Две недели поисков ничего не дали. Беглеца искали одновременно по всей Сибири, вплоть до китайской границы. Лопатин на этот раз придерживался хорошей тактики: пусть его ищут где-то далеко, а он будет отсиживаться под носом у ищек. Уходить скоро из Иркутска пока смысла нет.

Время работало на беглеца. Наступил день, когда начались сборы в дорогу. Герман переоделся в крестьянское платье...

РОССИЯ - АНГЛИЯ

В небольшую скромную квартиру на одной из отдаленных от центра Петербурга улиц сильно постучали. Горничная открыла двери и увидела молодого человека в полушибуке и мохнатой шапке.

— Вам кого? — спросила горничная.

Парень молча стоял в прихожей. Протер вспотевшие после холода очки, шагнул вперед, огляделся. Да, он не ошибся, именно здесь должны проживать знакомые студентки столичного университета.

— Уходите, а то я барынь позову! — уже сердито крикнула горничная и юркнула в комнату. Через минуту оттуда высыпала шумная стайка девушек. Они мигом окружили гостя, раздались радостные возгласы:

— Герман! Жив!

Студентки принялись обнимать Лопатина. Горничная только покачивала головой от удивления.

Дорога Германа из Сибири до столицы протянулась на тысячи километров, но о ней он, когда на столе появился самовар, рассказывал коротко. На окраинах Иркутска прятался до первых заморозков, а когда утих шум поисков, пустился в необычное путешествие. Подпольщики помогли пристроиться к большому обозу, уходившему в Европейскую Россию. Возчикам по нутру пришелся молодой и веселый, одетый по-крестьянски мужичок. И говор у него вполне сибирский, и про дела деревенские толковать мастер. Даже про чужие страны мог объяснить. А балагур — каких мало! Животы надорвали от его шуток да прибауток. Всю дорогу он не только смешил их, но и делал все, что делали обозники, ни от какой работы не отказывался.

Так и добрался до Томска. Ох, как запомнился этот город, век его не забудешь. В людных местах Лопатин теперь не показывался, перед глазами так и стоял полицейский, узнавший его здесь осенью прошлого года по фотографии. Из Томска он быстрыно выехал в Петербург...

Пил Герман студенческий чай с сахаром и расспрашивал о друзьях. Услышал печальное: один в тюрьме, другой в ссылке, третий эмигрировал за границу. «И мне тут не жить, надо собирать котомку», — думал ни одного дня не отдохнувший беглец.

И правда, в Петербурге ему не жить. Розыски не прекращались по всей России. В полицейских и жандармских управлениих двойная тревога: ловить Лопатина и одновременно караулить Чернышевского. Полковник Дувинг, говорят, даже походил от злости и досады. Дошло до того, что Николая Гавриловича Чернышевского стали стеречь жандармы, знающие Лопатина в лицо. Бот как напугал Герман жандармерию и полицию своей неутомимой деятельностью.

Но полицейские ищейки уже пронюхали, что Лопатин где-то в Петербурге. Герман в столице пробыл ровно столько времени, сколько нужно опытному революционеру, чтобы с помощью живущих на нелегальном положении подготовиться к бегству за рубеж. Свободно вздохнул он только в Цюрихе, когда крепко обнял Петра Лаврова.

На дворе стояла поздняя осень 1873 года.

О многом они поговорили после долгой разлуки. Лавров не мог удержаться от наставлений:

— Оставайся, Герман, таким же неугомонным, но убить в себе самоуверенности, прибавь осторожности!

Из Швейцарии Лопатин поторопился в Англию, ему не терпелось повидаться с Марксом. Но автора «Капитала» в Лондоне не было — выехал на лечение. Германа с большой теплотой встретил Фридрих Энгельс. Искренне обрадованный, он выслу-

шал подробное повествование Лопатина обо всех его злоключениях в Сибири и сообщил об этом письмом Марксу.

Началась новая полоса бурной деятельности Германа на воле. Создавалось впечатление, что он наверстывает время, упущенное в период своего неудачного путешествия по маршруту Петербург—Иркутск—Лондон.

Многогранным было поприще этого революционера. За границей тогда скопилось много незнакомых ему русских эмигрантов. Зная их неурядицы, Герман контактов с ними не устанавливал и только ради личной симпатии к Лаврову согласился сотрудничать в газете «Вперед», оговорив одно условие, — в руководство изданием он не вмешивается.

В Париже, где жил теперь Лопатин, он близко сошелся с И. С. Тургеневым, и писатель, по воспоминаниям современников, полюбил этого неспокойного, всегда чего-то ищущего народовольца. Герман стал посредником между Тургеневым и Парижской библиотекой, созданию которой и сам оказывал немалое содействие. Через Германа писатель установил связи с Лавровым и передавал материальные вклады для поддержания выпуска «Вперед».

Много времени у Лопатина отнимала работа над переводами книг. Его переводы отличались точностью, добросовестностью. Поэтому и предложений переводчик имел предостаточно. Но никакая занятость не мешала ему часто бывать в Лондоне, навещать Маркса и его семью, встречаться с Энгельсом. Разговоры с Марксом всегда были продолжительными, нередко переходили в горячие споры, ведь Лопатин не целиком принимал учение своего великого собеседника.

Чтобы ни делал Лопатин на чужбине, его никогда не покидала мысль о родной земле. Что происходит в России? И, конечно, по-прежнему он интересовался Чернышевским. «Где он, нельзя ли вырвать его на свободу?» По просьбе Германа петербургские друзья в 1875 году побывали в Иркутске, уточнили, кто и как охраняет Чернышевского в ссылке, добыли оригиналы подписей нового генерал-губернатора и начальника жандармского управления. А Лопатин ездил в Швейцарию на переговоры о финансировании новой попытки освобождения Николая Гавриловича. Однако денег не дали, а без них организация побега была заранее обречена на провал.

В Россию, несмотря на опасность, Лопатин выезжал почти ежегодно и, к сожалению, как и прежде, игнорировал осторожность. В одну из поездок он, например: устроил прогулку на лошадях по Кавказу. Нечего и говорить о том, сколько раз он ставил себя под удар при проверке документов полицией. Был и такой случай... По улице южного городка ведут в тюрьму женщину, только что осужденную за участие в революционном движении. Герман подошел к офицеру, сопровождавшему конвой, и начал расспрашивать его об арестантке —

кто она, откуда, по какому делу привлекалась? «Сию же минуту отойдите», — сказал офицер. А ведь не в меру любопытного прохожего могли опознать и задержать.

В 1879 году Германа арестовали в Петербурге — выдал провокатор. Тринадцать месяцев пришлось отсидеть в каземате Петропавловской крепости, потом его хотели отправить в Сибирь, но раздумали.. Должно быть, разобрались, с кем имеют дело. В Сибири он долго не пробудет — сбежит да еще, упаси боже, выволокт из ссылки Чернышевского. Сослали Лопатина в Ташкент, затем в 1882 году перевели в Вологду. Оттуда он в 1883 году сбежал и опять очутился в Париже.

Лавров сообщил ему печальную новость: — Умер Карл Маркс!

Герман тотчас же написал в Лондон письмо Элеоноре, дочери Маркса:

«У меня нет слов, чтобы выразить Вам, какую боль причинило мне известие о смерти Вашего отца. Сообщение о кончине моего уважаемого и любимого друга было первое, что я услышал, переступив порог Лаврова. Маркс умер как раз в тот день, когда я переходил границу России. Таким образом, задержка в несколько дней лишила меня радости еще раз в жизни обнять этого человека, которого я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца».

Через несколько месяцев в Буживале, близ Парижа, умер Тургенев. За несколько дней до смерти он в последней записке к Лаврову писал, что очень хотел бы видеть Лопатина. В то время Герман, как всегда, был увлечен своими общественными делами...

НАВСТРЕЧУ СВОЕЙ БЕДЕ

После многолетнего непризнания русских эмигрантских организаций Лопатин в 1883 году разыскал в Париже немногих из тех, кто представлял за границей исполнительный комитет «Народной воли». К тому времени эта партия в России была разгромлена царским правительством. Герман примкнул к найденным им эмигрантам и поставил своей задачей возрождение «Народной воли». Произошло так потому, что Лопатин не понял происходящих на его родине перемен. В России развивался капитализм, создавались иные условия борьбы с самодержавием, на сцену выходила новая сила — Российский рабочий класс, которому и суждено было играть главную роль в революции. Лопатин же стоял на старых позициях, он считал, что русские дела имеют свой особый характер и к ним нельзя подходить с другой меркой. Исходя из этого, Герман Александрович не раз выезжал в Россию, собирая там единомышленников.

Между тем за границей в Лопатине очень и очень нуждались. Ф. Энгельс после смерти Маркса готовил к изданию второй том «Капитала». Несколько русских эмигрантов, в том числе и Вера Засулич, обра-

тились к нему с просьбой предоставить им возможность перевести историческое произведение на русский язык. Энгельс не спешил давать согласие, он придерживался своего мнения: на перевод второго тома больше прав у того, кто отлично перевел первый — у Германа Лопатина. Действительно, Лопатин прекрасно владел английским языком, его переводы высоко ценились, и он, безусловно, хорошо бы справился с новой работой, но...

Герман самшел навстречу своей беде...

Осенью 1884 года он собрался, уже второй раз, в Россию. За несколько часов до отъезда сидел в кафе. К нему подсели какой-то кутила, стал распрашивать о России. Куттила оказался шпионом, в Петербург он выехал вслед за Лопатиным.

В столице за Германом следили. 7 октября его схватили на Казанском мосту. Переодетые жандармы напали внезапно. Как ни силен был физически «русский молодец», а мигом оказался на извозчике, даже опомниться не успел. Начал звать на помощь, чтобы вызвать замешательство. На секунду вырвался, соскочил с пролетки, на него набросилось сразу несколько человек, чуть не сломали спинной хребет.

В жандармском управлении, еще раз улучив момент, он отбросил двоих державших его за руки шпиков, сбил с ног третьего, вытащил из кармана пальто несколько записок, скомкал их и бросил себе в рот. Тут ему так сдавили горло, что он потерял сознание.

На другой день министр внутренних дел представил царю письменный доклад о задержании Лопатина. Прочитав его, Александр III отреагировал резолюцией: «Надеюсь, что на этот раз он больше не уйдет».

А в Лондоне Элеонора Маркс, вспоминая о Лопатине, писала Лаврову:

«...Он провел со мной вечер своего отъезда из Лондона. Мы с ним долго говорили о нем и о делах, и я провожала его с тяжелым предчувствием. Уходя, он обнял меня и сказал: «На это раз уж действительно прощайте!».

Два с половиной года шли аресты и тянулось следствие по делу Лопатина. Тех, кто чем-то проявил себя, загоняли в одиночные тюремные камеры, а тех, кто только вошел в организацию и активности показать не успел, отправляли под надзор полиции. В мае 1887 года начался судебный процесс двадцати одного арестованного, пятнадцать из них, в том числе и Герман Александрович, были приговорены к смертной казни.

— Пощады я просить не желаю, — сказал в последнем слове Лопатин, — и уверен, что сумею умереть так же мужественно, как и жил... И вас самих, господа судьи военного суда, я не могу признать законными судьями моих дел. Вы — представители заинтересованной стороны, и не вам судить меня трезво и беспристрастно. Но я верю — и это моя единственная вера, уте-

шающая меня во все горькие минуты жизни, что над всеми нами, и над вами в том числе, есть суд высший, который произнесет со временем свой правдивый и честный приговор. Этот суд — история».

Но Германа и его товарищев не казнили. Царь повелел заточить их в Шлиссельбургскую крепость, обречь на медленную смерть. Да, на этот раз Лопатин не уйдет, Александр III не зря на это надеялся. В каменном мешке Лопатин просидел восемнадцать лет. Революция 1905 года вызволила его из заключения. Герман Александрович писал тогда:

«Ведь все мы — я и мои многочисленные друзья и единомышленники лагеря давно прошедших, стародавних лет — были когда-то подхвачены идеяным течением нашего времени, которое и несло нас вперед и вперед, пока не разбило по одиночке о встречные скалы... И только могучему стихийному движению столичного пролетариата и сельских масс удалось добиться в 1905 году частичного осуществления кое-каких из наших стремлений и вернуть к жизни тех из нас самих, которые не были еще убиты насмерть».

Почти двадцатилетнее пребывание в крепости основательно подорвало здоровье Лопатина. Но после поражения революции его почти совсем слепого и глухого старика хотели сослать в Восточную Сибирь. От этой кары Германа Александровича спасло, как сказано в казенной бумаге, временное расстройство этапных путей.

Оставшись на свободе, он жил за границей и в России. С 1913 года находился в доме престарелых писателей. И тяжело больной тянулся к тому, чем занимался всю жизнь — к общественной деятельности. Ничего существенного сделать он уже не мог. Сказывались и возраст, и плохое здоровье, и длительная оторванность от общества. Теперь это справедливо называют не виной, а бедой старого революционера.

Никто не имеет права умалить заслуг Лопатина перед русским народом. Его сорокалетие отмечалось еще при царском строе (13 января 1915 года). Со всех концов России поступали юбиляру поздравления. По собственному признанию Германа Александровича, его особенно взволновал адрес, присланный из тюрьмы социал-демократической (большевистской) фракцией IV Государственной Думы. Представители рабочего класса с чувством глубокой признательности отмечали, что в среде русских мыслителей, посвятивших себя изучению и разработке проблем социализма, он, Лопатин, один из первых обратил мысль рабочего движения к научным источникам европейского и международного социализма.

Настал бурный 1917 год. К этому времени здоровье Лопатина ухудшилось: прогрессировала болезнь глаз, окончательно потерялся слух. Но Герман Александрович выходил на улицу, чтобы в массе демонстрантов почувствовать победу революции...

Умер он в конце декабря 1918 года

Николай ФОТЬЕВ

ВЫСОКАЯ МЕРА

ОЧЕРК

Длинная окольная дорога в автобусе с частными заездами в попутные села, остановками в пути, да еще глубокой осенью, когда уже все пожухло и поблекло, может утомить. Однако такая дорога имеет и свою неоспоримую прелесть. Наслушаешься всякого, многое узнаешь и передумаешь.

Вот и мне выпала такая дорога. Впрочем, можно было лететь самолетом. Каких-то полчаса — и Тамбовка. В Тамбовку самолеты ходят по несколько раз в день. Ходят так часто потому, что на Зее идет шуга, паромы ушли в затон. Теперь оттуда в областной центр Благовещенск можно попасть только по воздуху, да вот окольным путем через железнодорожный мост на автобусе.

На сиденье рядом со мной вместо пассажира оказался чай-то большой сетчатый узел. Беседовать, значит, было не с кем; оставалось слушать да предаваться размышлениям.

Сразу за водительской кабиной сидела благообразная, широконькая старушка — Ивановна — в просторной фуфайке с длинными рукавами и спортивных брюках, поверх которых была еще и цветастая складчатая юбка. Напротив нее восседал мужчина в годах, худощавый и краснолицкий, явно навеселе. Громко, так чтоб все слышали, он хвалил Ивановну за то, что вырастила восемьных, работала по-стахановски и вот еще — невеста невестой! «Невеста» малость смущалась, поправляла юбку и, улыбчиво щурясь, слушала комплименты.

— А ведь ты, Ивановна, наверно, и дальше работать будешь? Не утерпишь?

— Да нет уж. Хватит мне. Что мне до се-мидесяти годов работать?

— Ну скотину, наверно, держать будешь?

— И скотину, ну ее, — махала рукой Ивановна. — Так, разве курочек да утей немногого. Кусать нынче есть чего...

Словом, разговоры были всякие. Конечно, про урожай, про доходы, про житьё-бытьё; и все удивлялись нынешней сое. Ведь это надо же! Своенравная она — дальше некуда. Сколько раз бывало: возьмут обязательство повыше, а она уродит так

себе. А нынче все наоборот. Сыпанула! Сколько люди живут на Амуре, не помнят, чтоб такой урожай был. Пятнадцать, восемнадцать, двадцать центнеров с гектара в круговую, повсеместно, со всех площадей! Кое у кого вдвое больше обязательства урожай-то вышел.

Что с ней стряслось такое? Даже опытные агрономы и ученые ломают голову. Объяснение пока одно: лето выдалось удачное. Много тепла, солнечной радиации, в пору цветения и налива было достаточно влаги. И неплохо нынче с сорняком боролись. Но ведь и раньше бывали такие годы, и такая же агротехника применялась. Нет, тут есть над чем подумать. Значит, двадцать и больше центнеров сои с гектара, о чем мечталось как о далеком будущем, это уже сегодня имеется. А вот удастся ли закрепиться на этом? Или опять придется сносить ее капризы. Ведь бывали годы, что и семена не возвращали. Интересно, что скажут районные агрономы? Что скажет директор совхоза «Партизан» Григорий Пантелеевич Котенко, с которым мне предстоит встреча?

Автобус тем временем подошел к мосту и стоит, выжидая, когда появится «окно» между поездами.

Последний автобус на Тамбовку — поздний. И теперь уже вечер. В небе стоит полная и ясная луна. Из автобуса хорошо видны арочные пролеты моста, высокие гранитные быки и вереницы огней на той стороне, где тоже образовалась длинная очередь машин. Внизу, по темной глади воды, серебристой накипью пльвет шуга.

В автобусе говорят про Зею. Какая она сминая нынче! Обмелела. Это потому, что идет наполнение Зейского моря. Вот уже два лета не топила Зея поля, как бывало. Если и дальше так — сколько удобной земли прибавится! Сколько добра!

В пойме Зеи начинается освоение новых земель. В пригородной зоне километров на пятьдесят вверх по правобережью объявлен заказник. Сопки, сосняки, дубравы, острова, озера — красивые здесь места! Заработал уже первый агрегат Зейской ГЭС, на оче-

реди другие. Какой поток энергии хлынет единую энергосистему Приамурья! Зея будет строить БАМ, толкать поезда, крутить драги, плавить металл, преобразовывать на городской лад амурские села.

Говорят и о погоде. Вторая половина но ября, а тепло, снег до сих пор не выпал. Не бывало и того, чтоб так рано все вызрело. Изменения какие-то происходят в погоде, а может, и в климате...

Не знаю, происходят или нет изменения в климате, а вот в жизни сельской — это точно. Очень даже заметно изменилось дело к лучшему, то есть и сравнив с тем что было когда-то, нельзя. Я сам был аграрником и как раз в те трудные годы. И переболел «болезнями роста», всеми проблемами и задачами. Да и сейчас кое-кто числится меня по ведомству аграрной публистики. И, конечно, я вспоминаю, что и как было.

Лет двадцать назад молодые люди моего поколения, заканчивая сельскохозяйственные институты и техникумы, надеялись лет этак за десять свои самые заветные задумки осуществить. То есть поднять на высший уровень и сельскохозяйственное производство, и сельскую жизнь. Кровь закипала от предчувствия свершений государственной важности. Ведь на селе столько работы! И были знания, государственное мышление, молодость, здоровье, стремление работать с полной отдачей. Надо только взяться, и да здравствует крутой подъем!

Отправляясь в села, мы, казалось, твердо разумели, что хорошо, что плохо, чему учить людей и от чего отваживаться. Надлежало покончить с обезличкой полей и ферм, устраниить кустарщину. Пресечь подмену специалистов-аграрников случайными наездими уполномоченными. Кое-кого надо было отучить залихватски командовать и приучить больше думать, изучать, советоваться, помогать друг другу и словом и делом. Покончить с кампанейщиной, с огульным внедрением того, что не отвечало местным условиям. Да мало ли!..

И вот минуло пять, а потом и десять лет... Кое-какие горячие головы постыли. Многие «горы» и «бугры», которые хотелось быстро сдвинуть, оставались пока на месте, либо были только чуть разворожены. Нет, не так-то просто было, не имея солидной материальной базы, преодолеть инерцию старых методов хозяйствования. Хотели того агрономы или нет, а приходилось им больше заниматься делами, не свойственными профилю: доставать, менять, выкапывать, комбинировать, в пожарном порядке спасать то одно, то другое. Из-за слабости материально-экономической базы не всегда можно было внедрить по-настоящему науку и опыт. Вот и плодились порою на этой почве всякого рода шумы и трески.

Некоторые специалисты-аграрники переквалифицировались — одни в соответствии с наклонностями, другие — без учета оных. Часть их ушла на заводы, на стройки, в проектные учреждения. И, как знать, впоследствии, может, это обернулось и положи-

тельной стороной. Ведь эти инженеры конструировали потом машины, необходимые на хлебной ниве и на фермах, они же создавали и создают проекты новых зданий для села, оборудование, отвечающие нынешним требованиям.

Обнаружилось, что упоминаемый в аграрных учебниках «фактор времени» — очень упрямая вещь. То есть и хотел бы, да не заставил хлебушко вызреть быстрой положенного срока, а телку сразу сделать коровой-рекордисткой. Так называемый деревенский консерватизм оказывался, в сущности, разумной осмотрительностью. Не имея достаточно проверенных и оправдавших себя новых методов, крестьянин придерживался пока что дедовской практики — не всегда был неправ. Ведь если с кондака «запороть» урожай, то весь год пропал бы даром. И государству — ничего, и тем, кто в поле работал. Так лучше семь раз отмерить, подождать да присмотреться.

На селе происходил своего рода отбор кадров, обретших современные знания и опыт, гражданскую зрелость и способность трезво оценивать существующие реалии. Забегая вперед, скажу, что многие из специалистов тех лет ныне являются руководителями крупных хозяйств, начальниками управлений, учеными, секретарями райкомов и обкомов партии.

Все это с учетом голосов «снизу», с учетом достижений науки, техники и управления позволило партии наметить надежные пути подъема сельского хозяйства и того коренного, невиданного по масштабам переустройства деревни, которое наблюдаем мы в последнее десятилетие.

Но когда-то... когда-то думалось, что все это произойдет быстрее и проще. Так думал и я. И потом, когда в настоящем объеме и виде обозначилась вся громадность и сложность еще нерешенных задач, было даже такое ощущение, что нескоро — ох, нескоро — еще произойдут желанные перемены! Когда еще станет все на селе, как надобно!

И тем удивительней и отрадней, что эти перемены, как бы сокрытые до поры до времени, вдруг обозначились повсеместно. И что ни год — все явственней, шире, значительнее. Количество опыта, партийного внимания, контакты науки и практики, возрастание экономической и технической мощи страны — все это количество перешло в совершенно новое качество. Теперь не успевашь даже следить за всеми сельскими событиями, за размахом строительства и нововведений, не успевашь осознавать всего. Промышленные животноводческие комплексы с заводской технологией, птицефабрики, межколхозные строительные организации, передвижные межколонны, сельские строительные тресты и проектные институты, межколхозная кооперация в производстве продукции, специализация и концентрация отраслей и производств, прогнозирующие лаборатории, мелиоративно-водное строительство, все возрастающий поток но-

вой техники, многомиллионные капиталовложения...

Но значит ли это, что уж все теперь ладно, все идет как по маслу? Нет, конечно. Строителям коммунизма всегда есть о чем подумать, о чем душой болеть, о чем споры вести. Конечно, многие жгучие некогда помехи и неувязки уже позади, но при таком широком и мощном наступлении, иногда они оказываются как бы в тылу и дают о себе знать с самой неожиданной стороны. А готовых рецептов их устранения нет. И потому это не всегда дешево обходится. Однако ж и запоминаться должно накрепко.

В наше время немыслимо вести те или иные широкие преобразования без подлинно научного обоснования и оснащения современной техникой, без всестороннего изучения объективных законов экономического, социального и духовного развития, в том числе и — глубоко перспективного.

Все это я еще раз окуну мыслями и увижу кое-что наизу, когда поживу в совхозе «Партизан», в Тамбовском районе.

Все двадцать пять лет, как хожу по амурской земле, ежегодно слышу, что в числе отличившихся хозяйств непременно числится совхоз «Партизан». А в иные трудные годы, пожалуй, только он один давал приличную прибыль. Ставили совхоз в пример другим. Хвалили. «Партизан» всегда стабильно шел впереди.

Чтобы представить, что такое нынешний совхоз «Партизан», приведу краткую социально-экономическую справку. Шесть отделений. Шестьсот семьдесят один двор. Рабочих — девяносто человек. Пашни — восемнадцать тысяч шестьсот гектаров, из них семь тысяч под зерновые отданы и семь тысяч двести — под сою. Остальное — кукуруза, тимофеевка, прочие кормовые, картофель и овощи. В хозяйстве за семь тысяч свиней и более пяти тысяч голов крупного рогатого скота.

Что касается энерговооруженности, то она составляет почти тридцать тысяч лошадиных сил. Заключены эти силы в 141 тракторе, 102 автомобилях, 63 зерновых и 20 силосных комбайнах, 490 электродвигателях. То есть на каждого рабочего здесь приходится по 33 «лошади». Добавим к этому пятьдесят собственных легковых машин, которыми располагают рабочие совхоза, а также другие мото- и электродвигатели личного пользования — и «лошадиные силы» значительно увеличиваются. Каждый рабочий совхоза «Партизан» в среднем за год выработал продукции в 1974 году на 8857 рублей, а в 1975 — на 10 026 рублей.

Чистая прибыль совхоза «Партизан» за девятое пятилетку (за вычетом затрат и вложений) достигла почти восьми миллионов рублей. При этом следует учесть, что 1972 год был неурожайным по сое, а 1973-й — по зерновым. Выдающийся ре-

зультат получен в последнем году пятилетки, когда хозяйство получило четыре миллиона рублей прибыли.

Совхоз давно работает на полном хозрасчете и достиг рентабельности. Здесь каждый рубль, вложенный в производство, не только окупается, но и приносит сверх того до семидесяти копеек. «Партизан» раньше всех хозяйств Тамбовского района выполнил пятилетку по всем показателям. Зерна, вместо плановых 20 100 тонн, продано 36 000. Сои, вместо 27 160 — 28 280 тонн, да еще 2500 тонн было отдано на семена нуждающимся хозяйствам.

За минувшее пятилетие совхоз «Партизан» затратил на капиталовложения более шести миллионов рублей, из них четыре миллиона триста тысяч рублей пошли на строительство. На центральном отделении в селе Раздольном воздвигнута целая улица домов городского типа. Положен асфальт. Построены Дом культуры, здания сельского Совета и управления совхоза, детский комбинат и комбинат бытового обслуживания, больница, несколько магазинов, гостиница, столовая. А недавно в Раздольном вступило в строй и самое большое здание села — школа-десятилетка на 640 учащихся. Теперь занятия здесь идут в одну смену и по кабинетной системе обучения. Страна же школа отдана под интернат.

В совхозе около ста пятидесяти человек интеллигентии, свыше трех десятков специалистов сельского хозяйства, из них одиннадцать человек — «доморощенные». И сейчас от совхоза в институте учится девять человек и три в техникуме.

Бессменным руководителем хозяйства вот уже тридцать шестой год является директор совхоза Григорий Пантелеевич Котенко — Герой Социалистического Труда.

Зачинался «Партизан», как и другие первые амурские совхозы, в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Некоторые тогдашние хозяйства, которым надлежало приобщить крестьян к новой жизни, к коллективному труду, охватывали много деревень и большие земельные площади. Помню, как Ефим Иванович Никитенко — один из первых организаторов амурских совхозов — рассказывал, что владения тогдашнего Завитинского совхоза простирались от Амура до города Завитинска. Больше ста верст в любую сторону. Сто пятьдесят тысяч гектаров пахотно-пригодной земли. Сейчас на этих землях размещается более десятка крупных хозяйств.

Побольше того, что сейчас имеется, было земель и у «Партизана». И то ли потому, что планы хозяйства не соответствовали тогдашним материальным возможностям, то ли не под силу было директорам поспевать всюду, но тасовали их, директоров, как карты в колоде. Так, что Григорий Пантелеевич в «Партизане» оказался далеко не первым директором, когда приехал в 1939 году на Амур. До него в хозяйстве успело смениться семь директоров, восьмой

находился под следствием и жил в совхозе, дав подписку о невыезде. И жаль было человека, и неловко как-то. Правда, впоследствии все у него обошлось.

Григорию Пантелеевичу в ту пору было

тридцать два года. Приехал он сюда с Украины, из Кировоградской области. Родился он и вырос в селе Онуфриевка, недалеко от Кременчуга. И шесть классов церковно-приходской школы там закончил, и в комсомол вступил. Отец его сапоги тачал и давал уроки сапожного дела деревенским подросткам. В год революции отец помер. У матери на руках осталось пятеро. Дали ей земельный надел, а в доме — единственный мужчина, которому десять лет отроду. Это и был Григорий Пантелейевич.

Рано пришлось ему постигнуть крестьянские работы. В четырнадцать лет он не только травы косил, но и хлеба. Кое-кто помнит и сейчас эти специально оборудованные под хлеб косы. Их называли еще «крюки». «Крюком косили». Слабых и неспортивных под такие «агрегаты» не ставили.

Учился Котенко и в ремесленном, столяром работал, краснодеревщиком. Начало его сознательной жизни связано с комсомольскими сходками, коллективизацией, ликвидацией неграмотности, упорным самообразованием, — работал он там, где было трудней, и делал то, что требовала свершившаяся революция. На самые ответственные работы ставили в ту пору комсомольцев. Таким образом, и Григорий Котенко оказался на ссыпном пункте, когда продразверстку заменили продналогом. Сам он так рассказывает об этом:

— Три ссыпных пункта было в нашей Онуфриевке. Стояли они вдоль шляха-большака, по которому в былье времена в Крым за солью ездили. Много там подвод ходило... Выйдешь на большак, останавливаешь подводы, хлеб смотришь. Предлагашь сдавать, торгуюсь. Про жизнь распрашивашь и потихоньку агитацию ведешь. Надо, мол, дорогие товарищи, сообща работать. Ну и разъяснения всякие даешь...

У Григория Котенко дела неплохо шли. Назначили его потом заместителем директора местного свиноводческого совхоза. Громадное хозяйство было, даже если судить по нынешним временам. Скажем, для отправки очередной партии свиней требовалась целый эшелон. С ним, конечно, сопровождающий от совхоза. В Харьков, в Полтаву, в Киев, в Москву отправляли такие поезда. Вот и Котенко так однажды поехал в Москву. Сдали свиней. Удачно, прибыльно. Захотелось Москву посмотреть. В главк зайти, поспрашивать, нельзя ли попасть на учебу.

Пришел, представился. Секретарша обрадовалась:

— О, вы уже приехали?! Быстро вы нашу телеграмму получили.

— Какую телеграмму?

— Как? Вы не знаете? Мы вам телеграмму посыпали. Вас назначают директором совхоза.

Явился к начальнику главка — Хромову. Просил сперва направить на учебу. Годами идут. Начальник — ни в какую. Поедешь на Украину директором совхоза «Жовтень». А учеба подождать может.

Все-таки добился Котенко своего — помог сам Нарком совхозов СССР П. П. Лобанов.

Школа, где учили будущих директоров совхозов, располагалась в Дубровицах, под Москвой. Трудно было с жильем. Потом нашли каморку и жили всей семьей — жена Евгения Алексеевна и дочка Тамара. Григорий Пантелейевич школу немного раньше положенных двух лет закончил. Как лучшему ученику, велели ему досрочно сдавать экзамены и отправляться на Дальний Восток.

Что ж? Надо, так надо. Все начинать заново даже интересно. Без всяких колебаний и сомнений поехал.

А о школе остались самые приятные воспоминания.

— Очень хорошо учили. Прекрасные были учителя!

Может, он немного и преувеличивает. Людям свойственно вспоминать дни молодости несколько восторженно.

Перед отправкой Григория Пантелейевича опять вызвали в Наркомат, спросили: не нуждается ли в чем? Попросил полушибок да валенки. Говорят, на Дальнем Востоке походней, чем в Подмосковье.

С легкими узлами, с женой да с семилетней дочкой Тамарой прибыл новый директор в Благовещенск. Была середина лета. Местные товарищи не очень-то приветливо встретили, должно быть, решили, что и «этот» долго не продержится. Отвели какой-то полусломанный пустой дом. Глины, мусору, кирпичи битых полно. Ну, взялись с женой, расчистили угол, пол помыли. Вот и ночлег, вот и жилье! Потом в Доме колхозника еще жили, пока проходили инструктаж да знакомство с инстанциями.

Спрашиваю, как выглядело тогда село Раздольное. Григорий Пантелейевич показывает рукой в одну, потом в другую сторону.

— Было два барака. Вот там и тут... Ну, бараки есть бараки. Сразу решили перестраивать жилье. У людей — семьи. И вообще, что за крестьянин без семьи? Надо, чтоб обживался человек, корни здесь пускал.

Бараки, несколько тракторов марки «Катерпиллер» да прицепных маломощных комбайнов, плуги, сеялки, кузня да фермы — на одной имелось 143 свиньи, на других несколько сотен рогатого скота. Вот и все, чем располагал тогда совхоз «Партизан».

Были и старожильческие дома и избы. Некоторые до сих пор стоят. Но они квартирной проблемы не решали, конечно. Надо было строить жилье, строить производственные помещения, воспитывать самих людей в соответствии с коллективными условиями труда. Ежегодно, даже в лихолетия войны, когда почти все здоровые мужчины на фронте были, совхоз сам заготовлял лес. По три тысячи кубометров, а то и больше.

Бедой первых амурских совхозов было то, что погибало из-за ливней много хлеба

и скота. Ни зерновых дворов, ни складского хозяйства не было, не имелось и коровников, кормов заготавливали мало, до весны не всегда хватало. Урожаи и тогда были неплохие. Ячмень, овес, пшеница на Амуре отлично росли, и новых да залежных земель тоже было в достатке. Убирать хлеб еще успевали, а вот вывозить его с поля, очищать, сушить не могли. Дороги были плохие, и транспорта не хватало, вороха хлеба под открытым небом лежали. От ма-ла до велика люди собирались спасать хлеб — ворошили его, лопатили, укрывали чем придется. Хлебные горы по несколько раз перебрасывали с места на место приходилось, а все равно сгорал хлебушко и в негодность приходил. Даже на корм не годился.

Конечно, искали потом виновных и наказывали.

Когда Григорий Пантелеевич приехал в совхоз, почти ни у кого не было сомнений, что и его ждет участь предыдущих директоров. На первых порах действительно пришлось хлебнуть всякого. Укрывали хлеб и соломой, и половой. Сутками не отпускали людей домой. И сам директор тут же. То есть ему-то больше других доставалось. Запомнилась Котенко эта осень, бессонная, на пределе сил человеческих.

— Поскольку хлеб — всему голова, — вспоминает Григорий Пантелеевич, — решили все дела подчинить именно хлебу. Хлеб сохранять в любую погоду. А как? По чердакам ссыпать? Никто не разрешил бы. Да и не выход это. Значит, надо строить навесы. А под навесами и зимой до ума можно хлеб доводить. Сначала — навесы, потом строить и склады...

Однако, легко сказать, строить. По утвержденной смете совхоза строительство зерновых навесов не предусматривалось. А раз так, то и денег для этого не было. Строить пришлось за счет других статей сметы.

В канун нового урожая на усадьбе совхоза был построен вместительный навес. Даже зерновой двор по тем временам. Теперь зерно от дождя было куда спрятать. А тут приехал директор зерноживтреста Я. Е. Бельман.

— Навес?! На какие средства?..

Шумел Яков Ефраимович, строжился. Вскоре приказ пришел: «За несоблюдение финансовой дисциплины, за использование средств не по назначению... строгий выговор».

А тут в Хабаровске краевое совещание по сельскому хозяйству собралось, делились соображениями, как лучше дело вести. Григорий Пантелеевич тоже попросил слова.

— Вот вы, товарищ секретарь крайкома, советуете строить навесы для спасения хлеба. Пусть даже временные, самые простые. Правильно! Но ведь как получается, дорогие товарищи. Построил я навес. Хороший навес. Стоит он неизмеримо дешевле того хлеба, который портится и пропадает. Сохраним мы теперь столько зерна, что

сможем потом и склады построить. А мне за это — строгий выговор.

— Как выговор? Какой выговор?

На пользу совхозу пошло это выступление директора. Да и директора других совхозов руку Котенко жали. Удачно, мол, приказик-то использовал. А то ведь что получалось...

Трудно поверить, но уже в первый год его директорства совхоз получил прибыль. Первую прибыль, небольшую — 29 тысяч 700 рублей. Но ведь до этого были только убытки.

Обозначена эта сумма одной из первых цифр, которые Григорий Пантелеевич аккуратно записывает в специальную книжку, которая ведется им и до сих пор. Каждый год в ней проставляет он главные показатели хозяйства. По одним только этим записям можно понять очень многое.

Следующие годы выдались не легче — война началась. Но и они приносили прибыль: в 1941 году около миллиона рублей, в 1942 — миллион триста пятьдесят тысяч. А другие совхозы долго еще считали убытки.

В первые годы люди диву давались, как это Котенко успевает везде, когда отыхает. Тут либо здоровье надо иметь железное, либо дело свое любить самозабвенно. А у Григория Пантелеевича, пожалуй, было и то и другое. Да еще — сознание важности того, что он тут делал. В ту пору он был крепким молодым человеком, пожалуй, с военной косточкой. Хотя военным-то он и не был. Просто был подтянут, аккуратен и точен. Дело и слово у него не расходятся.

Из теперешних воспоминаний, трудно, конечно, во всех деталях представить себе, что пережил и как поступал в тех или иных случаях директор. В общем-то работал. Много работал над тем, чтобы сплотить коллектив. И люди уважали его. К специалистам в совхозе было государственное отношение, они тоже в долгу не оставались.

— Людей надо ценить, — говорит Григорий Пантелеевич. — Уважать надо людей. А как же...

В совхозе «Партизан» всегда ценили атмосферу, тот настрой людей, которые сейчас называют «психологическим климатом» коллектива. Чем здоровее этот климат, тем лучше. И пример руководителя многое значит — коммунист Котенко это хорошо понимал.

Люди рассказывают, что он и столбы с плотниками ставил, и трактора с механизаторами ремонтировал, и технологию отлаживал, и пахал, и совхозом руководить успевал. Ну, а там, где надо, Григорий Пантелеевич, конечно, и одет соответственно и собран — для других пример. Вот так и приучал он людей работать, как положено.

Григорий Пантелеевич и в свои шестьдесят девять выглядит гораздо моложе своих лет. Он бодр, подвижен. И все тот же — быстрый и трезвый ум. Конечно, это вовсе не значит, что человек он неуязвимый.

Высшая мера внимания к людям и к де-

лу, самоотдача все же сказались: случился у него инфаркт... Дело было в городе, после совещания, в гостинице. В больнице уже диагноз поставили. Врачи сказали: теперь девятьдесятых выздоровления от вас зависит. И потом еще беречься да беречься надо. Отлежал, уберегся, поправился.

Ходить надо больше, ходить. Давно уж заметил это Григорий Пантелейевич: походиши в поле, дышать легче, бодрее себя чувствуешь. Вот и на курорте он все ходил да ходил. И это-то, может, более всего и помогло. Одному — одно, другому — другое. Григорию Пантелейевичу движение нужно, движение. Вот и теперь у него также стремительная походка человека, которого ждут интересные и неотложные дела.

Начинай с себя. Да не как-нибудь, а с высшей мерой во всем. Совершенствуясь, будь сам примером, прежде чем других учить, — говорит Котенок. — Докажи на деле слова свои.

Как-то надо было побыстрее картошку выкопать. Комбайнов картофельных еще не было. Шефов затребовать? Дорого шефы стране обходятся. Люди ведь тоже на работе, а тут из-за тебя должны бросать ее.

В одном месте — прибыль, в другом — убыток. А нельзя ли все-таки без шефской помощи обходиться, самим?

Посчитали, посоветовались. Решили: можно. Пятнадцать соток на двоих за день выкопать не так-то просто. Но директор сам всякие крестьянские работы на веку своем испробовал. А чтоб люди не сомневались, он решил, что лучше всего самому пример показать. И показал-таки. Закрыли все кабинеты, весь народ — в поле. И Григорий Пантелейевич вдвоем с Евгенией Алексеевной на заре еще на поле вышли.

— Не только выкопать картофель надо было, — вспоминает Григорий Пантелейевич, надо его собрать, в мешки ссыпать на машины погрузить и в хранилище отправить. Урожай не тот, что в поле, а тот, что в закромах. Ну, справились мы с Евгенией Алексеевной первые.

Он не говорит о том, что успевал еще за хозяйством досмотреть, подсказать, распорядиться.

Так же было на уборке свеклы, прополке кукурузы, на сенокосе. В былые времена сено вручную косили. Полгектара на человека. «Можно и гектар. Но тяжело. Тяжело, товарищи...» — сказал Григорий Пантелейевич — и взялся за косу.

Сейчас кое-кто посмеивается, когда ему рассказывают о «прорывах». Дескать, то от нужды было, от технической слабости. На этом далеко не уедешь. А директор и не собирался «долго ехать» на дедовской технике и такой вот организации труда. Просто, были такие моменты. Как в бою, когда все от примера командира зависит. Только так иной раз можно было и выгодные позиции занять и силенок накопить. Потом, как говорится, само пойдет. Деньги позябятся, техника, достаток. И пришло это, окучилось с лихвой, как говорится. Пришло и то, что называем мы теперь авторитетом

руководителя. Очень тесно переплетаются тут и высокие человеческие качества, и хозяйственная деловитость, и способность убедить, организовать, и специальные знания. Да еще, может быть, — обаяние, непосредственность. Есть и это у Григория Пантелейевича.

В совхозе много старожилов. И то, что их много, — тоже немаловажное доказательство стабильности в жизни совхоза. Никто почти не уехал из тех, кто вместе с директором начинал совхоз поднимать. Таких наберется целая бригада. Конечно, народ это уже пенсионный, заслуженный: Федор Никонорович Есипенко, Илья Павлович Исащенко, Андрей Иванович Каменев, Павел Дмитриевич Вильский, Яков Кононович Крошки, Михаил Николаевич Велькин, Федот Романович Просвирин, Степан Петрович Спицын, Вера Ивановна Халимонова, Мария Степановна Розвезева и многие другие. В свое время они были и бригадирами, и механизаторами. И еще они были той гвардией, которая и детей своих воспитала людьми хорошего закала и трудолюбия. В этом одна из причин того, что в «Партизане» практически никогда не стояла проблема удержания на селе молодежи. Материальные, культурные и бытовые условия здесь всегда были несколько лучше, чем в других хозяйствах. Зачем же от добра добро искать? Да и сами молодые люди, пока росли, учились и к работам приобщались, научились понимать, отчего богатеет совхоз, видят, как много прибавилось доброго за последние годы. Здесь часто слышишь: «У нас в «Партизане». У нас в Раздольном».

Вера Крамаренко, директорский секретарь, давно работает с Григорием Пантелейевичем. При нем выросла. Так вот она рассказывает:

— Вы знаете. К Григорию Пантелейевичу у нас все идут. Женились — идут. Новорожденный появился — идут. Другое что-нибудь — идут: посоветоваться, узнать, что скажет Григорий Пантелейевич. Он здесь всех наперечет знает — не только в лицо, но и пофамильно.

Кстати, благодаря ей я сделал такое открытие: у толкового директора толковый секретарь. Она не только знает все и всех, но и многое и смотрит как бы глазами директора. Вера Крамаренко даст вам любую справку и информацию, о каждом человеке расскажет многое любопытного.

Школа в «Партизане» теперь такая, какие строят в больших городах по последним проектам. Все в ней есть, заранее было предусмотрено и закуплено. Правда, двор еще хранит следы недавнего строительства. Обширная территория — целое хозяйство. Тут и стадион будет, и спортивные площадки, и мастерские, и деревьям есть где расти. Имеется серьезная производственная база с сельским уклоном, конечно. Совхоз выделил для школы три трактора. Один — новенький гусеничный и две «Бе-

ларуси» из подержанных. Есть у школы свой комбайн и навесной инвентарь. А земли — почти сто гектаров. В прошлом году сеяли гектаров тридцать зерновых да гектаров сорок сои. Вспахать поле помогал совхоз, а посев и уход ребята вели самостоятельно. Школьный участок нынче тоже взял отличный урожай. Например, сои получили по восемнадцать центнеров с гектара. В переводе на рубли — 468 рублей с каждого гектара. Деньги пошли на расширенное воспроизводство школьного хозяйства и на зарплату ребятам.

А сейчас старшеклассники после уроков «трактора гоняют». Практикуются вождении машин. Те, кто заканчивает десять классов, обязательно получают удостоверения на право вождения тракторов и автомобилей.

А ведь есть и другие суждения: «Нельзя, мол, школьников допускать к машинам. Как бы чего не вышло». А получается так: сначала ребят от поля отучат, а потом от села. Приобщение к сельскому труду и любовь к нему начинаются еще с непосредственного занятия им в школе, даже с игр в детском саду.

Ну, а дальше — настоящие машины, настоящая пашня. И все своими руками. Вот так в «Партизане» понимается это дело. То есть не просто уроки труда, что само по себе звучит как-то странно. «Уроки труда». Всего лишь — уроки... Труд был и останется основным условием совершенствования человеческой личности, человеческой жизни. И сопровождать он должен нормальную судьбу человеческую с детства и до скончания дней.

Раздельненская средняя школа — это еще один хороший якорь для молодых.

Не знаю, как другие, а я и мои друзья, очутившись в пору юности в городе на учебе, испытывали сильнейшую тоску по родным местам. И все нам дома казалось мицей да краше. От Бийска, где мы учились, до родных мест было более двухсот километров. Но ни одних каникул, ни одной возможности отпроситься домой мы не пропускали. В разумении практических и трезвых людей, наверно, было безрассудно по трескучим морозам, по весенней распутнице в такую даль пешком топать! Зато потом и дышалось лучше, и жилось, и училось.

И вот побывал дома. Дома! А зачем? Для чего? Да просто еще раз посмотреть на родных и знакомых, на все, что мило тебе и дорого. Просто постоять на крылечке в виде родной округи, соседних дворов и огородов. Просто повстречаться с земляками. Послушать, как весенние птахи в наших лесах заливаются, как петухи горланият. Поработать, поделать то, к чему смальства был приучен — дров попилить, огород покопать, за плужок подержаться, на пасеке посмотреть, как пчелы взяток несут, березового соку попить, порыбачить, в лапту потешиться с ребятами, на вечерки сходить, себя показать и других посмотреть... Да мало ли!

Да и после учебы все домой тянуло. И

если бы дома была та самая работа, которой учились, то, конечно, никуда бы не поехали, а тут бы и работали. Но жизнь складывалась так, что требовала передвижений. Бывало, проходишь мимо какой-нибудь деревенки сороковых годов, и, бог знает, отчего сожмется сердце. Столько долготерпения, столько ожидания, столько земного и материнского в ней! А у дороги на крылечке стоит женщина и смотрит, смотрит, пока проходишь мимо. Вот и у нее, наверно, сын или дочь где-то в другом месте работают, учатся, служат. Думала, свои, знакомые. Ах, нет...

Может, война и тягчайшие испытания, выпавшие на долю родины, отразились как-то, может, наша мальчишеская влюбленность поутратилась, уступив место другим чувствам и ценностям, но деревенская жизнь в нашем сознании стала казаться не такой привлекательной. Серо, мол, скучновато, однообразно.

А душа просила большего...

Сейчас, конечно, многое можно понять и оправдать. Но осознать во всей полноте то, что было с деревней, наверно, нельзя, как нельзя и непростительно забывать о нашей революции, о страданиях, подвигах и победах в Великой Отечественной войне... Много было сельских трудностей!

Григорий Пантелейевич в связи с этим говорил, что в «Партизане» как-то удалось избежать той остроты, с какой у соседей проявлялись сельские неурядицы. Много значило то, что сплотился коллектив, что совхоз работал рентабельно и рабочие имели хороший заработок.

При мне в экономическом отделе предварительно подсчитали, сколько придется механизаторам дополнительной оплаты. Так вот, помимо ежемесячного заработка рублей в двести и триста, в конце года они получат еще по четыре, по пять тысяч рублей. Получат потому, что сверх плана и обязательств сделано очень много. А то, что сделано «сверх» — это, по существу, дешевая продукция, очень выгодная и государству, и совхозу, и механизатору. Затраты были отпущены, скажем, на плановые двенадцать центнеров сои с гектара, а при тех же затратах получили двадцать центнеров! По совхозу дополнительно это составит миллионы рублей. Конечно, есть возможность поощрить людей, которые подарили хозяйству эти миллионы.

Деловой штаб совхоза — специалисты, начальники отделов, управляющие и бригадиры в «Партизане» подобрались и «отладились» вполне. Директор, куда бы он ни отлучился, может быть уверен, что дела будут идти заданным курсом. Деловой штаб — это в какой-то мере его директорская школа. Тридцать пять лет на одном месте не могли пройти, не оставив своего особого стиля работы и отношения к делу. Мне пришлось беседовать с секретарем парткома совхоза Анатолием Федоровичем Потемко, с главным агрономом Василием Федоровичем Зениным, с главным зоотехником Анатолием Ивановичем Кузнецовым,

с начальником экономического отдела Василием Максимовичем Давыдовым, с главным бухгалтером Павлом Исаковичем Исаченко. Заходил в сельский Совет, в библиотеку. Люди это — разные, с самостоятельными суждениями, непохожие один на другого. Случись в совхозе такая нужда, что потребуется новый директор, искать его не придется. Есть кому «поптаться» совхоз. И на отделениях тут народ крепкий, например, управляющий третьим отделением Петр Александрович Белоус. Те же самые дела, что на других отделениях вершатся, у Белоуса всегда с какой-нибудь полезной придумкой делаются. Помощники. Вот нынче убрали сою, солома в копнах лежит. Казалось, чего тут, подъезжай и скирдуй или на ферму солому свози. А Белоус рассудил иначе. Под соевой-то соломой на поле остается самая питательная часть — и недозревшие бобики, и зерно битое и шелуха. Почти готовый концентрат. Солому увозят, а половина обычно теряется. Организовали пенсионеров, те запасли пятьдесят тонн этого прекрасного корма. Теперь его запаривают и скармливают коровам. И вот результат: у Белоуса на отделении самый высокий надой в совхозе.

Есть хорошие заместители и продолжатели у Григория Пантелейевича. И это еще одно свидетельство его директорских, человеческих и партийных заслуг. Ведь каждый, кто умеет важное дело вершить, должен учить и воспитывать учеников, способных воспринять все лучшее и пойти дальше. И разве широко распространившееся теперь наставничество не преследует ту же цель.

В тот самый день, когда я приехал в совхоз, Григорий Пантелейевич ушел в отпуск; он никуда не поехал, а жил дома. Два дня я не решался докучать ему — в отпуске человек, совесть надо иметь. Однако же без него мне было не обойтись. Звоню на квартиру: извините, пожалуйста, но, понимаете, вот какое дело... Договорились, что завтра с утра он придет в контору, в свой кабинет.

И вот мы беседуем. Час, второй, третий... Оказывается, теперь-то как раз и поговорить. В другое время дела не дали бы. А меж тем звонят и звонят. Кто-то что-то докладывает, спрашивает совета. Директор советует и только на прощание полуслышу объясняет, что он, между прочим, в отпуске. «Но ты звони, если что. На квартиру звони. Я дома буду...»

Говорили мы, конечно, и про сою.

— Вот она какая нынче выдалась! — Григорий Пантелейевич взял с подоконника растение цвета дубленой шубы — очень кустистое, усыпанное бархатистыми стручками. — Сто шестьдесят бобов на одном стебле! Если в каждом взять по три зерна — сосчитайте сколько будет. Почти пятьсот зерен! Из одного зернышка!

Позже главный агроном Василий Федорович Зенин говорил мне, что, если бы на всем гектаре соя была такой, как экспо-

нат у директора, урожай составил бы не менее девяноста центнеров.

— Значит, может она у нас вот такой быть! В рядовом посеве. На поле! — как бы приглашал меня тоже подивиться Григорий Пантелейевич. — Значит, если поискать как следует, то можно до причин дойти, до условий, в которых она вот так-то произрастает. Создавай ей такие условия и — вот оно богатство!

Он рассказывает, что нынче даже на засоренном поле хорошую сою взяли. Правда, боронили ее. Боронили. Кое-кто сомневаться начал, дескать, повыдерем боронами-то все и расти будет нечему. А она — вот какая! Своего рода эксперимент получился. И удачный.

Когда-то строго наказывали, если кто-либо завышал нормы высеяния сои. И вместе с тем рекомендовалось боронить до и после всходов, чтоб сорняку ходу не было. И действительно так получалось, что потом расти было нечему. Сои брали мало, а сорняку к осени опять невпроворот. Потом все же восторжествовал здравый смысл, и высевать стали несколько больше, с расчетом и на потери при борьбе с сорняком. И потери компенсировались с лихвой.

О сое Григорий Пантелейевич мог бы, наверное, говорить часами. Соя — его надежда и любовь. Ведь если нынче взяли ее по 20,6 центнера с гектара на площади в 7200 гектаров, то это по государственной закупочной цене почти четыре миллиона рублей! А ведь нынче ее вон еще сколько сверх плана сдали! А сверхплановая продукция намного дороже оценивается. Так что соя совхозу дала миллионов пять с гаком. Конечно, и на семена осталось, и на другие нужды.

Совхоз «Партизан» прошлой осенью начал убирать сою в неслыханно ранние сроки. Шестого сентября! А обычно сою начинали убирать в конце сентября — начале октября. В зависимости от погоды уборка продолжалась иногда и до морозов. В валенках и полушибках комбайнеры работали. Помнят амурцы и такие годы, когда соя под снег уходила, и потом по ней либо скот гулял, либо дикие козы. После поздней уборки сои сколько невспаханной земли оставалось, бывало!

— А тут как получилось, — объяснял Григорий Пантелейевич. — Все время ведь ходишь, смотришь. И вот, вижу: на увалочке, соя зарыжела чего-то. Вроде бы даже лист опадать начал. Обошел я это поле, прощупал. Невероятно, но факт. Зерно подошло уже. И послали комбайн. Комбайнер плечами пожимает, дескать, что с вами стряслось? В эту пору сою убирать?! А ты, говорю, попробуй, поезжай...

Поехал комбайнер, обошел кружок и тут же — домой на всех парах. У всех на виду разгрузил полный бункер с®и.

Ну, тут уж не пришлось агитировать никого. Каждый заинтересован убрать сою побыстрей, да без потерь, да зять вспахать. Кто не спешил комбайны регулиро-

вать — взялись за это быстро. Начали выборочную жатву. Всю сою по теплу убрали, по хорошей погоде.

В «Партизане» сеют два сорта сои: «Смену» и «Триста десятый». «Смена» дней на десять раньше подходит. Пока ее убирают, где выборочно, где подряд, там и остальная соя, глядишь, вызрела.

Говорим о животноводстве. Совхоз и по этой отрасли пятилетку выполнил. Свиноводство, например, очень рентабельно стало. Говядина — тоже окупается. А вот с молоком поработать еще надо. Вроде и коровники неплохие, и механизация имеется, а дорого вато молоко обходится. Сейчас комплекс строится на четыреста коров. Ну и в смысле увеличения молочности стада подумать надо. От наших симменталов по три тысячи литров молока можно брать. А вот костромской, холмогорский скот получше будет...

В совхозе хороший зерновой двор, смотреть его ездят люди. Но прошлый год показал, что для наших урожаев он уже тесноват. Новая забота — реконструировать и расширить зерновой двор.

Стадион надо строить капитальный. Есть пока футбольное поле, да вот под хоккей лед готовится. Есть в совхозе специалист по физкультуре и спорту. Тренирует ребят, и раздольненские спортсмены призовые места занимали. Но при хорошем стадионе и настоящих спортивных сооружениях результаты будут еще лучше.

И тот березовый лес, что за падью, хотелось бы привести в культурное состояние. Гектаров сто там, парк будет, каких в области пока нет.

На отделениях строить еще много надо, чтобы там такие же удобства и культура были, как в Раздольном.

Газ, бытовые электроприборы и машины, конечно, в каждой семье имеются. Но вот пустят на полную мощность Зейскую ГЭС, и, как знать, может, газовые плиты на электрические печи заменить придется. Чище, удобнее.

Поговорили немного и о семье. Двое взрослых детей у них с Евгенией Алексеевной. Тамара, которой семь лет было, когда они на Амур приехали, и сын Виктор. Тамара в проектном институте в библиотеке работает, Виктор капитан теплохода. Есть внуки: Гриша, Марина, Женя. А сами они с Евгенией Алексеевной живут сейчас вдвоем в новой квартире. Правда, Григорий Пантелеевич и теперь не очень-то стремился улучшать себе бытовые условия. Но тут его почти что обязали. Пришлось переехать наконец-то.

Конечно, Григорий Пантелеевич мог бы еще девять лет назад уйти на пенсию. Но раз силы есть и голова работает, — зачем уходить? И в обкоме так считают. Если бы с делами, скажем, не управлялся? Так он тогда сам бы первым руки поднял: сдаюсь, товарищи. Все. А дела в «Партизане» с каждым годом лучше идут.

— Признаться, — говорит Котенко, — никогда не думал да и стараюсь не ду-

мать о пенсии. Гоню от себя такие мысли. Не могу представить себя без работы, без совхоза, без людей наших.

В чем секрет его неувядающей молодости, самоотдачи, работоспособности, человеческой увлеченности? Армянский классик Аветик Исаакян писал: «Мыслящие люди и в старости сохраняют молодость души...» По отношению к Григорию Пантелеевичу это справедливо, хотя слово «старость» как-то не подходит к нему.

Надо найти любимое дело, иначе вряд ли человек сделает что-нибудь значительное. Когда любишь свое дело, то и других заставишь понять и полюбить его. Любимое дело согрето творчеством и порождает творчество. Может, высшая мера, высшая сознательность идут от таланта? Конечно. Ведь когда человек занимается действительно любимым делом, то занимается с интересом, увлеченно, и как бы ни было трудно, а работа ему всегда в радость и удовольствие. Видимо, в этом смысле и содержание счастливой и значительной жизни.

Григорий Пантелеевич успехи совхоза объясняет просто: «Главное, что у нас очень замечательные люди. Замечательные».

Слушаешь его, и вроде бы ничего больше нет за душой у человека, кроме работы. Но на самом-то деле, конечно, не так. На одной встрече с литераторами Григорий Пантелеевич, как бы пошутивая над собой, признался, что и он когда-то стихи писал. Про хлеб, про поле, про жизнь, которую впереди видел...

Всегда с удовольствием и пользой слушаю специалистов. Пусть иногда эти люди бывают слишком категоричными и разные мнения высказывают, зато они, пожалуй, дальше других видят. И у каждого, кто потрудился на хлебной ниве не один год и вовсю занимается этим делом, есть какие-то наблюдения и открытия. В «Партизане» специалистов поощряют: «Действуйте, товарищи, проявляйтесь во всей полноте». Знаю по себе, как иной раз отвлекают разные бумаги, запросы, комиссии; Григорий Пантелеевич часто берет это на себя, высвобождая своим помощникам время для производственной работы, для научных экспериментов на полях. У главных совхозных специалистов на каждого по легковой машине. Сами же они и за рулем сидят, права имеют.

С совхозными агрономами говорим о зерновых. Ведь издавна славится амурская пшеница. В «Партизане» в прошлом году получили зерновых по двадцать пять центнеров с гектара. Себестоимость центнера зерна — шесть рублей двенадцать копеек (сои — восемь рублей восемьдесят копеек). Рентабельность растениеводства в 1975 году составила 155 процентов. Очень хороший показатель. Но совхозные агрономы считают, что это далеко еще не идеал, — с зерновыми еще работать да рабо-

тать надо. Теперь повысились цены и на овес и на ячмень, что должно стимулировать продвижение и этих культур. А родят они на наших землях, пожалуй, получше пшеницы. Наверняка могут быть сверхплантажные намолоты. А это — деньги. Зерновые по доходности начинают конкурировать с соей. Такого на Амуре еще не было.

Василий Максимович Давыдов — нынешний начальник планового отдела, а прежде главный агроном совхоза, человек большой практики и опыта, настойчиво воевал с бытовавшим некогда методом внесения минеральных удобрений вразброс. Удобрения сыплются сплошняком, куда надо и не надо. Известно, что под междурядьями куда больше земли остается, чем под рядками сои. И удобрения в той же дозе доставались сорняку. Сорняк — абориген, выносливый, цепкий. Да еще ему столько пищи подбрасывают! И он после прополки вновь прорастал и отрастал. Здравый смысл требовал давать для сои удобрения только в рядки. Главное, помочь ей сил быстрей набраться, обогнать и заглушить сорняк. А уж там соя начнет куститься, завоевывать место под солнцем. Так теперь и поступают в совхозе.

Агрономы отмечают, что если бы поле дважды занимать зерновыми, скажем, сначала пшеницей, потом — овсом, то после этого земля почти полностью очищается от сорняков. Зябь в этих случаях рannия получается, и меры борьбы с сорняком можно провести самые надежные. И соя, высевянная здесь на третий год, как правило, получается гораздо урожайней. Значит, и в этом направлении есть чего искать.

Был разговор и о семенах. Если бы удалось вывести такой сорт, чтобы от добрых доз азотистых удобрений хлеба не полегали, то амурские земли давали бы урожай не 20—30 центнеров, а может, вдвое больше. Сорта такие имеются, но они не подходят к нашим условиям. Вот и тут надо искать. Найти такие сорта, которые не полегали бы от больших доз органических удобрений; соя после них, конечно, давала бы высокие урожаи.

— Уверен, — говорил Василий Федорович Зенин, нынешний главный агроном совхоза, — что наши земли в их потенциальном плодородии не уступят украинским. Дело только за надежно районированными сортами. Спасибо Якову Михайловичу Одноконю. Его сорта изрядно подняли урожайность амурских пшениц. Но это, пожалуй, только начало. Надо дальше идти.

На районных сортоиспытательных участках проверяются ныне многие привозные сорта. Есть заманчивые результаты, и, как знать... может, в десятой пятилетке урожай в сорок центнеров будет и нам не в диковинку.

Яков Михайлович Одноконь давний амурский житель, агроном-селекционер. Всю жизнь выводил новые сорта пшениц. Несколько одноконевских сортов уже рабо-

тают. Есть кое-что и на подходе. Но сколько еще сортов надо до конца довести! Якову Михайловичу уже восьмой десяток идет, а вот преемников надежных что-то не видно. В сельхозинституте, где он преподает, много будущих агрономов. Только к селекции всерьез не тянутся никто. Наверно, для этого надо родиться или созреть. Вообще, не каждый рискует. Ведь только для одного сорта иной раз требуются годы, десятилетия труда, вся жизнь. А вдруг не выйдет?..

А меж тем речь идет об интенсификации сельского хозяйства Дальнего Востока, рентабельности производства хлеба и кормов, вовлечении в оборот новых земель, в том числе и в зоне БАМа.

В совхозе «Партизан», где, на первый взгляд, все уж распахано, площади под хлебами увеличиваются ежегодно. Во-первых, за счет мелиорации (осушения). Во-вторых, за счет устройства культурных пастбищ. И то и другое сулит немалые выгоды. Но если мелиорация — давний резерв, то культурные пастбища только начинают использоваться. Имея такие пастбища, совхоз может обеспечить дойное стадо, обходясь меньшими площадями кормовых угодий. А земли, которые высвободятся таким образом, могут быть распаханы. Резерв это — значительный. Поливных пастбищ на то же поголовье требуется втрое-четверо меньше. Конечно, сначала надо их отладить.

Мелиорация в совхозе уже сейчас окучивается, а культурные поливные пастбища — в стадии устройства. Почти готовыми можно считать двести шестьдесят гектаров.

Введение поливных пастбищ, где будут применяться и удобрения, и подкормки, и подсев многолетних трав, — дело здесь новое, требующее знаний и мастерства. К тому же и обходится оно дороговато. Но, потратившись раз, потом в течение многих лет можно заготавливать корма. Что касается средств, то совхоз «Партизан» вышел теперь на такой уровень, что может осуществлять научно-технические проекты, не прибегая к государственной дотации.

Анатолий Федорович Потемко, теперешний секретарь совхозного парткома, в прошлом — тракторист и комбайнер, шофер и комсомольский работник. Он закончил Хабаровскую высшую партийную школу.

По его мнению, для партийных работников села теперь настало самое интересное время. Происходят такие социально-экономические, научно-технические и нравственные события и сдвиги, что послевай только быть в курсе дела. А быть только в курсе — для партработника маловато. Надобно еще и предвидеть уметь, мыслить широко и перспективно. Это уже научная, исследовательская постановка вопроса. И, конечно, прежде всего она касается души человеческой.

Сейчас такие понятия, как «психологический климат», «душевный настрой», «сознательность», «заинтересованность», «творческий подход», «коллективизм» и «гражданственность» имеют, наверно, еще большее значение, чем когда-либо. А стало быть, и уровень партийной, идеологической работы возрастает и требует все более высокой меры. Нравственные потери, если их допустить, вообще не окупишь никакими деньгами. Разумеется, в каждом конкретном случае позиции наши должны быть вполне определенными и сильными. Ведь проходят эти позиции, этот невидимый фронт по самому центру человеческих душ.

Говорили мы с Анатолием Федоровичем насчет соревнования, каким оно должно быть. Тонкое это дело. Деликатное. Вот послушаешь, как иногда сухо и казненно говорят о нем. А люди, собственно, всегда живут в соревновании. Не хотят отстать друг от друга. Одни в одном, другие — в другом. Основа-то человеческой жизни — труд и, прежде всего, труд творческий, рождающий новое. И чем он благороднее, созидательнее, одухотвореннее, тем нужнее людям. Вот тут-то и лежит главное в соревновании, чему следует подчинить человеческие силы и возможности. На этом-то пути и надо помогать людям.

Нынешнее соревнование — это, прежде всего, состязание интеллекта, поисков, открытий. Потому-то и смущаешься, когда о нем толкуют заученно, бумажно, с холодной душой и холодными глазами. И, наоборот, всякий раз испытываешь радость и гордость, что «мы первые» сделали то-то и то-то. Добились прогресса, движения вперед. И то, что сегодня изобрел или открыл один, — завтра должно стать достоянием всех. Важно выяснить не только, что сделали, но и как сделали, с каким отношением, с какой мерой совести, грамотности, человечности, с каким уровнем знаний и творчества. Вот что стоит сегодня за каждым показателем. Что надо учесть, что взять в дальнейшую дорогу, от чего избавиться...

Словом, люди, люди, люди!

Секретарь парткома рассказывал мне о случае с переселением. Совхоз построил новую улицу. Сразу при въезде в Раздольное. Квартиры новые, место хорошее. «Улица Шаталова» (космонавт был гостем совхоза). Решили переселить на улицу Шаталова жителей второго отделения, что в селе Луговом. На отшибе сельцо стоит, непрекрасное, и нужды стоять ему там нет, собственно. Лучше, если народ (да и средства) сосредоточить в одном месте. Так это делается в последние годы повсеместно.

Собрали собрание. Мол, для вас специальную улицу построили. Молодежь — за переезд, старики — против. И поскольку стариков в Луговом больше, они верх взяли. «Не поедем никуда. Здесь жили, здесь и останемся». Понять их можно, конечно. Человек привыкает к месту, к дому, если

даже и ничем не примечательно это место. Торопить, неволить — не годилось. Подождали. И вот в Луговом люди сами приходят к мысли, что все-таки на отшибе они живут, переезжать надо в Раздольное. Там и Дом культуры, и кино каждый день, и автобусы ходят, и школа вон какая. Молодежь упрекает стариков, что сразу не поехали.

Выходит, что плод созрел. А это уже другое дело.

А был еще такой случай. Одна работница (хорошая работница) в открытую стала носить с фермы комбикорма для своих чушек. Управляющий собрал собрание. А что же она? «Носила, — говорит, — и носить буду, пока вы моих свиней не заберете или корму не продадите. Я ж за вами месяц хожу: заберите чушек или корму отпустите! Они же съедят меня. Как я могу смотреть, если животные мучаются?!»

Дело в том, что работница, собственно, хотела помочь государству. Людей ведь специально агитировали откармливать свиней, поощряли. А потом должны были закупить животных по государственной цене. А совхоз обязан был отпускать корм. А тут вот как вышло!..

Разобрались, конечно. Выписали корм, чтобы восстановить чушкам упитанность и — на приемный пункт. А ведь могли решить и по-другому.

Таких вот «мелких» и «крупных» дел немало. И не должны они проходить мимо ушей и сердца секретаря парткома, коммунистов. За всеми этими вопросами — люди с их судьбой и характером, с их радостью и неурядицами. И нельзя искусственно отделять одно от другого, приходится учитывать все комплексно. Жизнь состоит из очень многих вещей.

Мы об этом говорили с Анатолием Федоровичем, когда ездили с ним смотреть поля, поливные пастбища, недавно построенный пруд.

Места вокруг Раздольного просторные, открытые. Смотрелось все по-зимнему ус-покоенно, а ощущение свободы и раздолья не покидало меня. Вот ведь не зря село так названо «Раздольное».

Зимние степные пейзажи на зеебуренской равнине, на первый взгляд, однобразны. Поля, стога, дороги, села, перелески, кое-где пасутся лошади, которым теперь работы почти не осталось. Более всего заметны крупные березовые рощи. Я замечал, что с каждым годом они становятся выше. За годы войны рощи почти были вырублены — очень трудно тогда было с топливом. Потом они отросли и вот уже белеют, иные ростом метров в двадцать.

Снег в угасающем свете дня казался чуть фиолетовым. Впереди заставой высилась березовая роща, полная густой синевы и таинственных теней. Сквозь голые вершины ее просвечивал зябкий багрянец закатной зари.

Такая типичная зимняя, такая русская картина!

Теперь рощ стало побольше, а иные как бы возникли заново. То есть были до сих пор малозаметны.

В самом Раздольном тоже много лесных посадок. Иные уж совсем взрослые, должно быть, ровесники совхозу. Такова тополевая роща на въезде. Растет лесная рать и вдоль улиц. А несколько в стороне от центра, там, где раньше церквушка была, стоят кряжистые темные даурские березы, ровесники тех времен, когда еще и селений тут не было, а простирались далеко одни «амурские прерии» — так называли эти места первые землепроходцы.

Главной зоной отдыха раздольненцев станет то место, где пруд построен.

Строительство прудов в амурских степных хозяйствах — явление последних лет. На таких прудах, как в «Партизане», и лодочные станции будут, и песчаные пляжи, и рыболовные угодья. А вокруг прудов ежегодно будут высаживаться древесные породы. Со временем это будет парковая зона.

На одном из отделений совхоза несколько лет назад был построен небольшой пруд. Для пробы наловили и запустили туда карасиков. А через год ловили их на удочку.

И вот приходит мысль о рыбозаведении в наших хозяйствах. В амурской степи сотни, тысячи различных падей и падюшек, которые можно окультурить запрудами. Сейчас они пользы никакой не дают. А вот если провести культурное землеустройство, на их месте возникнут тысячи прудов с рыбой, с садами — со всем, что душу радует.

Пруды, собственно, заставляют строить и культурные запросы и хозяйствственные. Так, в воде нуждаются поливные пастбища и овощные плантации. В «Партизане» новый пруд разольется гектаров на пятьдесят-шестьдесят; кроме всего прочего, он предназначен также для снабжения водой культурного пастбища.

Раздольненский пруд — вполне гидротехническое сооружение. Имеется здесь и железобетонный водослив. В голове пруда устроен водозаборник для насосной станции, которая будет обеспечивать полив пастбища. В пруд подается вода из скважины. Да еще снеговые талые и дождевые воды добавятся.

Пруды. Насосные станции, лесопосадки, квадраты пастбищных загонок, обозначенные столбами и проволокой, десятки километров толстых труб, отсвечивающих цинком, пульты управления водой... Все это признаки землеустройства и землепользования, которое приходит в последнее время.

Возведение в Амурской степи животноводческих комплексов, промышленное и жилое строительство, обилие транспорта — это тоже признак последних лет, признак девятой и начала десятой пятилеток. Сюда отнесем и охрану природы, иное, чем прежде, отношение к ней.

В 1975 году, подъезжая к Раздольному, я дивился обилию скирд и стогов. Перед этим делом рук хлеборобских невольно испытываешь что-то вроде чувства зависти, малости своей и робости. Как заставили землю народить столько?! И когда успели все это осилить..

А нынче ожидают, что всего еще больше народится. Не само собой, конечно, а в содружестве с хлеборобами и по их воле. Вообще, нынешний год в совхозе по его «запевке» — небывалый, удивительный. И неспроста, говорят мои земляки, что в воздухе нынче пахнет золотыми звездами.

Иду по Раздольному, чтобы не с «коклес», а вот так, не спеша, еще раз осмотреть его. Странная улица, как и большинство старых улиц в амурских селах, идет вдоль склона пологого увала. Далеко протянулась. Новая — выше ее. Она теперь — главная, белокаменная, асфальтированная, с молодыми деревцами. По обе стороны улиц ровненький белый штакетник, охранивший древесные посадки. Есть под окнами и старый черемушник, и боярка, и дикое яблони.

В голове села, но поодаль от главных улиц, размещаются мастерские, гаражи, котельная, дизельные. Здесь круглые сутки стоит ровный глубинный какой-то гул.

На стыке главных улиц, за изгородью, в небольшом парке белый обелиск, с золочеными словами на его лицевой грани: «Вечная слава землякам, павшим за свободу и независимость нашей Родины!»

Тут же, но чуть в стороне, стоят два столба с перекладиной, на которой висит колокол. Он висит здесь не по забывчивости, а как памятник тех не очень-то далеких лет, когда сывал он народ по слуху опасностей и печали, радости и побед, а может, и просто на работу. Звучал он и тогда, когда призывал встать на отпор врагу. Колокол рядом с обелиском... «Как много дум наводит он!»

Сзади, на дороге, ревели автомобильные моторы, в мастерских глухо стучали дизеля, а за школьным двором взревывал трактор, который «гоняли» ребятишки, чтобы сдаться на права. По радио передавали последние известия. Падал снежок, подувала поземка, убеляя отдыхающие до весны поля.

Амурская область.

Карандин

ОЧЕРК

Снег начался в воскресенье утром. И продолжался больше суток. К утру все вокруг поселка межколонны окутал морозный туман. Видимость на дорогах сократилась до полусотни метров. Снег падал на талую еще, парящую землю, и образовался гололед. На улицах и наиболее напряженных трассах возникали «пробки». По знаменитой Амуро-Якутской магистрали в черте Тынды пять километров быстрее удавалось пройти пешком, чем проехать. Отменили движение рейсовых автобусов. И, несмотря на принятые меры предосторожности, в ГАИ все чаще поступали сообщения: на трассе Тында—Кувыкта перевернулся самосвал, две машины столкнулись в черте города, по дороге на Сивачкан свалился с откоса КрАЗ...

Карандин, вернувшись из карьера и забыв снять промокшую насквозь шапку, быстро ходил по небольшому кабинету. Как быть? Только позавчера дали слово, что подходы к мосту через Тынду будут готовы через пять дней. В расчет был принят каждый час работы самосвалов.

На людей начальник 94-й межколонны мог положиться как на себя. Но на дорогах, особенно на спусках в карьеры, — сплошной гололед. Подсыпка щебнем ничего не дает: он видел, как огромные колеса машин разбрасывают по сторонам камни и щебень. И вспомнилась ему давнишняя история: в самом начале стройки, когда работы велись на 32-м километре линии Бам—Тында, погиб на ледовой дороге, не справившись с управлением, Саша Дериглазов. До сих пор он не может понять, как это так: был человек — и нет его. И хотя вины руководителей в том не было, в душе он так и не простил себя: значит, что-то упустил, недоглядел, не все предусмотрел.

Карандин подошел к телефону, набрал нужный номер:

— Распорядитесь: все автомашины с трассы немедленно отправить в гараж. Двигаться только колоннами, максимальная скорость — десять километров.

И сел на стул, опустив голову. Надо было думать и думать, как избежать, кажется, неизбежного теперь срыва.

Карандин мысленно вернулся к тому дню, когда ему сообщили, что в 16 часов проводит планерку заместитель начальника ГлавБАМстроя В. Ф. Сакун. Место — мост через Тынду. Ох, уж этот мост! Мно-

гих нервов стоял он Карандину, да и не только ему. Межколонна досрочно отсыпала свой участок на подходе к реке. Но отстали соседи, и 94-й дали «довесок» — 30 тысяч кубометров. Работа шла по графику. Хуже обстояло дело с отсыпкой «конусов» — части полотна, непосредственно примыкающей к береговым опорам. Мостовики вести отсыпку не разрешали, искали предлог, чтобы свалить вину за это на кого угодно.

Карандин понимал беспокойство руководителей стройки: мост сдерживал укладку стальной колеи в западном направлении, хотя полотно было готово. Под угрозу ставилось выполнение социалистических обязательств всего центрального участка БАМа.

За час до планерки вместе с начальником производственного отдела Карандин был на мосту. Перемен особых здесь не произошло: вагончики, кран, железобетонные конструкции загромождали подъезды к «конусу» правого берега. Многометровой высоты насыпь перед мостом обрывом уходила к реке, где работали люди.

Подъезжали постепенно руководители других подразделений, обменивались мнениями. Собрались в кружок прямо на насыпь, с которой весь мост был как на ладони. Казалось, никто не замечал пронизывающего холодного ветра.

— Вы, я вижу, в основном уже договорились, — полуслыша, полусерьезно сказал Сакун. — Что я могу добавить? К пятому числу путекладчик должен быть на другом берегу реки. На вас вся стройка смотрит. Я не фокир, добавить вам ни людей, ни техники не могу. Так что решайте сами, что надо делать... Карандин, как с насыпью, с «конусом»?

— Насыпь будет закончена через два дня. «Конус» отсыпать не можем — мостовики не сдали опору.

— Опора сдана, и акт есть! — Главный инженер треста Мостострой-10 В. Н. Нагин из кармана полушубка достал какую-то бумагу. — Вот, до 488-й отметки сдано, и подписи стоят.

— Так это же уровень фундамента опоры! — сказал Карандин, внимательно рассматривая документы. Видимо, главный инженер рассчитывал, что другие не успеют вникнуть в детали.

— Хорошо, я сейчас даю вам разрешение на засыпку опор! Можете начинать!

Прошли считанные минуты, и рядом с насыпью зарокотал 250-сильный бульдозер. Расчищая дорогу, он спускался вниз, к основаниям опор.

Но тут к водителю бросился прораб мостовиков.

— Если здесь проложат дорогу, куда я кран поставлю? Как пролетные строения завезу? Это... — Он не находил слов от возмущения.

Карандин сказал Нагину:

— А объезд, чтобы пролеты вам подвезти, мы за одну ночь отсыплем. Неделю назад я им это предлагал.

Тем временем бульдозер делал свое дело. Прораб поспешно освобождал площадку.

Вспомнив эту историю, Карандин улыбнулся. Потом лицо его снова стало серьезным. «Перебросить комплекс Майбороды? Но тогда механизаторы не успеют подготовить насыпь до разъезда, куда к концу года должен прийти путеукладчик».

Несколько раз звонил телефон. Но, погрузившись в свои думы, Карандин не брал трубку: на звонки отвечала секретарь.

Неожиданно в кабинет вошла группа механизаторов. Люди только что вернулись с моста, пришли сообщить ему свое решение: шоферы и машинисты экскаваторов решили за сегодняшний день отработать в воскресенье. Так что акты на простоя из-за непогоды составлять не надо.

В глазах у Карандина замелькали веселые искорки. Сам он не мог предложить им такое решение. Воскресенье есть воскресенье... И все-таки это выход!

В воскресенье комплекс, занятый на отсыпке «конусов», в полном составе вышел на работу. И межколонна сдала объект в установленный срок.

На БАМе стала «типовой» такая история строительных подразделений. Вначале прибывают несколько руководителей и специалистов, подбирают аппарат управления. Следом поступает первая техника. Потом начинается набор рабочих, строительство временных жилых поселков. Так или почти так зарождались все строительно-монтажные поезда и само управление БАМстройпуть. Довольно редким исключением было прибытие межколонны № 94 в 1972 году, в суровые декабрьские холода. По автодороге на север от Сковородино одна за другую шли машины со всевозможным домашним скарбом, мебелью. В кабинах грузовиков сидели ребяташки.

— И куда они едут! — удивлялись кому-то уже привыкшие старожилы. — Сразу с семьями. Может, пообещал кто, что здесь жилье для всех уже построили.

Но механизаторам никто ничего не обещал. Кроме одного, что им будет доверено большое дело, что здесь нужны их рабочие руки, их опыт.

Приехала межколонна почти в полном составе — 106 человек. И в Тындинском вместо жилья предоставили им лишь от-

воеванное начальником место на высокой террасе, заросшей молодыми елями и лиственницами. Место это отвели под будущий поселок Горный.

Разместились кто где мог. Одни — в вагончиках, по несколько семей в «отсеке». Других приютили местные жители.

Механизаторы оказались незаурядными плотниками. Считанные дни требовались бригаде в пять-шесть человек, чтобы собрать щитовой дом, отдать его сухой штукатуркой, сложить печи. Через несколько месяцев улицы из таких домов потеснили тайгу. Одновременно строились и детский сад, и медпункт, и магазин, и гараж с механическим цехом. Постепенно освобождались квартиры гостепримных тындинских жителей. А межколонна, продолжая строиться, уже вела основные работы на трассе.

И так получилось, что и первая моя встреча в 1972 году, и последняя, через три года, встреча с Карандиным состоялись в детском саду. Точнее, в детских садах, потому что сейчас их в межколонне два. В 1972 году он с гордостью показывал мне, какие там светлые комнаты и сколько куплено игрушек ребяташкам. А в начале 1976 года был сдан еще один детский сад. Как и первый, сделан он любовно.

Кстати, ходят в садик и младшие дети Карандина, — голубоглазые, как и отец, близнецы Сережа и Саша. А в числе новоселов, которые в 1972 году со всем имуществом ехали в Тындинский, находилась и его семья: жена Мария Ивановна, дочери Нина и Лена; Саше и Сереже тогда едва минуло по годику.

— Я так считаю, — сказал мне как-то Карандин, — если человек на стройку с семьей едет, значит, серьезно решил, такой назад не повернет. Цено таких людей. А без семьи что за работник? Да и дома условий для отдыха у него нет. А там, глядишь, и нарушение дисциплины...

Создать семьям все условия для нормальной жизни — одна из его главных забот. Чтобы облегчить труд женщин, в первые же месяцы в межколонне была открыта прачечная для стирки спецодежды. Всего в километре от Горного находится школа, где учатся дети механизаторов; для их перевозки выделен специальный автобус. И яблоки в детсадах — тоже его забота.

— Будут люди обеспечены всем необходимым, план сам пойдет, — объяснял Карандин одному из своих коллег «секрет» успешной работы межколонны.

И с какой гордостью, с каким особым смыслом люди здесь говорят «наша межколонна», всей душой болеют они за ее дела.

Из чего складывается авторитет руководителя? Вопрос нелегкий, ответить на него непросто. Вот что рассказывает о Карандине Герой Социалистического Тру-

да, управляющий трестом БАМстроймеханизация Ф. В. Ходаковский:

— Я его хорошо знаю еще по дороге Хребтова—Усть-Илим. Он работал в межколонне № 8. Помнится, тогда управляющий трестом Георгий Николаевич Тимашев держал его на самых «пиковых» межах. Ни разу Карапдин не сказал, что тот или иной «невыгодный» участок он делать не будет. Делал все, что поручали, и делал в самые сжатые сроки. Его межколонна славится качеством отделки земляного полотна — работы трудоемкой, можно сказать, ювелирной. Карапдин в любом деле за творчество, деловитость и выдумку. И подчиненным это привил. За это его в пример другим ставили не раз. Но есть и такие, кто про Карапдина говорит: «Любимчик Тимашева, всегда поддержку получит». А как не помочь тому, кто всей душой за коллектив болеет, кто лучше всех технику использует и от самой сложной работы не отказывается!

Я слушал его рассказ, и вспомнился мне недавний разговор с одним из начальников межколонн. Тот сказал почти слово в слово: «Карапдину не то что нам, жить можно. Он — любимчик Ходаковского!»

Ходаковский предлагал Карапдину должность своего заместителя. Но тот не согласился.

— Люблю я с людьми работать, к межколонне привык, — мотивировал он свой отказ. — Да и отдача тут заметнее, видишь результат, знаешь «свои» километры. В тресте, конечно, размах пошире, да не по мне это дело.

Карапдин любит бывать в карьерах, где работают люди. Нет, пожалуй, такого дня, чтобы он не заехал п «горячие точки», где трудятся механизаторы. Это его стиль руководства. Стиль, пообще-то, не совсем обычный. По утрам он не проводит затяжных планерок. Люди сразу приступают к делу, а задания уточняются еще накануне. Оказывается, без утренних сидений обходиться вполне можно. Все знают, что с семи до десяти утра Карапдин на месте, если ситуация изменилась, можно посоветоваться. Ну, а если «терпит», то можно и отложить до приезда начальника на место.

У него один телефон. Утром обычно отвечает сам хозяин кабинета. Днем, когда он выезжает на объекты, — секретарь. Все остальное время суток звонок раздается в квартире: телефоны параллельны. Напрасно его не беспокоят. Ну, а по делу в любой час ему можно звонить. Работа такая.

И это не только отсыпанные кубометры грунта. Есть немало и других забот. Это и отопление домов, и строительство новых, и обеспечение поселка электроэнергий, и питание людей, и подвозка топлива, и работа клуба, и многое-многое другое. На БАМе каждое крупное подразделение имеет свой поселок, свое «хозяйство».

Утром Карапдин звонит на станцию:

— Межколонне-94 должны прислать дома. Можно людей на разгрузку направлять?

— Разбираемся...

— Когда разберетесь-то? Позарез дома нам нужны. Как только выясните, дайте знать.

Поток грузов, прибывающих на станцию, не прекращается ни днем ни ночью; подъездных путей пока не хватает, и Карапдин понимает, как трудно приходится работникам отдела временной эксплуатации.

Звонит заместитель начальника управления БАМстройпуть Г. М. Сороковиков, интересуется, когда будет засыпана труба на одном из тупиков, где началась укладка пути.

— Сейчас засыплем. Виновных накажу. Только и ты нас выручай. — Карапдин хитровато взглянул на зашедшего к нему главного механика Галуцкого. — Двигатель нам нужен для котельной. Моя разведка «донасит», есть у вас на складе. Через две недели верну. Отгрузили нам, да никак не дождемся.

Едва закончился разговор, снова звонок.

Несколько дней назад заселили новый щитовой дом, не дождаясь, пока подключат свет. И, конечно, люди правы, но не успевают электрики.

В дверях показался широкоплечий молодой мужчина в защитного цвета куртке. Это Владимир Майборода — руководитель первого в тресте механизированного комплекса.

— Невозможно больше так работать, — с ходу жалуется он. — Я сегодня во вторую смену выхожу, ребята настраго наказали, чтобы все вам доложил. Рабочие СМП не пилят деревья в карьерах, хотя это их дело. А взрывники вместе с грунтом валят лес, летят лиственницы с корнями прямо в забои. Бульдозером их не убераешь, склоны крутые...

Карапдин набирает номер телефона начальника СМП.

Не слишком ли много вопросов решает сам начальник? Вечером у нас зашел разговор об этом.

— Привычка, — сказал Карапдин, устало вздохнув. — Обычно в межколонне — человек сто пятьдесят, десятка три машин. Каждая в памяти была. Здесь, на БАМе, масштабы другие: сейчас у нас около четырехсот пятидесяти человек, 112 самосвалов, бульдозеров, экскаваторов и других машин. Только шоферов — 140 человек. Пытаюсь перестраиваться, но не так это просто...

Одна из сложностей в том, что очень часто меняются ближайшие помощники. За время работы в Тынде у него уже третий заместитель, второй главный инженер. Страйке крайне нужны опытные кадры, и бывшие его заместители — В. М. Мастраков, В. М. Гапенко, главный инженер Ю. И. Кузнецов — сейчас начальники межколонн. работают сами на равных. Так

что можно говорить уже и о школе Карандина.

Некоторые опасались, как пойдут дела в межколонне без Карандина: не на нем ли, мол, все держится. Опасения оказались напрасными. Настало время, ушел начальник в отпуск на целых два месяца. Но межколонна работала так же ритмично. Значит, удалось по-настоящему сплотить коллектив; каждый здесь хорошо знает и четко выполняет свои обязанности.

Комплекс Майбороды вел отсыпку полотна в западном — Чарском — направлении. Грунт механизаторы брали неподалеку от дороги. Не доехая до карьера, Карандин остановил машину, поднялся по крутым склонам сопки. Спичечными коробками показались ему экскаваторы на дне котлована. Один за другим подходили самосвалы. Комплекс работал как единый конвейер. Склон карьера был завален вырванными с корнями деревьями, и по мере того, как ковши выбирали грунт, деревья вместе со щебнем и кусками мерзлой глины скатывались вниз. Вот один экскаватор остановился, помощник машиниста побежал за бульдозером, чтобы убрать свалившуюся сверху лесину. И за какие-то минуты у карьера образовалась цепочка автомашин. «Неужели начальник СМП отделался только обещанием?»

Карандин пошел к машинам. Нет. До него донесся треск бензопил. Несколько человек валили на склонах сопки деревья, бульдозер сволакивал их в сторону. Значит, скоро обстановка нормализуется.

Его окружили шоферы.

— О подготовке карьера мне Майборода рассказал, да и сам теперь вижу, — Карандин оглядел лица водителей. — Что еще мешает вам работать? Какие будут просьбы?

— Обед холодный привезли, — вступил в разговор молодой парень.

Кажется, все было предусмотрено, и вот — жалоба.

Тем временем бульдозер ковшом уже зачерпнул грунт, и водители поспешили к машинам. А узик начальника межколонны направился в другой карьер на противоположном берегу реки Тынды. Здесь никто не тормозило работу. Карандин с удовольствием следил за четкими действиями машиниста.

К нему подошел паренек в ватной куртке.

— Здравствуйте, Александр Владимирович! — поздоровался он.

— А, Славка! Что не на месте? — Карандин кивнул в сторону экскаватора.

— Да вот на выезде из карьера куски грунта на дорогу нападали, мешают самосвалам. Убрать решил...

Разве год назад пошел бы Славка камни с дороги убирать? Вряд ли! А сейчас, когда о работе экскаваторщиков судят по общему результату, не выдержал помощник машиниста, решил помочь шоферам.

Не случайно в межколонне взялись за внедрение комплексов. Как было раньше? Скажем, шоферу, чтобы выполнить норму, надо сделать двадцать рейсов, Столько он и делал. У машиниста экскаватора — своя норма. Выработку учитывали специальные люди, каждый рейс отмечали. Случалось так: в три места съездит шофер, а загрузиться не может: экскаваторщики ремонтом заняты. Сейчас — другое дело. Стал экскаватор — все шоферы на помошь приходят. Здесь все учтено: на каждый экскаватор четыре-пять автомашин, у каждого шофера «свой» карьер. А оплата по общему аккордному наряду. И учет упростился, достаточно замерить отсыпанный объем. Главное же — люди ведут борьбу за достижение общего высокого результата.

Первым возглавил комплекс Владимир Григорьевич Майборода. А сейчас в межколонне уже четыре комплекса. Эта форма организации труда, родившаяся на магистрали века, полностью себя оправдывает. Выработка на экскаватор возросла в полтора раза, улучшилось и использование самосвалов.

— Ну, а сам-то как, так в помощниках всю жизнь и будешь ходить? — спросил Славку начальник межколонны. — Да тебе за три месяца все премудрости постичь можно!

Славка пожимает плечами: мол, сам все знаешь. Славка, можно сказать, родился в межколонне. За такими парнями у Карандина особый пригляд. Хлюпиков и нытиков среди них еще не встречалось. Логачев парень старательный, смыщеный. Но случилась с ним такая история. Отправили его год назад на курсы машинистов, а он через два месяца вернулся. Вместо диплома жену привез. Посмеялись в межколонне: что ж, мол, дело молодое. На том все и закончилось.

— Может, еще раз попробуешь? — говорит Карандин. — Расти тебе надо, Славка. Верю, получится из тебя машинист.

— Теперь один решать не могу, посоветоваться надо.

— Конечно, надо. О чем разговор... — соглашается Карандин. — Только ты поропорись...

С людьми работать Карандин может, хотя характер его уравновешенным никак не назовешь.

Слышал я о Карандине и такое: «Хитрый мужик, ему палец в рот не клади». И случай во время планерки на мосту, о котором рассказывалось выше, вроде бы был наглядным тому подтверждением. Но, думается, хитрость хитрости рознь. Если она идет на пользу общему делу, не лучше ли назвать ее смекалкой? И проявляется она у Карандина порой в неожиданных ситуациях. Потому, вероятно, и не боится он самой, казалось бы, «невыгодной», трудоемкой работы, что не идет проторенными путями.

Среди запасных частей к бульдозерам и экскаваторам долго лежала на террито-

рии гаража межколонны обычная якорная цепь с огромными звеньями. Как здесь оказалась она, от моря Тында далеко? Выяснилось, что цепь эту, когда межколонна переехала из Находки на БАМ, распорядился погрузить сам Карапдин. Не всем ясно было, зачем она нужна, но расположение выполнили.

А он уже тогда имел дальний прицел. Чтобы по-настоящему развернуть работы, нужно научиться вести отделку железнодорожного полотна в суровых условиях северной амурской зимы. Многие пассажиры поездов, наверное, обращали внимание на то, насколько правильную, строгую форму имеет железнодорожная насыпь, откосы ее — под определенным углом. И угол этот уточняется проектировщиками не случайно: если сделать склон положе — больше нужно отсыпать земли и гравия, увеличивается объем работ. Ну, а если насыпь сделать круче, она может не выдержать напряжения и разрушиться, оползти.

При строительстве дорог летом насыпь сверху обычно выравнивают бульдозером, а откосы — специальной грейдерной лопатой или с помощью других механизмов и приспособлений. А вот когда грунт смерзается, механизмы, как говорится, «не идут».

И вот однажды, когда насыпь сковали жестокие морозы, к немалому удивлению молодых механизаторов, якорную цепь, хранившуюся вместе с дефицитными запчастями, погрузили на автомашину и повезли на трассу. Специалисты межколонны с помощью нехитрых приспособлений прикрепили ее к бульдозеру так, чтобы, когда он шел по бровке насыпи, тяжеленные звенья волочились вдоль откоса. Они разбивали комья щебенки и грунта, выравнивая склон. С помощью якорной цепи, а потом для этой цели приспособили и отслужившие свой век гусеницы тракторов, межколонна отдала в прошлом году 48 километров насыпи, и это тоже способствовало досрочному открытию рабочего движения поездов на участке Бам—Тында. Кстати, такую работу в 40—50-градусные морозы не бралась выполнять ни одна межколонна. 94-я ведет ее круглый год. Причем даже специалисту почти невозможно отличить, где отделка насыпи велась летом, а где — зимой. Это только один пример того, как многолетний опыт, природная сметка помогают Карапдину выходить из самых трудных положений, позволяют упростить выполнение сложных работ.

Одной из таких работ является прокладка водоотводных канав-кюветов. В зимнее время ковш экскаватора не берет мерзлую землю; практически канавы копали только в короткие летние месяцы. Короткие потому, что к началу июня грунт здесь еще не весь оттаивает, а к середине сентября уже снова смерзается.

Пробовали проходить канавы взрывами, но не оправдал себя этот метод: канавам

нужен как и насыпи, определенный профиль. И порой мерзлый грунт приходилось долбить отбойными молотками. На адов этот труд Карапдин не мог спокойно смотреть: в век техники, почти сплошной механизации — и такое!

Но придумать долго ничего не мог. До тех пор пока не поступил в межколонну мощный экскаватор НД-1500 с обратной лопатой. Такому силачу под силу и мерзлота, только экскаватор не был приспособлен для столь тонкой работы, как проходка канав. И вот вместе с машинистом экскаватора Леонидом Родионовичем Басюком начальник межколонны ломал голову над тем, как полнее использовать механизм.

В теплое время года па отделке насыпи заняты в каждой бригаде грейдер и экскаватор НД-1500 после некоторого переоборудования с успехом заменил обе машины. Для проходки канав пришлось по собственным чертежам изготовить ковш-профиль, который закрепили на экскаваторе с помощью шарнира от подвески трактора «К-700». И вот экскаватор практически в состоянии оказался выполнять весь комплекс отделочных работ.

Вслед за 94-й новшество стали внедрять и в других межколоннах.

Вся жизнь Карапдина связана со строительством железных дорог. И, если бы он начал жизнь сначала, вряд ли выбрал другой путь. Хоть в свое время выбор мог оказаться случайным: не так уж много учебных заведений было в его родном городе — Конотопе. А уезжать на учебу в другой город он не хотел: надо было помогать родителям. И юноша Карапдин поступил в техникум Минтрансстроя, который окончил в 1955 году. Потом служба в армии — в железнодорожных войсках годы работы на целине, строительство железнодорожной линии Хребтовая—Усть-Илим, куда он прибыл в 1966 году. Для многих эта дорога явилась серьезным испытанием на зрелость. Карапдин это испытание выдержал. Заканчивал он стройку в должности начальника межколонны, которую затем направили в Находку строить подъездные пути к новому морскому порту. И вот теперь — БАМ.

В 1972 году, когда только начинали строить линию Бам—Тында, лишь немногие были посвящены в дальнейшие планы. Никто из механизаторов не догадывался, какой размах получит стройка всего через несколько лет. Магистраль, которую назовут стройкой века.

Но уже тогда интуиция помогла Карапдину верно сориентироваться. Он понимал, что вряд ли бы стали строить дорогу только до Тындинского — тогда маленького таежного поселка. И, когда ему предложили создавать базу межколонны на середине линии — на будущей станции Аносовская, — он наотрез отказался. И настоял-таки на своем: поселок межколонны.

заложили на склоне сопки на окраине Тынды.

Первые годы было трудно. Пришлось пойти на вахтовый метод работы: люди десять дней находились на трассе, а потом получали отдых. Дорога домой иногда отнимала до суток. На линии для людей были созданы все условия. Общежития комнатного типа, а не обычные холодные вагончики. Столовая, которая славилась на всей трассе БАМа. Баня. Ремонтная мастерская...

Но главные силы были брошены на строительство основного поселка. Время показало, что выбор Карандина был верным: теперь работы ведутся рядом с домом в районе Тынды, которая недавно стала городом. Отсыпка путей только на самой станции займет не один год. Благодаря тому, что межколонна избежала лишнего пересада, удалось создать все условия для нормальной жизни и отдыха, хотя поселок считается временным. Люди здесь живут в просторных светлых квартирах или благоустроенных общежитиях, да и свободное время им есть где провести с пользой для себя. И трудится коллектив хорошо: в 1975 году межколонна отсыпала свыше двух миллионов кубометров грунта, добившись в условиях БАМа небывалой выработки.

Чего греха таить, в Тындинском немало еще строительных подразделений, где бытовые неурядицы становятся чуть ли не главной причиной текучести кадров. Порой по несколько семей живут в одном вагончике, хотя сборно-щитовые дома лежат здесь же, их только собрать надо. Питание хорошее не везде налажено: и готовят невкусно, и очереди. Воду, и ту кое-где вовремя не подвозят.

Но трудности трудностям рознь. В 94-й межколонне делается все для того, чтобы искусственных трудностей было меньше, чтобы строителям жилось хорошо. Не столько зарплату, сколько бытовые условия, комфорт ценят сейчас люди. И начальник межколонны заботится о создании такого комфорта. Ну, а на трудности у него своя точка зрения.

— Как-то прочел я в одной из газет историю о том, как корреспондент оказался в автобусе, который забуксовал посреди ключа. Могот, — с улыбкой рассказывал Карандин. — И описывал корреспондент происшествие это так, будто его жизни опасность угрожала. А надо-то было всего-навсего бревно или пару жердей от берега к машине перебросить. Ну, может, одному человеку ноги замочить пришлось бы, так поселок рядом, километра до него не будет. У нас ситуации посеребренее бывают. Только ничего такого... героического люди в этом не видят. Они делают повседневное будничное дело, отсыпают свои километры БАМа.

С нескрываемой гордостью рассказывает Карандин о людях межколонны. О таких, как прораб Геннадий Владимирович Порожневский, мастер Ярослав Андреевич

Михайлевич, машинисты экскаваторов Михаил Николаевич Радков, Николай Кириллович Синкевич, Анатолий Иванович Павленко, Анатолий Николаевич Старбунов, шофер Владимир Григорьевич Майбодра. И при этом непременно напомнит, что почти все 106 человек, которые первыми с семьями приехали в Тынду, и по сей день работают в межколонне. Постоянные кадры — вот проблема проблем, решить которую особенно сложно в условиях, связанных с частыми перемещениями к новым местам работы. В «девяносто четвертой» сейчас такой проблемы нет.

Незаметно летит время. Старшая дочка уже десятилетку заканчивает. Сердце пошаливает. Это в сорок-то лет! Но об этом Карандин не любит распространяться: работа требует полной отдачи сил.

Казалось бы, должен быть доволен человек: два миллиона кубометров грунта отсыпали — это рубеж, который пока не под силу ни одной межколонне треста. За досрочный ввод линии Бам — Тында Карандин награжден орденом «Знак Почета» (своего первого ордена — ордена Трудового Красного Знамени — он был удостоен за строительство железной дороги Хребтовая—Усть-Илим). Но вот приходит новый день — и появляются новые заботы. Причем не только о своем коллективе печется он, хотя это для любого хозяйственного руководителя, наверное, главное. Об общем деле его думы.

Не в один конфликт, например, вступил Карандин с мостостроителями. Ведут они сооружение мостов, начиная со средних опор. Им так удобнее завозить бетон и конструкции. Но что в итоге получается? Облегчив свой труд, строители мостов забывают о качестве отсыпки полотна. И межколонны вынуждены участки насыпи непосредственно перед береговыми опорами отсыпать особо, после завершения основных работ. В итоге насыпь проседает неравномерно: подходы к мостам опускаются быстро. А это чревато тяжкими последствиями. Приходится потом брак исправлять, а в нем-то межколонна и не виновата.

Один писатель, побывавший на БАМе и не разобравшийся, в чем тут дело, обвинил Карандина в косности, в «нежелании отступить от привычного, встать на путь новаторский». Хотелось бы знать, поехал ли бы уважаемый автор по мосту, зная заранее, что перед заходом на него рельсы могут оказаться сантиметров на десять ниже, чем сам мост?! Карандин, если убежден в правоте, отстаивает свою точку зрения до конца, невзирая на авторитеты.

И если уж говорить о новаторстве, то одно из непременных условий его — улучшение, а не ухудшение качества работы, упрощение, но не нарушение (!) технологии. На вопрос, какова отличительная черта 94-й межколонны, многие в тресте отвечают одним словом: «Качество!» А до-

биться его, работая в суровых северных условиях, далеко не просто.

Не одну загадку изыскателям, проектировщикам и строителям загадала вечная мерзлота. И не все они пока решены. А вот на один из таких вопросов — как избежать осыпания откосов — помог найти ответ Карадин.

Известно, что откосы, чтобы летом они не «ползли», засевают травами. Их корневая система укрепляет откос. Но на вечной мерзлоте травы растут плохо. И Карадин предложил там, где насыпь особенно высокая, как, например, на подходе к Тындинскому мосту, укреплять откосы гравием и камнями. Тем более, что обычно высокая насыпь располагается рядом с выемками. И камня в таких местах более чем достаточно. Как показала эксплуатация линии Бам—Тында, новшество вполне себя оправдало. Благодаря его внедрению удалось не только надежно закрепить откосы, но и лучше сохранить вечную мерзлоту: зимой в пустотах между камнями задерживается холод, еще больше понижая температуру грунта, летом же эти пустоты препятствуют попаданию к основанию насыпи теплого воздуха как более легкого. Проектировщики учили этот опыт, внесли соответствующие изменения в документацию.

О сохранности окружающей среды на БАМе забота особыя. И не случайно: вечная мерзлота требует к себе уважительного отношения. Главное, над чем бьются проектировщики, — это максимально сохранить мерзлоту, добиться того, чтобы она как бы вклинивалась в тело насыпи, которая в таком случае не успеет оттаивать за короткое северное лето. Но добиться этого не просто: ведь стоит пройти бульдозеру или вездеходу, нарушить задерживающий тепло солнечных лучей моховой покров, как в этом месте грунт начнет оттаивать с каждым годом все больше и проседать, поскольку в нем до половины объема занимают кристаллы и линзы льда. Практически остановить такой процесс невозможно. Проходят годы — и на месте марей, где прошла техника, образуются озера. А это, в свою очередь, может повлечь за собой нарушение экологического равновесия. Но борьба за сбережение вечной мерзлоты принесет успех лишь тогда, когда в нее включается каждый строитель, каждый механизатор.

Сохранить вечную мерзлоту и тайгу, первозданную чистоту рек — сложная задача. Решить ее — почетный долг строителей БАМа перед грядущими поколениями.

Но, с другой стороны, люди ведь пришли сюда, чтобы преобразить этот таежный край, многое изменить здесь. А сделать это, не вступая в контакты с природой, — невозможно. Без просеки не может быть самой дороги, без раскорчеванных площадей — новых поселков и городов,

без карьеров — насыпи железнодорожного полотна.

Однако преображение края отнюдь не означает наступления на тайгу (как часто эта красавая фраза мелькает в газетных и журнальных очерках, в сообщениях киноконхроники!). Строить, не разрушая, а в союзе с природой — эта истина на деле не столь проста, как, на первый взгляд, кажется.

Всем ясно, что лучше, проще, дешевле, наконец, сберечь старые деревья, чем вырастить новые. Однако побывайте во временных поселках некоторых строительно-монтажных поездов управления БАМстройпуть — и увидите: лес здесь иногда бывает выкорчеван, хотя при сборке щитовых домов не работают ни мощные экскаваторы, ни башенные краны.

Иная картина в Горном. Здесь улицы как бы вписываются в сохранившиеся массивы сосны и лиственницы. Деревья окружают дома, дворовые постройки. И символично, наверное, что буквально в десяти метрах от дома, в котором живет Карадин, начинается нетронутый рукой человека лес. Я видел, как выбирал Александр Владимирович площадку под хоккейную коробку, которую залили зимой к радости всех ребятишек поселка. Слышал, как отчитывал он бульдозериста, проложившего колею рядом с насыпью. А что касается чистоты рек, то даже в сложных походных условиях, в каких работали механизаторы на первых километрах линии Бам—Тында, там была организована настоящая, по-городскому образцу, заправочная станция. «Ни капли горючего на землю!» — напутствовали водителей Карадин и Галуцкий.

Видел я и другое: прорабы, в том числе и 94-й межколонны, ищут и находят места для карьеров, чтобы сократить расстояние перевозки грунта. Не раз оно уменьшалось вдвое, а то и втрое. И, если при этом убиралась высохшая речная коса, не было в этом ничего страшного: важно, чтобы не засорялась вода. А косы во время паводков на дальневосточных реках исчезают и появляются новые сотнями. В районе Благовещенска, например, речники и строители уже многие десятилетия берут с островов и кос Зеи сотни тысяч кубометров чистейшего песка ежегодно, однако незаметно, чтобы это как-либо повлияло на устье реки: перекаты остаются на старых местах, плесы — тоже. А предприятия и стройки, избегая дальнего завоза, сбeregают миллионы рублей.

В Тынде же механизаторов обвинили в самовольной разработке карьеров. Да, инструкция была нарушена, но проектировщики, думается, согласились бы с предложением механизаторов (только на оформление документов ушло бы столько времени, что карьер в том месте уже не потребовался бы). Обычно внеплановые карьеры — это высохшие зимой острова и косы рек.

Джелтулакский райисполком, районная

организация общества охраны природы должны вести строжайший контроль за сохранностью окружающей среды, но с учетом того, действительно ли наносится урон природе. Так, в районе самой Тынды, в традиционных местах отдыха горожан вряд ли надо было допускать разработку действующих уже проектных карьеров, и тут никому не может быть оправдания.

Как, впрочем, и тому, что при сооружении линии Бам—Тында были вырублены не по-хозяйски деревья в месте, где железная дорога никогда не пройдет. И наказание за это никто не понес. А вот последний факт: работники треста Тында-трансстрой на 19—22-м километрах трассы к западу от Тынды снова проложили просеку раньше времени — до того, как изыскатели уточнили, где именно пойдет магистраль. Тысячи деревьев вырублены.

Все больше выявляется и случаев браконьерства в зоне БАМа: среди тысяч людей находятся и такие, кто думает только о сегодняшнем дне, а там — хоть трава не расти! Автору этих строк на будущей станции Дипкун показывали рога изюбра, дикого оленя, убитых без всяких лицензий. По данным областной охотинспекции, в 1975 году число только зарегистрированных случаев браконьерства в Джелтулакском, Зейском и Селемджинском районах Амурской области возросло в три раза.

Охранять от загрязнения горные речки, не вырубать до последнего дерева отведенную под поселок площадь. Не разжигать костры, не бросать горящие спички в лесу. Не убивать доверчивых в этих таежных местах красавцев изюбров. Вот где, наверное, должны проявлять настоящую принципиальность те, кому доверена охрана природы.

Я вовсе не за то, чтобы каждый начинял, где ему вздумается, разработку карь-

ера. Но, если это не нанесет прямого урона природе, если это позволяет экономить миллионы рублей государственных средств, тут нужен более конкретный подход.

Мощь одного лишь треста БАМстроймеханизация такова, что сейчас он может одновременно перевезти более десяти тысяч кубометров грунта, многие миллионы кубометров в год. А что такое сократить расстояние перевозки, скажем, вдвое? Вероятно, это каждому понятно. Тем более, что в выбранных ими самими карьерах механизаторы и строители даже в зимнее время во многих случаях ухищряются обходиться без взрывных работ. К сожалению, не доходят пока до мест соответствующие рекомендации ученых. Я имею в виду рекомендации конкретные, всесторонне обоснованные.

...Тысячи людей по зову партии приехали прокладывать Байкало-Амурскую магистраль. Приехали, зная, что нелегко им придется. И среди них — коммунист Александр Владимирович Карапин, человек горячего сердца, щедрой души. Опыт, житейская мудрость таких людей особенно нужны на Всесоюзной ударной комсомольской стройке. С межколонной связаны его прошлое, настоящее и будущее.

Как-то журналисты задали шоферу соседней с «девяносто четвертой» межколонни кавалеру ордена Ленина И. А. Требушевскому не совсем обычный вопрос: «Кто, на ваш взгляд, заслуживает высокой награды за досрочный ввод во временную эксплуатацию линии Бам—Тында?» Ждали, что тот назовет своих товарищей по работе. Ответ оказался неожиданным: «Карапин!». В этих словах рабочего — признание заслуг, признание авторитета человека, который нашел свое настоящее место в жизни.

Трасса Байкало-Амурской магистрали.

Остров Верхотурова

Далеко в море затерялся скалистый кусочек суши, окруженный причудливыми, точно башни, кекурами и рифами... Не на всякой карте его и сыщешь. Почти везде берега неприступные, диковатая трехсотметровая крутизна, отвесы. Море здесь редко бывает спокойным. Оно вечно бушует, шумит, как захмелевший буян... Ураганный ветер гонит без конца косматые волны и, с грохотом дробя их о камни, захлестывает берега. Погода тут не балует — даже летом редко проглядывает солнце и серое небо смыкается с морем. Хлещет косой дождь. А зимой порой заходит такая пурга, что наметает сугробы вровень с горами. Так и идет здесь жизнь, веками не меняясь, — молчат, думают остробокие утесы. И только по весне пустынные берега оживляются птичьими голосами.

Моряки недолюбливают этот негостепримный островок с предательскими рифами. Человек попадает сюда редко. Лишь рыбаки да зверобои иной раз бросают свой якорь на северо-западном берегу острова. Здесь единственная удобная для причала отмель.

Сюда, на эту отмель, и приземлился наш вертолет.

— Когда же вас забирать обратно? — поинтересовались летчики.

— Дней через пять. Островок небольшой, и за это время мы управимся. Заявка уже дана!

— Ладно! — Кабина захлопнулась, пропеллер бешено завертелся, вздымая тучи песка, и вертолет стал медленно подниматься. Потом как-то боком, точно краб, сделал прощальный вираж и улетел на базу в поселок Корф.

Остров Верхотурова, расположенный в Беринговом море, в юго-западной части залива Корф, невелик. Всего 12—14 километров в окружности. Там находятся пляжные лежбища, места расположения и летнего отдыха морских зверей — нерпы, сивучи и лахтака. Угодья здесь привольные, прибрежная вода кишит рыбой и нежными моллюсками. Есть где разгуляться. Да и люди мало беспокоят.

Кроме ластоногих, на острове Верхотурова водится песец. Когда и как он забрел сюда — никому неведомо. Вероятно, в зимнюю пору по льду с материка. Причем

зверь здесь совсем не пуганный. Совершенно не боясь людей, бродят песцы в драных летних шубках на взморье, приюхиваясь, чем бы поживиться, и подбирая всякую всячину. Но основной пищи песцов — мышевидных грызунов — на острове хоть отбавляй. Все пологие склоны гор, поросшие мохнатым колосняком и камнеломкой с листьями похожими на кактус, утыканы норками этих зверьков. Мышиная вышивка — стежки-дорожки — протянуты по всем направлениям.

И в довершение следует сказать, что здесь, на острове Верхотурова, находится самая глухая птичья провинция. Вся восточная и юго-восточная скалистые стороны острова, на протяжении пяти-шести километров — сплошной птичий базар. Пернатые любят встречать восходящее солнце. На западной стороне птиц значительно меньше.

Чайки, чайки-бакланы и многие другие морские птицы облюбовали этот клочок суши, обжили его и поделили по своему вкусу. Каждый карниз, каждый уступ на недоступной человеку отвесной скале, любая расщелина или кучка остробоких камней — все использовано и занято от низа до верха. Мириады птиц гнездятся здесь. По весне они прилетают к своей извечной резиденции, спешат навстречу нелегким родительским обязанностям. А поздней осенью, с ледоставом, покидают остров.

В часы отлива под скалами можно свободно пройти. Зрелище массы живых существ, сосчитать которых невозможно, всегда поражает. Издали все утесы пестры, как будто бы в пуху. Отдельные птицы неразличимы. Но вблизи... На недоступных человеку отвесных скалах, от самого подножия и до верха лепятся птицы. Черными и белыми пестринами усеяны ступенчатые утесы, вся поверхность моря и близкайшее воздушное пространство. Чайки-кайры, нарядные, с огромными клювами топорки и, конечно, бакланы. Точно бутылки из-под шампанского, стоят они, вытянувшись, истуканами по косогору. Эпическому спокойствию птиц можно позавидовать.

Я окликнул одного баклана. Он сразу же, будто старая дама, завихляя бедрами и, воздев ввысь свой крючковатый длинный клюв, уставился на меня. Голова вертится на длинной шее — горловой мешо-

На острове Верхотурова

Фото М. Останина

чек то вздувается, то опадает. Видимо, птица нервничает и решает мучительную задачу — взлететь или еще можно подождать! Крошечные глаза-буравчики у самого основания клюва. Грациозная несущность птицы поражала. Но я не любил пустой игры в гляделки и вскоре отошел. А баклан еще долго вертел узкой головой и смотрел мне вслед.

Чайки-моевки — самые миролюбивые птицы из всего сообщества. Самцы галантно кормят своих подруг, сидящих на яйцах. Но внешне они неразличимы — заметных признаков пола чайки не имеют. С восторженным криком встречает сидящая на гнезде птица свою пару и церемонно принимает угощение.

Глупее всех кайры. Вот они выстроились рядами, как на параде. Грубое раскатистое: арр! — проносится по рядам. Каждая насиживает только одно яйцо. Гнезд у кайр нет, и яйца кладутся прямо на камни. Конусовидная форма яйца удерживает его даже на покатом уступе. При насиживании кайра прижимает яйцо к телу, закрывая его с боков перьями. Снизу подсовывает лапки. Тем самым как бы компенсируется отсутствие подстилки на камнях. Но все же при резком движении птицы яйцо нередко падает вниз и шлепается с утеса. Везде вдоль подножия скал валяются зеленовато-пестрые скорлупки от яиц кайры, на камнях брызги желтка.

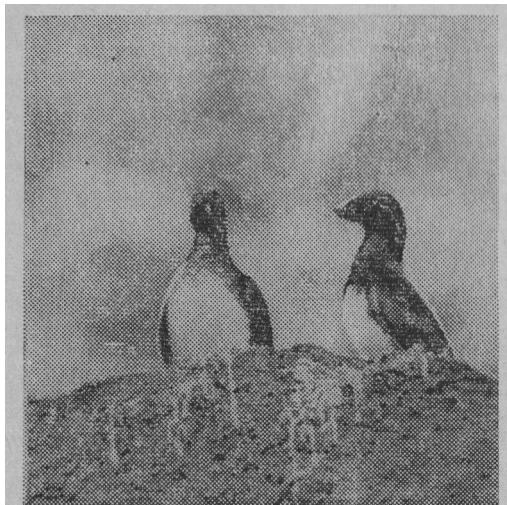
Большинство кайр при появлении человека смироно сидит на местах — позируют. Они довольно равнодушно относятся к вторжению в их обитель. Но некоторые птицы срываются вниз, падают прямо в море и, махая крыльшками, убегают по

воде — отводят. Но в часы отлива глупые кайры, как бы не видя ничего, падают грудью прямо на камни и разбиваются. Есть очередная поживка для песца.

Лучшие места гнездовья у топорков. Они роют норы в земле, под нависшей травой. Эти птицы не так беспечны, как легко-мысленные кайры, и строго охраняют свое драгоценное яйцо. А насчет слишком большого импозантного носа — природа здесь не скончала. Такое устройство клюва помогает птице прижать пойманную рыбку к нёбу, «про запас» и продолжать ловлю. Освобожденная нижняя челюсть позволяет топорку вновь схватывать очередную добычу. И потом... Попробуйте сунуть руку в нору, когда там хозяин или хозяйка! Оба вооружены достаточно, и вы сразу же убедитесь, что массивный клюв дан птице не только для украшения и ловли рыбы.

Как и все чистиковые птицы, топорок по фигуре — коротышка. Хвост у него куцый, и поэтому в полете рулить ему приходится лапками. Вот он идет на посадку, смешно растопырив лапки, разворачивается. Точно воздушные тормоза включил. Более мелкие чистики и белобрюшки, те предпочитают жить в щелях и россыпях камней. Тут же вблизи птичьего базара летают, выделывая арабески в воздухе, легкокрылые поморники. Эти морские пираты не очень-то совестливы и прямо на лету отирают у других птиц пойманную ими рыбку. Грабят также гнезда, пьют яйца и поедают птенцов.

Кроме того, тут постоянно скапливаются на линьку многие виды уток и куликов. Через остров пролегают их пути пролета. И, конечно, только море, с его неиссякае-

Белобрюшки

Фото А. Лилль

мыми запасами пищи, может прокормить всю эту алчущую массу птиц.

В наш стремительный XX век нетронутых земель остается все меньше и меньше. Но по целому ряду причин этот островок среди моря так и остался в стороне от проезжих дорог исследователей и, можно сказать, в зоологическом отношении совсем не изучен. Это следовало восполнить. Нам предстояло обследовать и описать все угодья острова Верхнотурова, привести научную инвентаризацию и учет численности его обитателей. Ведь после многолетней бесплановой добычи морского зверя, после «пушной лихорадки» и нашествия браконьерства ресурсы ластоногих и видовой состав царства пернатых сильно подорваны. На некоторых скалах, например, до сих пор еще сохранились остатки канатов и веревочных лестниц. Скалолазы собирали яйца.

Надо все заново, по-хозяйски учесть и подсчитать и после изучения вынести соответствующее решение. Дать рекомендации и указать методы рационального промысла, установить нормы добычи и, безусловно, регламентировать сроки охоты. То есть поставить все на научные рельсы по новым правилам охраны и промысла морских зверей. Может быть, некоторые виды зверей и птиц придется взять под строгую охрану и объявить их и очаги их обитания заповедниками. Ведь охрана животных означает, что попутно надо охранять и лес, и реку, и даже тундру, скалы, и тот участок моря, где эти виды птиц и зверей живут.

С этой целью мы сюда и прибыли — группа охотоведов Восточно-Сибирской охотовстроительной экспедиции из четырех человек.

— Так вот он какой океанище! Большой, серый, таинственный и что-то недобро шумит? А виды-то, виды!.. Места такие, что

хоть сразу на открытку и в миллионный тираж! — восторженно воскликнул наш самый юный член экспедиции, жизнерадостный студент-заочник Федя Бондаренко.

— Тут все есть: и экзотика, и лирика, и романтики вдоволь! — в тон ему добавил Анатолий Иванович Кривохижин, наш начальник отряда. — Но давай посмотрим на этот остров с другой стороны. Чем богат и чем порадует он нас?

В день нашего приезда море было на удивление тихое. Шаловливые волны, смеясь, шевелили прибрежную гальку. Пенистая бахрома оседала на песке. На берегу моря, где мы разбили лагерь и поставили палатку, в изобилии валяются железные и деревянные бочки, ящики и стеклянная посуда всех видов и марок. Много бутылок американских и японских, разноцветные поплавки всех калибров в формата, веревки, доски, кости кита — ребра, как бревна, черепа сивучей и много-много другого. Все, что ему неудобно, море выбрасывает на берег, и приплыло все это невесть откуда. Вот совсем свежий бамбук. Откуда он, из Японии, или, может быть, с Филиппин?

Разожгли костер. Деревья на острове не растут. Но в дровах недостатка нет. Плавника на берегу сколько угодно. Выпили чаю и приступили к работе. Первым делом из бочек и ящиков соорудили обеденный и рабочий столы. Ведь препарировать придется немало. Надо же сохранить добытый материал.

Далеко в море уходит каменистая гряда. По утрам, в часы отлива, все камни и рифы близ нашего лагеря обнажаются. И на них скопом укладываются погреть бока морские звери. Всюду, насколько видят глаз, лежат нерпы и белобрюхие лахтаки. Туловища поджарые, отвечающие своему назначению. Звери отдыхают. Некоторые забавляются и деловито предаются любовным утехам. В бинокль хорошо видно, как рабкий лахтак щекочет свою подругу карандашевидными усами. А она, опрокинувшись на спину, нежится и, повернув к нему круглую мордашку, ласково урчит.

Лахтаки предпочитают загорать на настоящем песчаном пляже или на мелкой гальке. Нерпа устраивается всегда на камнях — не подойдешь! С приливом ластоногие уплывают. Их шарообразные головы, точно усатые бакены, торчат из воды повсюду. Плотность меха ластоногих зверей велика, и подкожный жировой слой выручит. Им не страшна холодная океанская вода с температурой верхнего слоя не более плюс пяти градусов. Точно поплавки, держатся они на поверхности воды, отлично ныряют и ловят рыбу и даже спят на воде. Завалится на спину и дремлет. А море покачивает, баюкает.

Реакция у нерп и лахтака замедленная. Сначала зверь долго смотрит на приближающегося человека или лодку. Потом словно улыбается, растопырив усы, медленно шевелится и, судорожно махнув зад-

Кайры и трехпалые чайки-моевки

Фото автора

ними ластами, ныряет. Всплеск и нерпы нет.

До восьмидесяти лахтаков и три десятка нерп насчитали мы в первое же утро. Сейчас это уже опытные звери. Поплавав по морю, они набрались здравого смысла. А в марте, когда нерпа рожала их на плавучих льдинах, черноглазые зеленцы были так беспомощны.

Сивучи, те избрали для своего отдыха крупные камни на юго-восточной окраине острова. У подножия огромного, торчащего, как зуб великан, монолита громоздятся кучей их гигантские туши. Эти увалыны более осторожны, чем беспечные лахтаки, и подойти к ним на дистанцию, нужную для фотосъемки, даже с телеобъективом, не так просто. Сколько мы ни пытались — сивучи заблаговременно сползали с камней и под прицелом объектива, прибавив обороты, ретировались в спасительную глубину.

В тот же день простились с жизнью ради науки молодая акиба. Так называют кольчатую нерпу.

— Знатный будет ужин! — высказался всегда молчаливый четвертый участник экспедиции Арво. И он не ошибся — с приправой из дикого лука, а его на склоне горы целая плантация, мясо акибы хорошо. По вкусу оно мало отличалось от жесткой говядины. Ворванью не пахнет.

Когда мы разделялись на берегу нашу добычу, чайки собирались дружной толпой и прямо-таки ревели от радости. Еще бы — столько дармового угощения подвалило! Чуть мы отошли — пиршество началось и

продолжалось довольно долго. Прошел час, другой... Лениво плещутся ослабевшие на отмели волны, смывают следы проишествия, а оголтые чайки все вьются и выискивают остатки нерпы. И без умолку кричат:

— Йа, йа, йа! — вопит одна.

— Киити — эк! — возмущенно отвечает другая и тут же ловко выхватывает у своей соседки приглянувшийся ей кусочек мяса.

Вообще, трехпалья чайка, во множестве обитающая на островах Берингова моря, питается рыбой, раками и моллюсками. Есть и ягоды. Но при случае не брезгует и мясом. Хотя сама не хищничает, как ее соратья, другие более крупные чайки.

Погоде быстро надоело баловаться нас теплом и солнцем. Пошли дожди, затяжные, нудные. Но все-таки мы успели увидеть и узнать много нового, интересного. Собрали ценный материал. Провели учетные работы. Есть интересные находки, и с каждой из них связано многое. Оказывается, здесь водятся птицы, которые по литературным данным относятся к более южным районам страны и севернее Курил не встречаются. Это новость для науки. Без конца щелкали фотоаппараты, чтобы увековечить для себя и как фотодокумент осколок экзотики. В непогоду, обрабатывая материалы, мы переносили свою «лабораторию» в ближайшую пещеру, где и располагались у самого входа. Тепло, светло, и с потолка не каплет.

Улетели мы не через пять, а через десять дней. Первый вертолет, посланный на

остров, нас не нашел. Наконец снова появилась гигантская стрекоза. Вертолет смеяло пошел на посадку на нашу отмель и сел на то же самое место, где и высаживал нас. Старые знакомые. Обмен мнениями, удивление, шутки. Все быстро уложено, погружено, и мы в воздухе.

После далеких командировок люди обыч-

но привозят домой сувениры. Не изменили этому обычай и мы. Чучела диковинных морских птиц, отливающие перламутром раковины, крабы и прочий морской антураж стали экспонатами домашних музеев. Даже гигантский позвоночник кита захватили.

В. ЯХОНТОВ

В МЕДВЕЖЬЕМ СЕМЕЙСТВЕ

*В следующем номере журнала смотрите фотоочерк М. Жилина
о жизни семьи камчатских бурых медведей.*

А. К. КОНОПАЦКИЙ

Фото Р. Василевского

За первыми американцами

(о советско-американской экспедиции археологов в 1974 году
на Алеутские острова)

В октябре 1975 года в новосибирском Академгородке проходил симпозиум, на котором встретились ученые не только Советского Союза из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска и других городов Сибири и Дальнего Востока, но также Венгрии, США, Канады, Японии. Здесь были представители разных наук: археологи, антропологи, этнографы, геологи, палеонтологи. Но всех их объединяла одна проблема: древние связи культур Сибири и Америки.

Теперь уже общепризнано, что первый человек в Новый Свет пришел из Азии, так как в Америке не было условий для независимого происхождения человека, не было предков, от которых он мог бы произойти — человекообразных обезьян. И пришел из Азии в то время, когда еще Берингов пролив не был для него препятствием. На месте пролива существовал мост суши, который затем, около тринадцати тысяч лет назад, был затоплен морскими водами.

Выходцы из Азии и явились предками трех известных нам теперь коренных народов Америки: индейцев, алеутов, и эскимосов. Индейцы ушли на юг, вплоть до Огненной Земли, создали высокие цивилизации и культуры.

Алеуты и эскимосы приспособились к суровым условиям Северной Америки, Аляски и Алеутских островов. Но и они создали в результате этого приспособления к экологии Арктики свои собственные и оригинальные культуры: внутренконтинентальную культуру охотников и рыболовов в глубине страны и культуру морских зверобоев в прибрежной зоне и на островах. Каждая из них имеет свое лицо, свой неповторимый облик. У эскимосов одна культура, у алеутов — другая, хотя есть у них, как и в языке, общие черты. Так встал вопрос о времени разделения этих племен и, конечно, о месте, где такое разделение произошло: на Аляске? Или, быть может, еще на материке — родине обоих, в Азии, в Старом Свете?

Этим проблемам и был посвящен симпозиум: влияние среды на жизнь человека, на его облик, на деятельность организма; общие черты культур различных частей Тихоокеанского побережья и материка, связи и контакты между ними. В круг обсуждавшихся вопросов входили также проблемы животного мира Севера и взаимодействия человека с ним, влияние древнего человека на окружающую среду, способы и методы датирования археологических памятников и их надежность.

Симпозиум — мощное средство для разрешения больших научных проблем: встречаясь друг с другом, совместно обсуждая спорные проблемы, ученые разных стран и специальностей обмениваются друг с другом цennыми результатами еще неопубликованных работ, получают новые творческие стимулы.

Средоточием основных вопросов Новосибирского симпозиума 1975 года был, конечно, первый доклад академика А. П. Окладникова и профессора В. Лафлина. В центре его была древнейшая судьба алеутского племени и маленький островок в Алеутской гряде, который носит звучное имя «Анангула». Островок этот, затерянный в океане, — поблизости от него расположены один из самых больших островов Алеутской гряды Умнак — не привлекал внимания до недавнего времени, а теперь он известен всему ученному миру как место, где обнаружена ранее неизвестная и удивительная культура «пластин».

Анангула и ее культура привлекли пристальное внимание к себе не только ученых-археологов, антропологов, геологов, но и широкой общественности, в первую очередь — американской, в связи с первой в истории археологической науки совместной советско-американской экспедицией на Алеутские острова в 1974 году.

Она была организована по инициативе профессора Коннектикутского университета, руководителя лаборатории физической антропологии Вильяма Лафлина. Отве-

чая на вопросы журналистов (в США в 1974 году), в чем состояла необходимость приглашать русских ученых для совместных исследований в Америку и что это дает американцам, он сказал: «Советский Союз и США — это те две страны, на чьей территории появились и куда пришли предки современного коренного населения Америки. Советские археологи хорошо знают не только то, что делалось на их территории, но и в соседней Монголии несколько тысячелетий назад (Монголия считается родиной как монголоидного населения, так и предков коренного населения Америки), американские археологи хорошо знают материалы своей территории и мало знают о находках советских ученых. И, конечно, легче пригласить в Америку советских специалистов, экспертов в этой области для обмена информацией, чем пытаться перетащить в Америку пустыню Гоби для изучения».

Сама же идея такой экспедиции возникла у В. Лафлина и А. П. Окладникова в 1973 году, после проходившего в городе Хабаровске симпозиума «Берингийская суша» и после пребывания американских ученых в том же году в Институте истории, а Академгородке, где они познакомились с материалами, добытыми сибирскими археологами. «Теперь мы сами увидели, — сказал один из американских археологов, — что вам не приходится вести борьбу за существование нашей науки, как мы должны делать это у нас в стране. И, конечно, мы видим, как много вы достигли». Тогда-то профессор Лафлин и предложил: «А почему бы нам не продолжить вашу дискуссию на месте, например, на одном из Алеутских островов?» — «А что? В наше время это вполне возможно! Я и мои ученики готовы в любое время», — принял предложение директор Института истории академик А. П. Окладников.

Зима 1973 и весна 1974 годов были посвящены подготовке экспедиции. У нас подобные исследования финансирует государство. Но в США дело обстоит иначе. Именно поэтому много сил было потрачено профессором Лафлином на то, чтобы «сагитировать» несколько таких научных и общественных организаций, как Веннер-Гринский фонд, Национальный научный фонд и Алеутская корпорация, уговорить их выделить деньги для проведения совместных исследований учеными двух стран. И только после того, как финансовая сторона была подготовлена, В. Лафлин обратился к Президенту Национальной Академии США доктору Хендлеру с просьбой на основе межакадемического соглашения двух академий пригласить советских археологов.

И вот в 1974 году, впервые после прорычки в 1867 году Аляски и Алеутских островов Америке, — здесь появились советские ученые-археологи. На Анангуле их ждали лагерь экспедиции профессора Лафлина и готовый раскоп. Земля, не содержащая следов деятельности человека, была

убрана, оставалось очистить культурный слой от покрывающего его слоя вулканического пепла, а затем зачищать орудия, оставленные древними людьми. Анангула, островок длиной 1,5 километра и шириной до 400 метров, необитаем, за исключением того времени, когда здесь появляются археологи.

Однако па острове, покрытом густой, высокой травой, все же есть свое постоянное, разнородное и многочисленное «население». Прежде всего это кролики. Когда-то из Никольского завезли сюда пару кроликов, они быстро размножились, а затем и вообще одичали. И сейчас нельзя ходить по острову, не боясь либо провалиться в кроличью нору, либо наступить на одного из ее обитателей. Здесь же обитает множество птиц: красноносые паффины (топорки), которые рядами сидят на скалах, а затем вдруг все тучами плохаются в воду; гилемоуты и охотники за устрицами, различные ночные птицы. И, конечно, чайки. Зрелище это несравнимо ни с чем. Повсюду у берегов острова находятся тысячи чаечьих гнезд. Здесь они выводят птенцов. Их крики перекрывают шум прибоя даже в плохую погоду. Когда они особенно громко кричат, то ясно: либо идет человек, либо делят добычу. А может быть, одна решила полакомиться птенцом другой чайки. Чайки нахально избивают и гоняют двух живущих на острове орлов, глотают беззащитных кроликов. Именно глотают, как рыбу, что мы видели своими глазами, хотя сначала рассказам об этом как-то не верили.

Здесь летом много разных цветов, но особенно выделяются среди них голубые люпины. В хорошую погоду над ними кружатся, жужжат шмели. Поэтому в алеутском языке люпины называются «домом шмеля» (шмель — «анус — надах, люпин — «анус — надам — ула»).

Чем же привлек археологов этот остров, жить на котором, несмотря на всю его дикую красоту, не так-то легко? Ведь он открыт постоянным южным ветрам, на него обрушаются штормы, особенно зимние. В это время жители села Никольское видят, как всплески штормовых волн поднимаются выше в общем-то невысокой, около 14—18 метров средней части острова.

Именно на этом острове, и в этой невысокой части его и была обнаружена в 1938 году тогда еще студентом В. Лафлином, работавшим на Алеутских островах под руководством своего учителя профессора Алеша Хрдлички, загадочная, ранее неизвестная культура. Найдки эти, однако, были забыты на долгое время: надвигалась война. Только в 50-х годах Вильям Лафлин, теперь уже профессор, снова вернулся к старым находкам. Оказалось, что найденная им новая культура Анангулы, названная позже «культурой пластин», является древнейшей из известных сейчас культур Алеутских островов. До этого там были известны следы деятельности древних

алеутов, живших на островах три-четыре тысячи лет тому назад.

Но эта стоянка не была похожа ни на одну из известных ранее. Вместо тонко и изящно обработанных с двух сторон каменных орудий, в том числе шлифованных, здесь были найдены лишь односторонне обработанные пластины различных размеров. Среди них не было ни одного двусторонне обработанного орудия, напоминающего обычные для всей Америки клинки ножей, наконечники гарпунов или что-нибудь в этом роде. Появившийся вскоре метод радиоуглеродного датирования археологических памятников показал неожиданно глубокую древность стоянки, существовавшей в промежутке времени между 7800—8700 лет тому назад.

Над островом Умнак, почти вплотную к Анангугле, возвышается самый высокий из вулканов Алеутских островов (около 2 тысяч метров) — Всевидов. Сейчас он бездействует и покрыт снегом. Когда ветер разгоняет окружающие его облака, открывается поразительная картина. Прямо в море уходят склоны вулкана, выше видны красные полосы, застывшие реки лавы, выбегающие языками из-под снежной шапки. Примерно в сорока километрах от Всевидова находится еще один вулкан — Акмак, уникальный в своем роде. Диаметр кальдеры Акмака двенадцать километров! Он сейчас тоже бездействует, но по бокам его и внутри кратера попыхивают мелкие вулканчики. Эти два вулкана — Всевидов и Акмак не раз засыпали окрестности горячим пеплом и каменными бомбами. После одного из таких извержений прекратилась жизнь на стоянке «Анангугла блэйд Сайт», на «стоянке пластин». Вулканический пепел сохранил для археологов в нетривоженном состоянии следы деятельности древнего человека: каменные орудия, выбитые в плоских камнях жировые лампы, пятна красной охры и желтого лимонита, черные углистые прослойки — следы очагов. Нет только костей животных: из-за постоянной сырости не только дерево, но и кости не сохраняются. Что же могли дать для проблемы первых американцев эти культурные остатки, следы деятельности первых обитателей Алеутских островов, явившихся сюда сразу после того, как отложился ледниковый ил серого цвета, после того, как стаяли льды и начиналось уже затопление бывшей берингийской сушки, «Берингии»?

Многолетние работы советских археологов, в том числе вместе с монгольскими археологами на территории Центральной Азии — в Монголии, работы академика А. П. Окладникова и его учеников — дали наиболее полное представление о древнейших культурах этих территорий, позволили выявить их основные характерные черты. Тем важнее было сопоставить культуры этих областей Азии с наиболее ранними находками Американского континента: не удастся ли обнаружить общие для них черты? И, следовательно, обнаружить пред-

ков американского человека еще до переселения в Америку, на их родине.

В поисках «первых американцев» американские археологи предпринимали однажды, еще в 20-х годах, экспедицию в Монголию, в пустыню Гоби. С тех пор долгое время имелось только одно вещественное доказательство этой гипотезы: общий элемент, отмеченный как в Монголии, так и на Аляске, на знаменитой стоянке «Кампус-Сайт» («Университетская площадка») в городе Фербэнкс.

Это был характерный «гобийский нуклеус», то есть специально подготовленное каменное ядрище, с которого древний человек скальвал пластины, необходимые ему для дальнейшей работы. И вот советские археологи своими руками держат на Алеутских островах извлеченные ими же из земли орудия древнего человека.

В процессе почти непрерывных «рашин-дискашин» (русских дискуссий) были выявлены новые элементы, общие для Анангуглы и культуры Азиатского континента, новые доказательства азиатского происхождения этой культуры. Вместо одного их стало восемь.

Конечно, это только начало дальнейшей большой работы: не так-то просто обнаружить следы событий, происходивших и раньше и позже того времени, когда на Анангугле существовало поселение культуры пластин. Но это был уже важный шаг вперед. Завоеван новый плацдарм для продолжения поиска как на американской стороне, так и на азиатской части Берингова пролива. И многое яснее стала проблема происхождения алеутов и их культуры в целом.

Вторая проблема касается дальнейшей истории Алеутских островов, того места, которое занимает в ней удивительная культура пластин и ее носители.

Была ли эта культура предшественницей хорошо известных культур алеутов древностью три-четыре тысячи лет, выросла ли она из нее, или она исчезла бесследно, а алеуты пришли сюда позже? Вопрос не только академический. Он важен и в связи с современной жизнью аборигенов Соединенных Штатов. В 1971 году конгресс США принял закон, по которому коренные жители страны могут получить в свое распоряжение территории, когда-то принадлежавшие им. «Могут», но при условии, что они документально докажут свои права на них. В этом же 1971 году В. Лафлину пришлось быть «свидетелем», а вернее, истцом, защитником на слушании в Верховном Суде США дела по вопросу правомочности алеутов на владение Алеутскими островами. Четыре часа В. Лафлин выступал перед лицом судей, доказывая, что по крайней мере три-четыре тысячи лет эта территория являлась собственностю алеутов и что археологический материал наглядно подтверждает это. В течение двух часов он выдержал «перекрестный опрос», который должен был подтвердить, что не найдется другого народа, ко-

Раскопки на новом «деревенском поселении», на Вилледж-Сайт

торый бы заявил о своих правах на эти земли.

Алеуты формально признаны были собственниками части своих, Алеутских островов, создана «Алеутская корпорация», получившая только определенные суммы за использование части своих прежних территорий и монополию на владение ими.

Новым и неожиданным, но важным аргументом в пользу решения этого жизненно важного для алеутов вопроса об их правах на Алеутские острова явилось еще одно открытие на Анангule. О нем стоит рассказать особо.

После того как были закончены раскопки на поселении культуры пластиин, в том числе и на старом раскопе, где культурный слой был закрыт пластиком, оставалась еще неделя, которую можно было также использовать для раскопок. В. Лафлин предложил А. П. Окладникову «покопать» там, где ему захочется. Удобное для раскопок новое место было найдено при-

мерно в восьмистах метрах севернее основного раскопа, на крутом обрыве. По уровню это было несколько выше места прежних раскопок, и землю здесь можно было сбрасывать прямо в море.

Эта часть острова покрыта густой травой и буйной зарослью аконита. На тех местах, где раньше находились жилища поздних алеутов, виднелись неглубокие, но большие в диаметре западины. Еще выше, у подножия 180-метровой вершины, рядами располагалось несколько «умканов», своего рода курганов, коллективных погребений алеутов, огороженных от стекающих с сопки вод двумя дренажными канавами. Такие канавы расходились лучами из одной точки. Кстати, алеуты использовали голубые цветы аконита для изготовления яда, которым смазывали наконечники гарпунов во время охоты на морских животных.

В первый же день работы на новом месте были получены необычные находки.

Раньше археологи полагали, что на этом месте, на Вилледж-Сайт, «Деревенском поселении», алеуты появились не раньше двух-трех тысяч лет тому назад. Жилищные ямы неоднократно использовались ими в разное время, вплоть до начала нашего века, когда некоторые жители села Никольского все еще имели здесь свои хижины — «барабары». Они появлялись на острове, чтобы ловить рыбу, охотиться на морских животных и на паффинов, из шкурок которых шили верхнюю одежду — парки.

Сразу же под дерновым слоем залегали вперемежку кости животных и птиц, раздробленные панцири морских ежей, обломанные и цельные, каменные и костяные орудия. Но еще ниже, в самом нижнем слое, А. П. Окладниковым были обнаружены лежавшие рядом односторонне обработанная пластина, как будто принесенная со стоянки пластин, и двусторонне обработанный клинок, напоминающий те, которые были найдены на Камчатке около Ушковского озера Н. Н. Диковым. Затем в процессе раскопок нашли и другие односторонне обработанные пластины, а вместе с ними еще 26 двусторонне обработанных клинков.

Это и явилось тем «недостающим звеном», которое так было нужно Лафлину, чтобы восстановить общую цепь развития древних культур Алеутских островов.

Теперь уже с твердой уверенностью можно было сказать, что около девяти тысяч лет тому назад здесь появились именно предки алеутов и что древнейшая культура Анангулы, имеющая черты сходства с культурами Азиатского континента, была основой, на которой развились позднейшие культуры алеутов, и что этот процесс развития был непрерывным. О такой связи поздне-алеутской культуры с древнейшей — культурой пластин — свидетельствуют своеобразные самобытные черты поздне-алеутской жизни, уцелевшие до XX века.

До появления русских на Алеутских островах в середине XVIII века, алеуты не только не знали металла, но также и глиняной посуды. Отсутствие такой посуды справедливо считается доказательством раннего переселения человека на Алеутские острова с материка Азии. Когда древние переселенцы покинули Азиатский континент, там, очевидно, еще не была «изобретена» посуда из глины. В течение тысячелетий алеуты находились на докерамическом уровне, обходились одними плетеными из травы водонепроницаемыми корзинами.

Это редкостное мастерство было развито во все время существования культуры алеутов и дожило до наших дней. Повар нашей экспедиции, пятидесятилетняя алеутка Аксинья Крюкова собирала на острове и сушила траву одного вида, необходимую для плетения таких корзинок.

Теперь назначение плетенных корзин, конечно, изменилось. Они превратились в су-

вениры, да и мастерство их изготовления постепенно забывается.

В Никольском, по словам Аксиньи, только пять женщин умеют плести коробочки из травы. Они плетут удивительно тонкие и прочные корзинки-оправы для стеклянных бутылочек и пузырьков, притом иногда целыми наборами, они вставляются одна в другую наподобие наших русских матрешек. Такие плетенки украшают дома алеутов, являются своего рода национальной гордостью и знаком «богатства». Даже в самой маленькой коробочке, величиной с наперсток, между волокнами не найдется места, чтобы воткнуть тонкую иголку. Так древняя традиция времени первого появления алеутов не только пережила семь-восемь тысяч лет, но и послужила своего рода индикатором времени переселения предков алеутов на их современную родину.

Кроме чисто археологического интереса к древней культуре алеутов и к ее традициям нас, разумеется, не могли не интересовать и живые носители этой культуры — алеуты, те самые, пррапрадеды которых встретились некогда — еще в 1741 году с русскими и жили одной с ними жизнью тогданий «Русской Америки». Что все-таки осталось на Алеутских островах, на Умнаке и Уналашке, от нее, от этой «Русской Америки»?

Первое, что нам бросилось в глаза в пункте нашей остановки на Алеутских островах и Уналашке, было деревянное здание русской православной церкви, построенное еще Иннокентием Вениаминовым, выдающимся этнографом XIX века, миссионером и просветителем алеутов. Около церкви стоит двухэтажный жилой дом типично русской постройки, правда, давно заброшенный. И еще, что совсем необычно, растет несколько невысоких и корявых деревьев. Казалось бы, что тут необычного — деревья? Но на всем архипелаге, на Алеутах, кроме этих, деревьев больше нет. Как говорят с большим уважением жители Уналашки, посажены они были «отцом Вениаминовым» и потому так бережно сохраняются. Приехав на острова как миссионер, он сделал много полезного для алеутов. Научил их строить дома и работать с деревом, умываться и мыться в бане с паром, с каменкой, без которой современные алеуты уже не представляют себе жизни. Обучил их шить одежду и обувь на европейский манер.

Изучая алеутский язык, Вениаминов создал алеутский алфавит и письменность, описал грамматику алеутского языка, создал классические труды по этнографии алеутов. Была организована на островах и первая школа для алеутов.

До сих пор в церквях на Алеутах молятся на церковнославянском языке, на нем же выполнены надписи на иконах, ведется церковный календарь. Во время выступления А. П. Окладникова о деятельности И. Вениаминова в историческом обществе

Ученые в Уналашке. Слева направо — А. П. Деревянко, Р. С. Василевский, Б. Лафлин, А. П. Окладников, А. К. Конопацкий, В. Е. Ларичев

в Уналашке, в школе, в которой учатся дети алеутов, но не на родном, а на английском языке, к нему подошли две пожилые женщины. С удивлением и восторгом говорили они, что изучали жизнь и деятельность отца Вениамина, но никогда не ожидали, что здесь появится человек, родившийся на Верхней Лене и учившийся в школе в том самом селе, где родился И. Вениаминов. Им было приятно узнать от земляка выдающегося просветителя, что в деревне Анга до сих пор сохранился дом Вениамина.

Многое и многое другое свидетельствует о влиянии русских на культуру и быт алеутов. В их языке большую долю составляют трансформированные по-алеутски русские слова, обозначающие те предметы, которые стали известны алеутам лишь с приходом русских. Хлеб алеуты называют «клибах», нож — нусих, судно — суннох, коридор — колидор, клин — клинах, портрет — портретах, плита — плитах, окно — окушках, олады — ладик, ладиках, кошку — куска-маяга, кот — куска-малих, стол — столах, стул — стулах, стульчиках и т. д. Единственное, чего не могли мы обнаружить ни в русском, ни в английском языках — «чикуды». Так называла Аксинья маленькие булочки, которые она пекла специально для русских. И эти загадочные, но вкусные «чикуды» тоже были мерой того, как алеуты хотели выразить свою симпатию к русским!

Память о первых русских людях дошла в подробно запомнившейся и передавав-

шейся из поколения в поколение алеутами их устной истории, а также в таких словах «казаках» и «спагах» (шпага!). И уж конечно, вне всякого сомнения, предметом особой гордости алеутов является то, если кто-то из их предков был русским. От русских вместе с православной верой сохранили они и имена, и фамилии. Правда, произносятся они на английский манер, часто имя произносят в сокращенно-американском стиле: Джон, Билл, Дан, Лавира. Но ясно, что это Иваны, Василии, Данилы, наконец, Глафиры и Аграфены. Аграфенка — так зовут чудную девочку-алеутку, нашу приятельницу в Никольском на Умнаке.

Много среди них Душкиных и Крюковых. Есть Дьяконовы и Ермиловы, Безъязыковы и Черкашины, Плотниковы, Маклашовы, даже Суворовы.

Суворовы, Сергей и Агнесса, отмечали незадолго до появления советских археологов в Никольском свою золотую свадьбу. И едва мы успели войти в свое жилище в Никольском — в дом уже известной Аксиньи Крюковой, в гости к нам пожаловал Сергей Иванович.

Прямо с порога он сказал на чистом русском языке: «Здравствуйте! Как долетели? Как здоровье?» И вдруг закончил: «А водка есть?» Увидев наше смущение, сказал: «Приходите ко мне попить чаю, вот мой дом, рядом», — и показал в оконко на свой дом.

Здесь, в Никольском, мы стали не только свидетелями, но и участниками почти

Академик А. П. Окладников и повар экспедиции Аксинья Крюкова

первобытных отношений в процессе лова рыбы. Через село Никольское из пресного озера Умнак в Никольский залив впадает ручей, по которому осенью на нерест идет рыба отряда лососевых. Она похожа на кету, а зовут ее здесь «саймон». В штормовую погоду рыба, гуляющая в тихом заливе, подходит близко к берегу. Тогда-то и начинается лов.

В селе имеется три невода, и ловят по-очередно одним из них. Руководит всем «приказка» Дан Крюков. Приказка — тоже русское слово. Кому не известны по литературе приказчики в лавках! Такие обязанности и выполняет он в Никольском, кроме того, служит одновременно дьячком в церкви, почтмейстером, даже шерифом, поскольку другой власти в селе нет.

Лов рыбы идет так: невод завозят на лодке и дугой сбрасывают в залив. Люди на берегу берутся за веревки на концах невода и тянут его. Пойманную рыбу сортируют: с икрой — бросают опять в залив, чтобы позже она отнерестилась. Совсем мелкую тоже отпускают. Покрупнее дают собакам, а «стандартную» — делят.

Первым свою и, конечно, большую долю получает владелец невода, а оставшуюся часть делят поровну между остальными участниками. Мы тоже участвовали в ловле рыбы из интереса и «за компанию». Когда начался дележ, отошли в сторону.

Но Аксиня принесла в дом и подготовила к ужину рыбу, полученную и на нас. Те же, кто по каким-либо причинам не участвовал в лове, не получают ничего.

Иногда рыбу разделяют тут же, на берегу, если невод забрасывают несколько раз. И тут налетают с криком чайки! Для них начинается кровавое пиршество. Они дерутся, хотя уже сыты и не могут съесть больше. Когда одна чайка, взлетев, а затем камнем упав в воду, ныряет и достает кусок рыбы, на нее набрасываются другие, и кусок снова идет на дно.

Алеуты готовят рыбу на зиму, коптят ее, предварительно посолив. Но много приготовить не удается. Кризис наступил не только в энергетике. В США существует закон, запрещающий или ограничивающий лов лососевых, а то, что делается в Никольском, по существующему закону есть ни что иное, как коллективное браконьерство. Единственное обнадеживающим фактором является участие, и непосредственное, самого местного начальника, а со стороны сюда редко кто наезжает. Да и, выражаясь старой формулой, все понимают: «жить как-то надо!».

В Никольском увидели мы и еще одну достопримечательность. Рядом с церковью, но за забором, вне ограды, стоит небольшой домик, высотой около метра, без окон и дверей. Никто не знает точно, что под ним. Говорят, что здесь росло «дерево алеутского народа», единственное на островах, оно было срублено, но участники этого «дела» погибли. Все, кто пытался бросить камень или палку в сторону пня, страдали различными болезнями, усыханием рук. Даже дети не смеют во время игры бросать свои гарпуны или камни в

сторону таинственного домика. Так они и соседствуют: православная церковь и предмет языческого поклонения, своего рода фетиши, с которым связывают алеуты свое будущее.

Что же касается настоящего, то большой интерес представляют первые шаги Алеутской корпорации, о которой шла речь выше. Что она может реально сделать и чем будет заниматься — здесь еще много неясного. По положению корпорация должна, вернее, может заниматься организацией рыболовства; вопросы разработки природных богатств и промысла морских животных могут решаться только с ней. Это же относится и к геологическому изучению зоны островов. Корпорация занимается также вопросами культуры, здравоохранения, просвещения, возрождения национального языка и самосознания алеутов. Большинство из сотрудников корпорации — алеуты.

У корпорации есть даже своя «визитная карточка». Из левого нижнего в правый верхний угол протянулась на ней цепь Алеутских островов. В нижнем правом углу, в квадратике — Аляска.

Было бы, однако, преждевременно видеть в корпорации нечто, способное коренным образом изменить жизнь алеутов. Напротив, встречаясь с нашими друзьями и теми из американских коллег, которые сочувствуют алеутам и разделяют их заботы, мы могли наглядно убедиться в том, как в условиях капитализма самые добрые начинания лучших людей могут превратиться в свою противоположность. В мире доллара не может быть и речи об истинном прогрессе малых народов.

Одна из важнейших проблем, стоящих перед корпорацией, — жизненный уровень алеутов. Как-то мы задали вопрос В. Лафлину: что составляет богатство островов и каков бизнес алеутов?

«Богатство? — горько улыбнулся он. — Вот зеленая трава — все богатство. И бизнеса у них никакого нет. Есть несколько овечьих ранчо на островах, некоторые алеуты работают там. Некоторые заняты обслуживанием семей служащих военных баз, да еще работают на краболовных судах в Датч-Харбре. Да, может, еще когда-то туриста занесет на один из островов. Вот и весь бизнес!»

А еще труднее стало жить алеутам сейчас. Хотя на Аляске и строится знаменитый нефтепровод, но цены на нефтепродукты растут. И нужно учесть, что топливом для алеутов, живущих в маленьких дощатых домиках, является бензин. Кроме того, без моторной лодки рассчитывать на успешный лов рыбы не приходится. Можно представить, с каким волнением обсуждают алеуты очередное повышение цен, и, в первую очередь на бензин.

Что же касается прошлого, то по срав-

нению с остальными аборигенными племенами и народностями американского континента им повезло в том отношении, что они в критическое время своей истории встретились не с испанцами или белыми колонизаторами англо-саксонского происхождения, а с русскими. Правда, было немало и мрачных страниц, связанных с деятельностью отдельных авантюристов, искателей сокровищ, драгоценной пушнины.

Но, в целом, их судьба существенно, можно сказать, в корне отлична от судьбы других аборигенов Америки, истребленных европейскими конкистадорами почти полностью. Их судьба ближе к судьбе народов Сибири, вошедших в состав русского государства.

Соприкосновение с русскими, с русской культурой вывело алеутов из каменного века и в то же время сохранило их самобытность, язык, культуру. Может быть, поэтому, когда мы были в гостях у Глафиры (первой красавицы в Никольском) и Джона Душкиных, в показанном нам молитвеннике, изданном в 1943 году и подаренном отцу Джона епископом Аляски, А. П. Окладникова нашел следующие слова: «Еще господу помолимся за страну Российскую, за страну сию и президента ея».

То есть, вначале — за Россию, затем за США, а уже затем — за президента.

И это не фольклорный сюжет, а исторически засвидетельствованная правда. Когда Аляска была продана царским правительством Америке, то алеуты, писали неоднократно, чтобы их не отдавали американцам. Они долго с тоской смотрели в ту сторону, куда скрылись, последние русские корабли.

В постоянном дружественном и теплом отношении к советским ученым чувствовались как глубокий интерес алеутов к своему прошлому, так и расположительность, доброжелательность к нам, русским.

Покидая Соединенные Штаты, мы увозили с собой не только бесценные реликвии — каменные орудия, подаренные Институту истории, филологии и философии СО АН СССР Университетом Коннектикута, но и глубокую удовлетворенность проведенными совместно с американскими учеными исследованиями, приятные воспоминания о времени, прожитом вместе с нашими коллегами на необитаемом острове Анангуле, о встречах на Умнаке с гостеприимными алеутами, потомками первых американцев, которые изначально все-таки «были сибиряками», вышли из Сибири.

Кстати, именно так: «Человек пришел из Сибири» называются две книги нашего руководителя в экспедиции 1974. года академика А. П. Окладникова, изданные в 1975 году на немецком языке в Федеративной Республике Германии и в Токио — на японском.

Глазами А. П. Чехова

Прошло 85 лет со времени поездки на Дальний Восток Антона Павловича Чехова. Сейчас уже всесторонне описаны путь Чехова через Сибирь и Дальний Восток и пребывание его на каторжном острове, исследование творческая история его книги «Остров Сахалин» и очерков «По Сибири».

Известно, что Антон Павлович пробыл на Сахалине три месяца. За это время писатель прошел его весь с севера на юг и сделал поголовную перепись всему каторжному населению. Не было таких рудников, такой казармы, тюрьмы или избы, в которой он не побывал бы. С величайшим вниманием и сочувствием знакомился он с жизнью ссыльных и их нуждами.

С Сахалина Чехов привез с собой несколько фотографий, связанных с пребыванием на острове. Впоследствии сахалинский знакомый Чехова Даниил Александрович Булгаревич выслал писателю еще несколько десятков снимков, в частности, виды Сахалина, выполненные местным фотографом, чиновником почтово-телефрафной конторы в Александровске П. И. Павловским. К сожалению, ни в изданиях книги «Остров Сахалин», ни в работах, посвященных дальневосточному путешествию Антона Павловича, иллюстративные материалы почти не использовались.

В редком фонде Хабаровской краевой

научной библиотеки хранятся альбомы фотографий Сахалина, относящиеся к началу 90-х годов, то есть непосредственно к тому времени, когда там побывал А. П. Чехов, среди них наверняка есть и те, которые были знакомы Антону Павловичу.

Неизвестно изменился с тех пор остров Сахалин. Немногие из тех мест, о которых написал А. П. Чехов 85 лет назад, сохранились до наших дней.

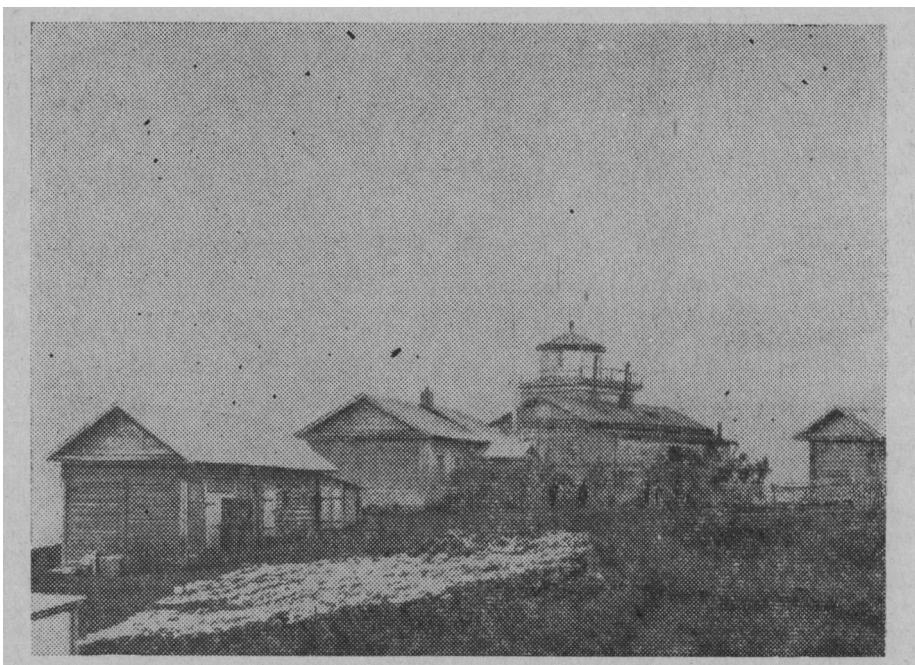
Мы воспроизводим здесь некоторые из снимков Сахалина 90-х годов, сопровождая их меткими чеховскими описаниями.

АЛЕКСАНДРОВСК

«В шести верстах от Дуз на открытом месте уже стояла слободка, была уже на Дуйке тюрьма, и вот по соседству малопомалу стала вырастать резиденция: помещения для чиновников и канцелярий, церковь, склады, лавки и проч. И возникло то, без чего Сахалин обойтись не мог, а именно город, сахалинский Париж, где находит себе соответствующее общество и обстановку, и кусок хлеба городская публика, которая может дышать только городским воздухом и заниматься только городскими делами...

На улицах деревянные тротуары, всюду

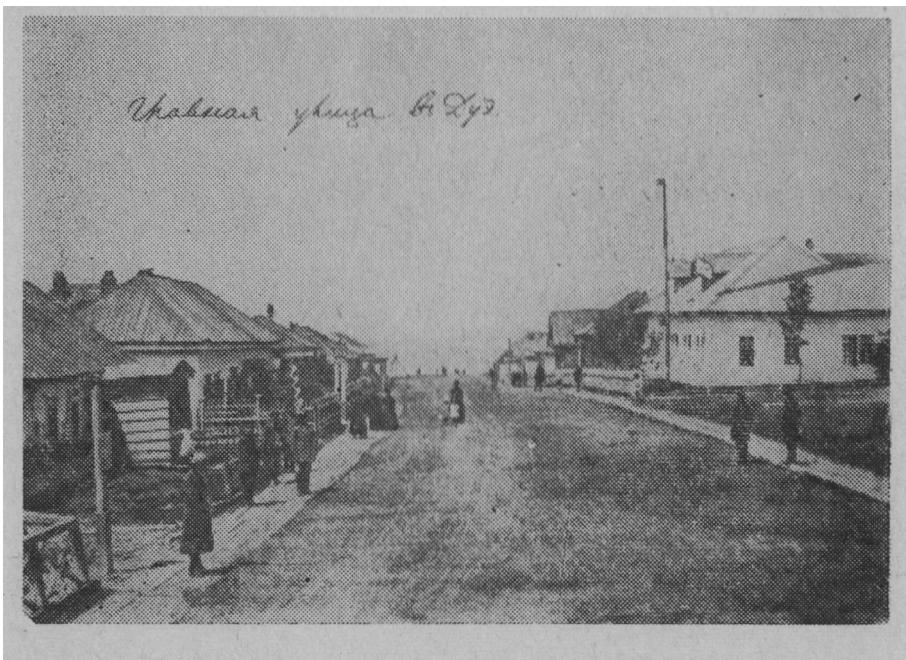

чистота и порядок, и даже на отдаленных улицах, где теснится беднота, нет луж и мусорных куч. Главную суть поста составляет его официальная часть: церковь, дом начальника острова, его канцелярия, почтово-телефрафная контора, полицейское управление с типографией, дом начальника округа, лавка колонизационного фонда, военные казармы, тюремная больница, военный лазарет, строящаяся мечеть с минаретом, казенные дома, в которых квартируют чиновники, и ссылочно-каторжная тюрьма с ее многочисленными складами и материалами.

Чехов отмечает и массу «тяжкого, во-
истине каторжного труда», потраченного
на постройку Александровска «на месте
тайги, трясин и рытвин», «К этой массе
труда и борьбы, когда в трясине рабо-
тали по пояс в воде, прибавить морозы,
холодные дожди, тоску по родине, обиды,
розги — и в воображении встанут страш-
ные фигуры».

МАЯК

«...Чаще всего мы ходили к маяку, ко-
торый стоит высоко над долиной, на мысе

Жонкиер. Днем маяк, если посмотреть на него снизу, — скромный белый домик с мачтой и с фонарем, ночью же он ярко светит в потемках, и кажется тогда, что каторга глядит на мир своим красным глазом. Дорога к домуку поднимается круто, обрачиваясь спиралью вокруг горы, мимо старых лиственниц и елей. Чем выше поднимаешься, тем свободнее дышится; море раскидывается перед глазами, приходят мало-помалу мысли, ничего общего не имеющие ни с тюрьмой, ни с каторгой, ни с ссылкой колонией, и тут только сознаешь, как скучно и трудно живется внизу».

ДУЭ

«Дуз, страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле могут жить только святые или глубоко испорченные люди. ...Дуз, бывшая столица Сахалинской каторги. В первые минуты, когда выезжает на улицу, Дуз дает впечатление небольшой старинной крепости: ровная и гладкая улица, точно плац для маршировки, белые чистенькие домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатления не хватает только барабанной дроби...

В Дуз всегда тихо. К мерному звону кандалов, шуму морского прибоя и гудению телеграфных проводов скоро привыкает ухо, и от этих звуков впечатление мертвой тишины становится сильнее. Печать соровости лежит не на одних только полосатых столбах. Если бы на улице кто-нибудь невзначай засмеялся громко, то это прозвучало бы резко и неестественно. С самого основания Дуз здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать

только в неумолимо-жестоких, безнадежных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поет именно то, что нужно».

РУДНИКИ В ДУЭ

«Добыча каменного угля... производится в версте от поста. Я был в руднике, меня водили по мрачным, сырьим коридорам и предупредительно знакомили с постановкой дела...

Исклучительная тяжесть рудничных работ заключается не в том, что приходится работать под землей в темных и сырьих коридорах, то ползком, то согнувшись... Вся исключительная тяжесть не в самом труде, а в обстановке, в тупости и недобросовестности всяких мелких чинов, когда на каждом шагу приходится терпеть от наглости, несправедливости и произвола... Работа в дуйских рудниках тяжела также потому, что каторжник здесь в продолжение многих лет без перерыва видит только рудник, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его как бы ушла в эту узкую береговую отмель между глинистым берегом и морем».

ПРИКОВАННЫЕ К ТАЧКАМ

«Я был в Воеводской тюрьме... В настоящее время из всех сахалинских тюрем это самая безобразная, которая уцелела от реформ вполне...

В Воеводской тюрьме содержатся прикованные к тачкам. Всех их здесь восемь

человек. Живут они в общих камерах вместе с прочими арестантами и время проводят в полном бездействии... Каждый из них закован в ручные и ножные кандалы; от середины ручных кандалов идет длинная цепь аршина в 3—4, которая прикрепляется ко дну небольшой тачки. Цепи и тачка стесняют арестанта, он старается делать возможно меньше движений, и это, несомненно, отражается на его мускулатуре... Ночью во время сна арестант держит тачку под наручей, и, чтобы это было удоб-

нее и легче сделать, его помещают обыкновенно на краю общей камеры».

СЕЛО РЫКОВСКОЕ

Рыковское... «настоящая серая русская деревня без каких-либо претензий на культурность. Когда едешь или идешь по улице, которая тянется версты на три, то она скоро прискучает своей длиной и однообразием...

Среди селения большая площадь, на ней деревянная церковь и кругом по краю не лавки, как у нас в деревнях, а тюремные постройки, присутственные места и квартиры чиновников. Когда проходишь по площади, то воображение рисует, как на ней шумит веселая ярмарка, раздаются голоса усковских цыган, торгующих лошадьми, как пахнет дегтем, навозом и копченою рыбой, как мычат коровы, и визгливые звуки гармоник мешаются с пьяными песнями; но мирная картина рассеивается в дым, когда слышишь вдруг опустылевший звон цепей и глухие шаги арестантов и конвойных, идущих через площадь в тюрьму».

КОРСАКОВСКИЙ ПОСТ

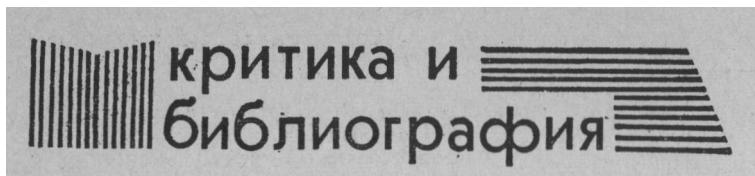
«Корсаковский пост, административный центр южного округа... Лежит он в пади... и с моря видна только одна его глав-

ная улица, и кажется издали, что мостовая и два ряда домов круто спускаются вниз по берегу; но это только в перспективе, на самом же деле подъем не так крут. Новые деревянные постройки лоснятся и отсвечивают на солнце, белеет церковь старой, простой и поэтому красивой архитектуры. На всех домах высокие шесты, вероятно, для флагов, и это придает городку неприятное выражение, как будто он ощетинился...

Главная улица шоссирована и содержитя в порядке, на ней тротуары, фонари и деревья, и метет ее каждый день клейменный старик. Тут только присутственные места и квартиры чиновников, и нет ни одного дома, в котором жили бы ссыльные...

Здесь, как я заметил, и патриархальности больше, и люди консервативнее, и обычаи, даже дурные, держатся крепче».

А. МАСЛОВА.

Дм. ЧИРОВ

А ЦЕЛЬ — ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Творческая деятельность Олега Щербановского продолжается уже более четырех лет: его первые рассказы увидели свет еще в 1948 году, а десятилетие спустя появилась и первая повесть «Солнечное утро», вошедшая в книгу «Дорога через перевал» (Владивосток, 1957). В этой повести нашел своеобразное преломление сложившийся к тому времени богатый жизненный опыт писателя, который в молодости своей познал труд разнорабочего и педагога, моряка и журналиста, нормировщика на судоремонтном заводе и инженера по труду. А начиная с шестидесятых годов книги О. Щербановского одна за другой выходят в московских издательствах, — повесть «Стрелка» (1962), романы «Не оставай надежды» (1965), «Унесенные бурей» (1969), «Ловцы трепантов» (1973).

Уже в повести «Стрелка» О. Щербановский заявил о себе как о писателе с твердо определившимся пристрастием к своей теме. Этой темой стала для него повседневная жизнь дальневосточных моряков. «Стрелка» интересна еще и тем, что в ней писатель впервые для себя обратился к созданию довольно широкого полотна из жизни дальневосточников в тяжкие для всей страны военные годы. И здесь ему удалось главное, без чего обращение писателя к истории теряет всякий смысл, — оставаясь на позиции историзма, взглянуть на прошлое с высоты современности и увидеть в нем прежде всего то, что и поныне не утратило своей актуальности.

Авторская мысль на страницах «Стрелки» бьется над поисками причин, следствием которых бывает более или менее длительное отчуждение человеческой личности от общества, от коллектива. Видя эти причины в неблагоприятных для естественного развития молодого человека обстоятельствах военного времени, автор повести, однако, далек от признания этих обстоятельств фатально непреодолимыми. История девушки-подростка Людмилы Ковровой, попавшей в коллектив экипажа грузового парохода «Беринг», прослежена писателем таким образом, что постоянно ощущаешь самую серьезную озабоченность лучших людей экипажа судьбою Людмилы, тем, как бы помочь ей преодолеть то

чувство отчуждения от коллектива, которое мешает ей ощутить себя полноценным человеком.

Пристрастие к поискам путей, следуя которыми человек обретает самое для него необходимое, — чувство радости жить среди людей и для людей, право ощущать себя органической частицей огромной силы, способной оказывать самое благотворное воздействие на жизнь, — это пристрастие роднит О. Щербановского с теми нашими писателями, сутью творчества которых является пафос современности, а главной целью — стремление содействовать формированию нового человека эпохи развитого социализма.

Одна из характернейших особенностей творческой манеры О. Щербановского — в его самом пристальном внимании к времени, налагающему такой глубокий отпечаток на человеческую личность, что следы его остаются надолго и преодолеть их порою нелегко и непросто. Эта особенность отчетливо просматривается уже в первой его повести — «Солнечное утро». Здесь на первом плане социально-психологические портреты молодых людей двух возрастов: учительнице Зинайде Волынцевой и рабочему рыбокомбината Павлу Карагодину лет по двадцать пять, а ученицам Волынцевой, которых она возглавляет в туристском походе по родному краю, не более семнадцати.

Но Волынцева и Карагодин смотрят на шестнадцати-семнадцатилетних девчушек не столько с высоты своих лет, сколько с позиций обретенного ими жизненного опыта. При этом опыт Волынцевой чисто житейский: пережив в первые месяцы студенческой жизни потрясение от несправедливости со стороны администрации института, она приобрела хроническую боязнь ответственности, и это лишило ее самого необходимого каждому педагогу качества — инициативы, неустанных поисков новых форм воздействия на своих питомцев.

А вот пережитое Карагодином — это уже серьезный жизненный, хотя и не менее, чем у Волынцевой, горький опыт. Испытав на себе силу коварства близкого ему человека — любимой женщины, Карагодин не утратил веры в добрые начала жизни, он лишь навсегда расстался с юношеской восторженностью и наивностью. Во время общения с воспитанницами Волынцевой Карагодин стремится помочь им в

формировании здравого взгляда на жизнь — без страха, но и без заносчивости перед нею.

Писатель обнажает в повести те обстоятельства, что в известной мере надломили душевые силы Волынцевой и Карагодина, и выносит им вполне заслуженный, суровый приговор. Повесть «Солнечное утро» не утратила своей актуальности, потому что положенный в ее основу конфликт обращен не в прошлое, а в будущее. На всем ее протяжении писатель заставляет нас волноваться над актуальнейшим и для нашего времени вопросом: какими станут завтра нынешние семнадцатилетние — такими честными, трудолюбивыми, с самим серьезным и ответственным отношением к жизни, наделенными обаянием скромной застенчивости, как Майя Грибова, или же такими самонадеянными, избалованными чрезмерным к себе вниманием и потому беззастенчиво эгоистичными, как Кира Замышляева?

Причина не утраченной повестью «Солнечное утро» актуальности еще и в том, что в ней писатель четко определил и свою концепцию жизни, и свое пристрастие к определенному типу людей, вызывающих у него чувство глубочайшей симпатии. Видя в торжестве добра наиболее естественное состояние нашей жизни, он ополчается здесь не против «зла вообще», а против вполне конкретного и наиболее опасного зла, — того, с которым иногда перестают всерьез бороться, нередко принимая его даже за некий феномен житейской добродетели. Вот такой феномен и являет собой в повести Кира Замышляева, перенявшая от своих родителей философию преуспевающих ловкачей, для которых ценности моральные: честь, совесть, человеческое достоинство, гражданский долг, верность в дружбе и любви — вовсе не обладают свойством неразменности. Они спекулируют этими ценностями с такой же легкостью, с какой привыкли и наловчились добывать всевозможные материальные блага.

Обнажая вредоносную суть тех корней, что питают самоуверенную эгоистку Киру Замышляеву, неизменно отравляя ее сознание, писатель не скрывает того, насколько трудно возвратить подобных Кире на стезю чести и благородства: ведь даже ощущение пустоты вокруг себя не сразу отрезвляет ее, ибо и в пустоте этой Кира обвиняет не себя, а тех, кто якобы постоянно завидует ей и потому старается выставить ее в наихудшем свете.

В контексте всего творчества О. Щербановского характер Кирьи Замышляевой представляется мне тем началом, которое найдет свое продолжение в целом ряде психологически родственных этому характеру фигур, запечатленных на страницах его последующих книг. Интересно, что фигуры эти, обладая каждой своим индивидуально неповторимым характером, исполняют в произведениях О. Щербановского довольно активную функцию — каждая из них обогащает жизненный опыт попавшего

го на какое-то время в сферу ее притяжения молодого человека, укрепляет в нем качества борца, активную жизненную позицию.

В повести «Новая цефеида» (Владивосток, 1963) подобная Кире Замышляевой фигура представлена в облике ученого астронома Юрия Пресняка. Обладая талантом очаровывать впервые встречающихся с ним людей эрудицией и мнимым бескорыстием своих научных поисков, умея на какое-то время привлечь их к себе тонкой лестью и обещанием помочь в осуществлении заветной мечты, Пресняк без зазрения совести использует их добрые чувства к себе в своеобразных целях, которые в общем-то не идут у него дальше упрочения своей карьеры.

Справедливо бичуя в фигуре Пресняка ненавистных ему карьеристов, О. Щербановский, как мне кажется, настолько чрезмерно стутил краски, что фигура эта порою утрачивает реальные очертания задуманного автором интеллигентного корыстолюбца и превращается чуть ли не в патологического злодея, которому длительное время удается держать в состоянии парализующего здравый рассудок страха перед собою такого мудрого и безукоризненного честного человека, каким показан в повести старый садовод-мичуринец Андрей Крамар.

Причина же столь чрезмерного сгущения красок в том, что писатель не сумел здесь найти художественно убедительного решения взволновавшей его проблемы: роль Пресняка в мире ученых настолько зашифрована интересами узко специальными, близкими, пожалуй, только астрономам, что не понимающему тонкостей астрономии читателю трудно разобраться в причинах его неправоты, тем более, что Пресняк активно вторгается в такие сферы науки о звездных мирах, вокруг которых среди ученых не прекращаются споры. Когда же к научным грехам Пресняка приспосыпаются грехи житейские, последние перестаешь всерьез воспринимать, потому что не веришь в гражданскую беспомощность неутомимого и талантливого труженика земли Андрея Крамара — жертвы Пресняка.

Неувязка между замыслом и его исполнением в повести «Новая цефеида» произошла, как мне думается, потому, что О. Щербановский попытался в пределах одного произведения соединить трудносоединимое — жанр не вышедший еще тогда, в начале шестидесятых годов, из моды исповедальной юношеской повести (рассказ здесь ведется от лица двадцатилетнего студента Владимира Крапивина) с жанром повести детективной. И больше всего пострадал от авторского эксперимента центральный персонаж повести Владимир Крапивин. Своей увлеченностью любимым делом он и интересен и симпатичен читателю, а вот его ничем не прикрытое дон-

жуанство не вызывает никаких симпатий. Подумать только — то Лена, то Зина, то Шура. Да к тому же еще и активно проявляемая педагогическая оперативность в отношении Виктора Крамара. Все это вместе взятое создает лишь пестрый калейдоскоп случайных эпизодов, но не производит того впечатления, на которое, по всей вероятности, рассчитывал автор.

Однако «Новая цефеида», при всех ее недостатках, стала такой вехой на творческом пути О. Щербановского, без ориентации на которую ему вряд ли возможно было достичь той высоты, какую явился для него первый роман — «Не оставляй надежды» (М., 1965). Именно этим романом писатель наиболее убедительно заявил о своем пристрастии к теме, которая уже вошла в его прежние книги и стала магистральной в его творчестве вплоть до нынешних дней. Тема эта, если добавить к уже сказанному о ней в начале нашей статьи, связана с трудом, заботами и мечтами тружеников моря, для которых оно и жизненное призвание, и главное поле приложения творческих сил и энергии.

Сравнение романа «Не оставляй надежды» с повестью «Новая цефеида» показывает, насколько выровнялся и окреп писательский почерк О. Щербановского, глубже и тверже определились его гражданские интересы, жизненней и конкретней стали его авторские идеально-нравственные позиции. Обращает на себя внимание прежде всего строгая жанровая определенность романа: если в «Новой цефеиде» реалистическая основа повести размывалась чужеродной для нее струей детектива, то в романе «Не оставляй надежды» буквально все его художественные элементы проистекают из нашей реальной действительности. Более того, действительность, воссоздаваемая здесь писателем, настолько хорошо изучена им, что, читая роман, постоянно ощущаешь его стремление донести до тебя все виденное и пережитое им в самых мельчайших подробностях. Увлеченный этим стремлением, автор, как мне кажется, порою даже забывает о необходимости быть позкonomней в отборе некоторых деталей.

Но самое существенное, что резко отличает «Не оставляй надежды» от «Новой цефеиды», свидетельствуя о зрелом мастерстве писателя, — это почти полное отсутствие прямых авторских оценок откровенно назидательного характера. Фигура профессора Клязьмина, по духу родственная Кире Замышляевой и Юрию Пресняку, дана здесь в ее живой плоти и крови, в окружении самых будничных обстоятельств, которые многое объясняют, но ничего не называют, предоставляя читателю самому разобраться в причинах, под влиянием которых этот человек фактически предал свой талант ученого.

Обратившись к одной из злободневнейших проблем нашей современности, связанной с необходимостью более тесного сближения науки с живой практикой народно-

го хозяйства, О. Щербановский резко обнажает нравственную подоплеку этой проблемы. История молодого ученого Дмитрия Стрыгина, на заключительном этапе работы над своей кандидатской диссертацией убеждающегося в том, что его умозрительно сформулированные выводы и рекомендации (а они исподволь, но настойчиво и методично внушились ему профессором Клязьминым) идут не только вразрез, но и во вред интересам рыбопромышленного производства, с работниками которого он непосредственно общается на протяжении нескольких недель, — эта история связана не просто с преодолением заблуждений, но и с нравственным прозрением человека, набравшегося мужества наступить «на горло собственной песне».

Мучительный процесс переоценки ценностей в течение многих лет казавшихся Дмитрию Стрыгину чуть ли не священными, воссоздан здесь средствами объемной живописи: роман построен таким образом, что почти на всем его протяжении сопоставляются, объясняют друг друга, два временных плана, — прошлое Дмитрия Стрыгина, связанное с историей его сближения с профессором Клязьминым, и его же настоящее, когда в мучительном напряжении делает он, оказывающиеся тщетными, попытки подтвердить свои теоретические постулаты фактами жизни.

Но активную роль в художественной ткани романа играет не только предыстория Дмитрия Стрыгина. Не менее активна здесь и та человеческая среда, с которой сталкивается Стрыгин на протяжении нескольких недель перед предполагавшейся защитой его диссертации, — рядовые рабочие и руководители рыбокомбината.

Особенно живописно сделаны эпизоды на рыболовном сейнере «Палана»: страницы, повествующие о том, как Стрыгин провел целые сутки на борту вышедшей за очередным уловом в море «Паланы», воспринимаются так, будто сам присутствуешь среди членов экипажа этого выдавшего виды судна. И не просто видишь этих людей, а проникаешься к каждому из них именно тем чувством, какое продиктовано автором. А самая симпатичная личность среди «палановцев» капитан Столяров — человек, настолько хорошо знающий свое дело и умеющий ладить с работающими под его началом людьми, что Дмитрию Стрыгину совестно в его присутствии говорить о каких-то своих научных заслугах.

Кратковременное пребывание на «Палане» явилось для Дмитрия Стрыгина тем внутренним толчком, с которого и начался у него решительный пересмотр прежних позиций в научном поиске, приведший его к разрыву с профессором Клязьминым.

Интересно, что история Дмитрия Стрыгина прослежена в романе и в таких ее подробностях, что дают нам живое представление и о его интимной жизни. И хотя встречи с работницей рыбокомбината Люсей вначале воспринимаются Стрыгиным

как легкий, ни к чему не обязывающий флирт, но потом, когда в нем просыпается серьезное чувство, он искренне предлагает Люсю свою руку и сердце.

Однако во взаимоотношениях с Люсей Стрыгин, по замыслу автора, представлен не столько ведущим, сколько ведомым: Люся в романе «Не оставляй надежды» — своеобразное продолжение Шуры Крамар в «Новой цефенде». И с Люсей связана не только самостоятельная сюжетная линия, но и самостоятельная проблема, к которой у О. Щербановского от книги к книге складывается свое отношение, суть которого в стремлении понять чрезвычайно сложный и противоречивый мир современной женщины.

Вглядываясь в Шуру Крамар и Люсию, писатель более всего озабочен тем, как понять кажущееся странным поведение той и другой во время интимных встреч с человеком, вполне достойным искренней любви. Ведь Шура Крамар почти не скрывает своего благорасположения к Володе Крапивину, а Люся отдает весь жар своих чувств Дмитрию Стрыгину, однако и та и другая явно жертвуют собой во имя того, чтобы стать опорой человеку, крайне нуждающемуся в такой опоре: Шура уезжает с Пресняком, а Люся не желает обидеть хорошего парня Геннадия Бубенцова, который, полюбив ее, решительно рвет с былой разгульной бесшабашностью и, подражая капитану Столярову, упорно вырабатывает в себе качества волевого и дисциплинированного моряка.

Безусловно, оправдывая и Шуру и Люсию и тем самым безоговорочно признавая за каждой из них право распорядиться своей судьбой так, как повелевает не сердце, а долг перед жизнью, О. Щербановский делает интереснейшую заявку на утверждение благороднейшей роли женщины в деле живого воплощения принципов нашего гуманизма в практику повседневных взаимоотношений между людьми. Спору нет, Пресняку очень нужна Шура Крамар, а Генке Бубенцову — Люся. Но надолго ли хватит той же Шуры, чтобы, узнав, что за птица этот Пресняк, с помощью ласковых уговоров заставить его изменить свое отношение к людям и к жизни? Да и сумеет ли она, разглядев его в упор, по-прежнему ласкать его? А не разочаруется ли в своем поступке Люся, когда Геннадий Бубенцов через некоторое время совместной жизни с нею станет упрекать ее недавним флиртом с интеллигентным пижоном Стрыгиным?

Хорошо известно, что в жизни нашей немало супружеских пар, мужская половина которых без всякого стеснения признает благородное лидерство жены. И мы можем, положа руку на сердце, сказать: честь и хвала тем нашим женщинам, что помогли и помогают своим мужьям обрести благородные человеческие качества. Но при этом недопустимо забывать, какою ценой завоевывает женщина-жена право

на осуществление своей благородной миссии, какие драмы, не так уж редко гра-ничашие с трагедией, приходится ей преодолевать, сохраняя решимость до конца выстоять в упорнейшей борьбе за очелочевивание самого близкого человека.

Забегая несколько вперед, скажем, что О. Щербановский не забывает об этом. Но он помнит и о другом, — о том, что и женщина порою несет в себе не только бескорыстную доброту и способность к безукоризненному и самоотверженному выполнению долга перед жизнью, но и пережитки глубоко чужой нам морали. Именно власть такой морали превращает иногда женщину в жестокого разрушителя того самого семейного гнезда, создавать и хранить которое она обязана. Тип подобной женщины намечен О. Щербановским в Лизе из «Унесенных бурей» и нарисован во весь ее неприглядный рост в романе «Ловцы трепангов». История Таисии Григорьевны, сломавшей свою собственную жизнь, попортившей немало крови своему супругу Сергею Курлыкину и неимоверно осложнившей отрочество и раннюю юность единственного сына, — эта история не придумана писателем: подобно ей, к сожалению, еще встречаются в нашей жизни, и та горькая непримиримость, какою проникаешься, читая о злоключениях Евгения Курлыкина, заставляет не только задумываться, но и искать средства активной социально-психологической профилактики, способной предупредить и избавлять нас и наших детей от страданий.

Противопоставляя слепо эгоистичную Таисию Григорьевну самоотверженной и бескорыстной Рите, О. Щербановский именно в Рите («Ловцы трепангов») увидел гармонию чувства и долга, тот идеал женщины-жены и матери, которым всегда по праву гордилась наша отечественная литература.

Вернемся, однако, еще раз к роману «Не оставляй надежды». Напряжение конфликта на его страницах связано с еще одной сюжетной линией, которая, к сожалению, в большей части глав находится где-то на периферии его композиции и лишь в самом конце его выводится на передний план и получает совершенно неожиданное завершение. Речь идет о самом активном оппоненте Клязьмина и Стрыгина — Александре Горбунове, человеке, шагнувшем в науку прямо с производства, прекрасно знающем его нужды и делающем все возможное, чтобы наладить самые прочные связи научной теории с производственной практикой.

Задуманный как человек волевой, энергичный, бескорыстный, непоседливый и безукоризненно честный, Горбунов, однако, больше рассказал, чем показан. А его спор со Стрыгиным в конце романа очень уж смахивает на дискуссию по сугубо производственным проблемам, — один из образчиков той очерковой скорописи, кото-

рой иногда грешит О. Щербановский. И скоропись эта является здесь, как и в иных местах романа, следствием того, что автор не проявил должной заботы о том, чтобы облечь данное содержание в такую художественную форму, которая помогла бы читателю глубже почувствовать внутреннее состояние спорящих и «загореться» тем огнем, что по логике вещей должен клокотать в их душах.

Преобладание рассказа над живым, волнующим изображением хорошего человека Горбунова приводит к тому, что и смерть его воспринимается всего лишь как информация о кончине хоть и доброго, но совсем почти незнакомого вам человека, — жалко, конечно, но не ощущаешь того комка в горле, когда читаешь, например, о смерти Аксиньи из «Тихого Дона» или Давыдова из «Поднятой целины» М. Шолохова. Ведь смерть Горбунова, как очень верно подметил в своей рецензии на роман «Не оставляй надежды» Ю. Сенчурков, «выглядит совершенно неоправданной» («Молодая гвардия», 1966, № 10, с. 304). И вся беда в том, что писатель не увидел в гибели своего любимого героя Горбунова самого главного — непоправимой и ничем невосполнимой трагедии, у которой всегда бывают и свои причины и свои же следствия, потрясающие и очищающие наши души от той повседневной грязи и копоти, что порою делает нас недопустимо равнодушными к страданиям и горю своих близких.

Но, по всей вероятности, О. Щербановский и сам хорошо осознал как достоинства, так и недостатки своего первого романа, потому что второй его роман — «Унесенные бурей» (М., 1969) — несомненный шаг вперед в творческом саморазвитии писателя. Здесь с гораздо большей, чем в «Не оставляй надежды», психологической убедительностью выписаны портреты персонажей, глубже выскочены конфликтные ситуации, выразительней стал язык писателя, в котором уже не ощущается неудержимого пристрастия к излишним, не оправданным замыслом подробностям.

Тематически «Унесенные бурей» в какой-то мере продолжают роман «Не оставляй надежды», на многих страницах которого воссозданы трудовые будни работников рыбокомбината, обозначены противоречия, преодоление которых создает то напряжение рабочего ритма, пульс которого ощущаешь в изображении эпизодов в консервном цехе, на плавбазе «Белгород», на борту траулера, где капитаном опытнейший моряк Полетаев, и особенно — в слаженной работе экипажа «Паланы».

Однако по степени художественной выразительности «Унесенные бурей» вне всякого сомнения, намного превосходят роман «Не оставляй надежды». Превосходство его ощущается и в более строгой целенаправленности сюжета «Унесенных бурей» и в четкой жанровой определенности этого романа. Сравнивая роман «Не оставляй надежды» с повестью «Новая цефей-

да», я высказал примерно такую же мысль в отношении этого романа. Теперь, чтобы отвести от себя подозрение в ненужной повторяемости, необходимо дать некоторое уточнение насчет его жанровой природы: та расточительность в подробностях и деталях, о которой упомянуто выше, вовсе не причуда О. Щербановского, а естественное следствие того, что Щербановский — романист еще не всегда умел заглушить в себе очеркиста, и потому стихия очерка нередко врывалась на страницы его первого романа. В «Унесенных бурей» писатель, по всему видно, сумел поставить надежный заслон перед этой стихией, подвергнув жизненный материал такой обработке, какой требует от писателя жанр романа на остро современную тему.

Рука зрелого мастера-художника чувствуется прежде всего в композиции «Унесенных бурей». Положив в основу романа в общем-то довольно характерный для многих наших производственных предприятий и четко обозначенный заглавием случай, происхождение которого связано с выполнением текущего плана, О. Щербановский проследил вначале отношение своих персонажей к этому случаю и, соответственно, роль каждого из них в его реализации, а затем обнажил глубинные причины, прямо или косвенно способствовавшие тому, что обычный случай обернулся страшной бедой.

Сознательным творцом этого случая, приведшего одного из моряков, совсем еще молоденького парнишку, к смерти, а другого — к инвалидности, выведен в романе директор рыбокомбината Меленчук, характер которого представляет собой своеобразный синтез пороков, которые мы наблюдали еще в Кире Замышляевой из «Солнечного утра», в Юрии Пресняке из «Новой цефейды» и в профессоре Клязьмине из «Не оставляй надежды». Но сходство Меленчука с его литературными предшественниками явно ощущается только в одном — в умении до поры до времени подавлять волю окружающих, подчиняя их своей воле. Во всем остальном Меленчук — характер оригинальный, о котором, между прочим, не скажешь, будто он соткан из одних лишь пороков. Не скажешь хотя бы потому, что Меленчук бескорыстен, если не считать корыстю его годами складывавшееся в нем честолюбие.

Литературная родословная Меленчука ведет свою линию скорее всего от шолоховского Макара Нагульнова, а наиболее близкий ему литературный родич — директор завода Поляков из романа Н. Евдокимова «У памяти свои законы». Но, к чести О. Щербановского, Меленчук выглядит художественно убедительней Полякова. Поляков представлен Н. Евдокимовым лишь в его духовно-нравственной сфере, — читая роман «У памяти свои законы», ощущаешь лишь его исковерканную экстремистским честолюбием душу. Меленчук же представлен более объемно: в его прош-

лом нет грехов, которые терзали бы его сердце, и потому он так непоколебимо уверен в своей внутренней правоте даже тогда, когда неправ.

Кредо Меленчука как руководителя производственного предприятия предельно простое: «Если вы достигли успеха, никто не станет доискиваться, где и когда вы поступили несправедливо... Но если вы проявите порученное вам дело, вас не оправдает то, что вы были добры и справедливы!» (с. 189). Глубоко понимая, насколько бесчеловечно это кredo, писатель решительно отрицает его всем пафосом своего романа. И в своей непримиримости к сверхлевым руководителям, которые за делом не видят (или не хотят, не способны видеть!) творящих его людей, О. Щербановский смыкается с такими писателями, как В. Тендряков («Кончина», «Апостольская командировка»), С. Сартаков («Медленный гавот»), Н. Шундик («В стране синеокой»), К. Жилин («Шутиха») и многими другими.

Но характер Меленчука не единственный в романе «Унесенные бурей», именно поэтому он и обрел довольно весомую художественную значимость, Меленчук с его твердолобым волонтиаризмом существует потому, как бы поясняет нам писатель, что его окружают люди наподобие Павла Еркина, — люди, которые недостаток профессионального мастерства, безынициативность и боязнь личной ответственности за порученное им дело (вместо ответственности у них страх перед высоким начальством) возмещают безоговорочным послушанием и механической исполнительностью, что доро же всего ценится руководителями типа Меленчука.

Среди непримиримых антиподов Меленчука выделяется Тимофея Вакулин — характер сложный, противоречивый и потому художественно достоверный. Разудалый рабуха-парень, естественный лидер того микроколлектива, в котором ему приходится вращаться, человек, влюбленный в море, знающий его нравы и повадки и потому не страшась его, готовый ради товарищеской солидарности на самый бескорыстный, а иногда и безрассудный подвиг, — таков Тимофея Вакулин, в котором угадывается что-то от Павла Карагодина из «Солнечного утра» и от Генки Бубенцова из «Не оставай надежды».

И, пожалуй, не будет никакой натяжки, если сказать, что люди типа Тимофея Вакулина больше всего волнуют писательское воображение О. Щербановского, — с ними, с их необыкновенными, порою исковерканными судьбами связан его непрерывный творческий поиск, суть которого представляется постоянно повторяющейся попыткой найти ответы на довольно щепетильные вопросы: почему коверкаются судьбы таких вот людей, что нужно делать, чтобы уберечь их от тяжких срывов и падений?

В «Солнечном утре», рассказав нам историю Павла Карагодина, писатель дал от-

вет на первый из этих вопросов: бескорыстная доверчивость Павла натолкнулась на холодную циническую расчетливость, отчего и поразила его сердце глубокая, трудноизлечимая травма. В романе «Не оставай надежды» О. Щербановский преподнес нам вполне приемлемый вариант ответа на второй вопрос: нравственное возрождение Генки Бубенцова прямо связано с той душевной отзывчивостью, граничащей с самопожертвованием, на которое пошла Люся. А судьба Тимофея Вакулина, сердце которого после длительных мук и разочарований покорила некрасивая Лиза, явилась новым подтверждением того, насколько необходимо, чтобы рядом с такими вот смелыми, отважными, но порою без меры безалаберными парнями находились глубоко любящие их родственные души, без поддержки которых им приходится очень и очень трудно.

Доброе пристрастие О. Щербановского к судьбам людей типа Павла Карагодина и Тимофея Вакулина отчетливо сказалось и в третьем его романе — «Ловцы трепангов» (М., 1973). Роман этот, как известно, получил высокое общественное признание: он отмечен поощрительной премией на Всесоюзном конкурсе ВЦСПС и Союза писателей СССР 1970—1972 годов на лучшее произведение о современном рабочем классе.

Да, в романе «Ловцы трепангов» О. Щербановский поставил перед собой в высшей степени благородную цель (а она у него) как сказано в заглавии нашей статьи, всегда впереди), — исследовать природу самого неприятного конфликта, с которым приходится иметь дело руководителям производственных коллективов, где особенно динамичная миграция рабочих обусловлена множеством самых разнообразных обстоятельств, устранив которые полностью пока что практически невозможно. А мигрируют-то нередко прежде всего люди с исковерканными судьбами, ищущие не столько новых приключений, сколько подходящего для своего взбалмошного сердца пристанища, которое помогло бы уговориться их не в меру прихотливой фантазии. И чаще всего эти люди типа Павла Карагодина и Тимофея Вакулина, особо нуждающиеся в искреннем и добром слове, а еще больше — в честном и здравомыслящем наставнике, способном понять их и повести за собой именно туда, где они сумели бы наконец обрести давно утраченное душевное равновесие и веру в добрые и справедливые начала жизни.

«Ловцы трепангов» — во многом своеобразный итог творческих раздумий О. Щербановского над судьбами людей, по разным причинам теряющих реальное представление о том, что такое гармония мира, потому предпочитающих плыть по мутным потокам житейского моря, целиком полагаясь всего лишь на печально знаменитый русский «авось». Таким людям жизненно

необходимы наставники типа капитана Столярова, Александра Горбунова («Не оставляй надежды») или Владимира Звездарева («Унесенные бурей»). Глубоко понимая это, писатель от романа к роману все настойчивей ищет новые средства воссоздания образа человека, который органически сочетал бы в себе талант умного, государственно мыслящего администратора и такт неутомимого педагога-воспитателя, настойчиво и методично пролегающего путь к совести и сердцу своих подчиненных.

И можно, нисколько не греша против истины, сказать, что характер Сергея Курлыкина, так рельефно выписанный на страницах романа «Ловцы трепангов», является для О. Щербановского той находкой, которую он обрел в результате многолетних творческих поисков, вехи которых уже обозначены мною именами Столярова, Горбунова и Звездарева. Но в «Ловцах трепангов» нашла относительное завершение и другая линия творчества О. Щербановского, начало которой идет от Павла Карагодина («Солнечное утро»), Виктора Крамара («Новая цефеида»), а продолжение — от Тимофея Вакулина («Унесенные бурей»), линия представленная здесь знаменитыми «курлыкинскими головорезами» (См.: «Ловцы трепангов», Владивосток, 1974, с. 92), с которыми Сергей Курлыкин в результате длительной совместной работы на мотоботе нашел общий язык, подчинив их своему доброму влиянию.

Главная сюжетная линия романа «Ловцы трепангов» связана именно с историей о том, как коммунисту Сергею Курлыкину, капитану старенького мотобота и депутату Верховного Совета Российской Федерации, удалось добиться благородных сдвигов в сознании его подчиненных, которых всеобщая мольва заклеймила прозвищем отпетых. Но впечатление о жизненной и художественной правде этой сюжетной линии подкреплено в романе не только индивидуальными портретами циника Юрия Рыкалина, бывшего семинариста и несостоявшегося священномученика Анатолия Бражникова, мрачного типа Мазура, пьяницы Наума Шипко, но и полной волнующего драматизма историей самого Сергея Курлыкина и его старшего сына Евгения. Прослеживая судьбу Курлыкина-старшего, чем-то отдаленно напоминающую недавние судьбы его нынешних подчиненных, среди которых и его старший сын от первого, оказавшегося неудачным брака, О. Щербановский вскрывает перед нами наиболее весомые причины той последовательно осуществляемой напористости, благодаря которой он в конце концов и завоевывает доверие людей, успевших горько разочароваться в жизни.

Говоря о достоинствах романа «Ловцы трепангов», нельзя умолчать еще об одном, весьма знаменательном факте, свидетельствующем о том, насколько обогатился и окреп человековедческий талант О. Щербановского: судьба Сергея Курлыкина прослежена здесь писателем с учетом

сложного диалектического единства противоборствующих в жизни начал, непрерывное столкновение которых есть не что иное, как главнейшая основа бытия каждого из нас.

В Курлыкине-старшем уживаются и победитель и побежденный, но сила его характера оказывается главным образом в том, что побежденный постоянно помогает победителю в преодолении новых и новых рубежей жизни, связанных с исправлением чем-то исковерканных человеческих судеб. В этом, на первый взгляд, странном взаимодействии победителя и побежденного раскрывается глубинная человеческая суть Курлыкина-старшего, не прекратившая своего активного существования и после смерти этого прекрасного человека, ибо лучшее в нем перешло не только в его отрезвевшего от заблуждений сына, но и в тех, во имя спасения которых коммунист Курлыкин спалил свое щедрое к людям сердце.

Бросая общий взгляд на наиболее крупные произведения, вышедшие из-под пера О. Щербановского, нельзя не увидеть, что каждое из них своим особым ручейком вливается в общее русло современной советской прозы с ее настойчивыми поисками путей к познанию жизни народа с целью ее улучшения. Жизнь же эта складывается из бесконечного многообразия индивидуальных людских судеб. А их взаимосвязь и взаимовлияние образуют многослойное содержание тех больших и малых противоречий, в процессе непрерывного столкновения которых вспыхивают искры тех человеческих судеб, что порождают большие и малые пожары разделяющих людей конфликтов.

Одна из характернейших особенностей нашей современной литературы — в непрерывном стремлении писателей разобраться и диалектике наиболее характерных для нынешнего состояния нашего общества социально-психологических конфликтов, чтобы помочь читателям в постижении важнейшей для каждого человека истины, — в чем смысл всего, что творится при нашем активнейшем участии вокруг нас и в нас самих и каким каждому из нас надлежит быть, чтобы не растерять во все убыстряющемся круговороте жизни самого главного, — активного интереса к людям, основанного на неугомонном желании помочь им сделаться красивее, отзывчивей, добрее.

Свой вклад в общее дело советских литераторов вносит и О. Щербановский, книги которого делают свое доброе дело, — учат жить честно, не разменивая свою гражданскую и партийную совесть на мелкие монеты эгоистического тщеславия или индивидуалистического высокомерия.

...Возвращаясь от сколько-нибудь обстоятельного анализа недавно опубликованной повести О. Щербановского — «Тихие меридианы» (1974), — я все же считаю

необходимым заметить, что она, по всей вероятности, явится еще одной творческой вехой на пути писателя к художественному исследованию сложной природы рабочего коллектива, вехой на пути к новым открытиям, которых читатели, доброжелательно воспринимавшие ранее написанные им книги, будут ждать с не менее, чем прежде, доброжелательным интересом.

Солидный писательский опыт Олега Сергеевича Щербановского, результатом которого является его крепнувшее от книги в художественное мастерство, сказывающееся во все более глубоком проникновении в сложный духовный мир наших современников, утверждает нас в надежде на его новые творческие свершения.

■■■

НА ПУТИ К МАСТЕРСТВУ

В освоении эстетических ценностей читатель часто идет проторенными дорогами. Эти дороги ведут к классическому наследию, к стихам и прозе художников, уже имеющих имя.

В книге любимых нами писателей мы находим глубину мыслей, зрелость мастерства.

Труднее пробиться читателям к книге молодого писателя. Особенно к его первой книге, ибо о ней и ее авторе он часто не может знать больше, чем написано в аннотации. Естественно, хотелось бы, чтобы и первая книга молодого писателя отличалась своеобразием подхода к теме, чтобы она была новым, пусть негромким словом в литературе.

Перед нами первая книга Николая Ситикова «О чём поют жаворонки»¹. Ее тираж немалый — 50 тысяч экземпляров. Название книги звучное, многообещающее. Это и заголовок одной из пяти маленьких повестей, составивших книгу.

Жанр, в котором написаны эти пять небольших произведений, автор так и назвал: маленькая повесть. Они более многограны по сюжетному построению, чем рассказ, однако их трудно назвать и повествиями, поскольку повествование ведется чаще всего в одной тональности, что более характерно для рассказа, чем для повести. Но, как бы то ни было, переход через границы жанров никому не возбраняется, а если такого перехода требует содержание произведения, то он даже необходим.

Наиболее сложна по композиционному построению и ближе всего стоит к жанру «повести» первая вещь сборника — «О чём поют жаворонки». Как и в большинстве остальных произведений Н. Ситикова повествует здесь от первого лица. Лириче-

ский герой — ровесник самого автора. То, что автор дает прочувствовать герою: тяжесть военных лет, трудное детство, сурое возмужание — пережито им самим.

Годы войны не прошли бесследно для лирического героя, они всплывают в его памяти, они становятся настоящим каждый раз, когда он навещает Румяные Зори. Герой встречается со своим детством, в котором было мало радостного. Первые послевоенные годы, бесхлебные, голодные. Одна из самых насущных забот деревенских жителей — забота о посевной. Отказываясь от ржаной куты, они сдавали рожь в семенной фонд. Те несчастья и беды, которые принесла с собой война, они смогли вынести благодаря своей человечности. О них рассказывает нам автор.

В аннотации к книге В. Александровский пишет: «Мы видим людей душевно красивых и несгибаемых, освещенных большой нравственной силой». Но, к сожалению, автор иногда декларирует об этих качествах своих героев, а не показывает их, не исследует. Вот, например, Клавка-почтарка, которая решила отдать свой лес для ремонта сгоревшей школы. Почему, собственно, она так сделала? Что ею двигало? Автор не объясняет, он явно торопится сказать о многом и ничего не опустить. Перед читателями один за другим проходят персонажи, во многом похожие, повторяющие друг друга: Пелагея Николаевна, Клавка-почтарка, мать Василька. И в силу этого во многом повесть «О чём поют жаворонки» приобретает характер наброска. В ней мы находим обилие непрописанных по-настоящему мест.

Вторая повесть Ситикова «Розовые кувшинки» написана более светлыми, жизнерадостными красками. Скорее всего автор адресовал ее детям. Это рассказ о том, как два мальчика постигают смысл красоты природы, рассказ об их познательности. И не кажется надуманной острыя ситуация, когда Алешка и Женька становятся участниками поимки расхитителей народного добра. Они мечтают о своем мальчишеском счастье: наловить много рыбы, безнаказанно утащить яблоки.

Ситиков находит образ-символ этого счастья — розовые кувшинки. О розовых кувшинках рассказывает мальчикам хитроватый дед Тимофеев, напоминающий нам и деда Каплю Паустовского, и шукшинских дедов. Розовые кувшинки — образ сказочный. На том озере, где растут такие кувшинки, дед Тимофеев ловит рыбу, и карась ему попадается необыкновенно крупный. Но вот сказка перестает быть сказкой. Чудо имеет очень простое объяснение: «Оно еще спало, это озеро, и дышало на старику сизоватым туманом и ночной свежестью. Просыпалось оно вместе с солнцем, когда первый луч, пробившись через густую зелень листвы, косо падал на прибрежную осоку и постепенно переползал дальше, зажигая розовым огнем кувшинки, потом воду, потом и другой берег». Мальчикам становится грустно от такой простой

¹ Н. Ситиков. О чём поют жаворонки. Маленькие повести. Хабаровск, Кн. изд., 1975.

разгадки тайны деда Тимофеева, но они постигают другое: тайну природы. Вот тогда у них, может быть, впервые пробудилась любовь к ней.

Но это далеко не все, что случилось в тот короткий, насыщенный событиями промежуток времени с Алешикой и Женькой. Они узнали, что бородатый человек с густым басом, который приехал к ним в село, вовсе не поп, а жулик, что Авдеев, колхозный кладовщик, вместе с ним пытался похитить колхозную рожь. Это было новое, что мальчики узнали о теневой стороне жизни. Им было грустно, отмечает автор. Грустно прощаться со сказкой.

Рано или поздно жизнь предстает перед подростком во всех ее трудностях и противоречиях. Видимо, тогда и чувствует человек, что становится взрослее. Автор удается раскрыть через несколько коротких сцен дляящийся годы процесс взросления. Ситиков подходит к решению очень трудной художественной задачи: показуя зарождения личности, становления характера. О важности постановки такой задачи английский писатель Джеймс Олдридж писал: «Должно быть, детство и ранняя юность — лучшая пора в нашей жизни. Те склонности, чувства и реакции, которые в дальнейшем составят основу зрелого характера, складываются рано. Задача писателя — раскрыть этот процесс формирования человека, уловить в них пробуждение, когда мы из детей становимся юношами и девушками, чтобы потом стать старицами и старушками».

В других повестях проза Н. Ситикова становится более аскетичной. Его герой — теперь уже молодой рабочий — не способен на компромисс. Он несколько грубоват, и тем не менее — это образец высокой нравственности. В повести «Радуга весенняя» мы замечаем уже меньше языковых и стилистических огрехов, чем в предыдущих повестях. Автор динамично строит сюжет, он отходит дальше от автобиографического жизненного материала, в большей степени использует художественный вымысел.

Н. Ситиков здесь снова выбирает форму повествования от первого лица. О себе говорить выспренno неудобно даже лирическому герою. И Витька так и старается быть простым и естественным. Но вот к Витьке пришла любовь. Она пришла к нему неожиданно, вдруг, с первого взгляда. И Витька впадает в умиление.

Герой Н. Ситикова повзросел, но прозе автора пока еще не хватает мужественной простоты.

Герои чисты, их отношения безупречно нравственны. Заранее ясно, что Витька и Наташа выдержат любое испытание, но автор им устраивает экзамен на высокую нравственность. Витька спасает чуть было не попавшего под поезд ребенка. Наташа, узнав, что ее избранник рисковал жизнью ради жизни ребенка и стал калекой, не бросает его. Такую, с заранее известным концом ситуацию, иначе, чем неоднажды

использованной схемой, не назовешь. Так же, как и в повести «О чем поют жаворонки», о «нравственной силе» героев лишь заявлено, читатель не видит исследования характеров героев, их внутреннего мира. Идеал утверждается не путем столкновения характеров, а решением схематических построений.

Могла бы стать интересной повесть Н. Ситикова «Сложный знак». Со знанием дела выписан быт геологов, занимательны сами по себе вставные анекдоты о Сене, который по неведению курил лосиный кизяк, о Михаиле, который «прикипал на ночь ухо полотенцем, чтобы не торчало». Правдиво написан и эпизод, где вездеход проваливается в трясину, и Сеня Кошелкин чуть не погибает. Но это отдельные удачные мазки. Картины цельной не получилось.

Каждая из сцен — это лишь более или менее удачно выписанная зарисовка, которая, однако, существует сама по себе, не создавая развития действия. Взять хотя бы сцену с вездеходом. Эпизод раскрывается лишь как случай, интересный тем, что чуть не кончился трагедией. Такой случай мог произойти и с любым другим персонажем. Автор этим эпизодом лишь показывает, что жизнь геологов опасна и чревата всякими неожиданностями. В романе Станислава Балабина «Золотая жила» (печатался в журнале «Дальний Восток») есть аналогичный эпизод. Заместитель начальника участка Супарев тоже угодил на бульдозере в польню, но случай с Супаревым не результат стечения случайных обстоятельств. Автора интересует не сама по себе трещина во льду, в которую провалился бульдозер, не просто драматическое событие. За этим событием стоит драма характеров, трещина между Супаревым и людьми. Именно с ним — несколько самонадеянным, тщеславным, но в то же время способным и рисковать собой, должно было это произойти. И ненужный риск Супарева и боязнь потом оказаться в смешном положении — все это ярче проявляет характер героя.

В повести «Сложный знак», как и в «Радуге весенней» Н. Ситиков затрагивает тему любви, которая все же прозвучала так же инфартильно: «Глянул на фото размером шесть на девять, и сердце Вансита, должно быть, мурашками покрылось: необычайно красивая женщина глядела на него с фото».

Повесть «Зеленая улица» во многом повторяет «Радугу весеннюю», хотя речь идет совсем о другом. Павлик — это тот же самый Витька, только теперь он не осматривает поезда, а работает на паровозе кочегаром. У него тот же самый лексикон, так же высока проба его морали. Правда, проверяется она по-другому, более упрощенной схемой.

Постижение профессии, очень трудная физическая работа, после нее учеба в школе, дружба с Максимом, которая помогает Павликову бороться с трудностями — это

дорога честного человека, человека-труженика, дорога прямая, не вызывающая сомнений. Нет в повести конфликта, поэтому высоко нравственное не обладает потенциалом действенности.

Часто первые книги начинающих авторов несут на себе печать автобиографичности. Насколько интересен жизненный материал, настолько и интересна книга. Но людям, прожившим интересную жизнь, не всегда удается написать столь же интересную книгу. Чтобы трансформировать жизненный материал в художественные образы, нужно мастерство. Часто вот такого мастерства не хватает Н. Ситикова. Если в «Розовых кувшинках» ему удалось сделать маленькое открытие, найти Образ-символ, которому подчиняется вся образная ткань повествования, то в других повестях он строит рассказ на довольно шаблонных образах, ситуациях.

Война Федора сделала калекой («О чём поют жаворонки»). Он видит трактор, на который, вероятно, ему никогда не сесть. «Глаза были грустные и тоскливые, — описывает его портрет автор, — как у подбитого журавля, который остался на земле, а его стая полетела дальше».

Вряд ли можно назвать свежей находкой вот так описанное переживание? С давних пор прижились в литературе образы этаких мечтателей полетать. Это люди с претензией на возвышенные чувства, на экспрессивность духовной жизни. Они сетуют, что человек не птица, что крыльев нет у него, но все равно они готовы «взмахнуть руками» и улететь...» Таким образом писатель не идет дальше банных образов — вот тогда его герои и пытаются «лететь...» и не могут.

Неискоренимое желание улететь, полететь живет во многих персонажах Ситикова. Выпускники школы — это птенчики, которые «пробуют в гнезде свои крыльшки», мечтают полетать Женя и Алешика — персонажи повести «Розовые кувшинки». Именно вот так: «взмахнуть руками и полететь». Да, последователей у Катерины Островского немало. Ну, а сколько еще было и будет в литературе этих несостоявшихся «летунов».

Желание полетать чувство трудновыразимое, сложное. Для более простых переживаний у автора имеются более элементарные заготовки: задумчивость — одной рукой человек подпирает голову, другой барабанит пальцами по столу; озадаченность — человек расстегивает пуговицы гимнастерки, причем две — ни больше ни меньше.

С другой стороны, в повести есть очень яркие строки. В них веришь, они запоминаются, но все же и они вызывают сомнение. Имеют ли они право быть компонентом литературного произведения? «Скудно живется. Вот дед Простомолотов свою собаку обсмолил на костре, как поросенка, и съел».

Пять маленьких повестей — первая книга Н. Ситикова. По ней трудно судить о

его потенциальных возможностях. Еще не нашел он своего отношения к поднимающим им темам, еще не определилась его проза в берега, называемые стилем писателя. Пока налицо только поиски, проба пера. То есть работа, а не ее итог.

Ю. БРИЛЬ.

■ ■ ■

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

Творчество мансийского поэта и прозаика Юvana Шесталова знакомо не только советскому, но и зарубежному читателю: его произведения переведены на ряд языков народов СССР, а также на английский, немецкий, французский, венгерский, финский и другие языки. Признание и популярность пришли к нему в середине шестидесятых годов, после опубликования лирической повести «Синий ветер каслания» (1964), когда писателю было двадцать семь лет. В настоящее время имя автора книг «Пойте, мои звезды», «Когда качало меня солнце», «Языческая поэма», «Югорская колыбель» по праву стоит в одном ряду с именами известных представителей литературы народов Севера — Юрия Рытхзу, Владимира Санги, Григория Ходжера, Ивана Истомина.

Новое произведение Юvana Шесталова — «Шаг через тысячелетия»¹, изданное в серии «Страницы истории Советской Родины» издательством политической литературы, — его первая публицистическая книга, в которой выражено стремление осмысливать путь, пройденный народами Севера за годы Советской власти от патриархально-родового строя к социализму, показать социальное, политическое и культурное возрождение. «Это моя новая книга, — пишет автор, — тоже о родном Севере, о человеке северного сияния, о его пробуждении от векового сна и о роли книги в его жизни».

Книга Шесталова представляет своеобразный сплав мемуаров, публицистики и художественной прозы. С точки зрения специфики и характера раскрытия темы мансийский писатель своеобразен и самобытен: его произведение отличается лиричностью и глубиной, эмоциональностью, искренностью чувств и переживаний, оригинальностью художественных образов и деталей. Почекрк Шесталова-поэта ощущается и в этой книге: каждое анализируемое явление он рассматривает прежде всего глазами поэта, стремясь придать ему поэтическое освещение и собственную художественную интерпретацию.

В книге история родного народа писателя соотнесена с судьбой самого автора,

¹ Юван Шесталов. Шаг через тысячу лет. М., Политиздат, 1974.

Размышляя о времени и людях своего поколения, он говорит: «Их жизнь близка мне: все мы родились в тайге и росли в одинаковых берестяных люльках, и у всех у нас одни и те же думы — о своем народе, его прошлом, настоящем и будущем». От имени этого поколения, чье детство проходило в трудную военную пору, и повествует мансийский писатель.

Есть в книге «Шаг через тысячелетия» особенно заветная и дорогая для автора тема — преображение сознания народов Севера, развитие их искусства и культуры. Сами понятия «грамота», «книга» и «литература» возникли у народов Севера только в тридцатые годы. И недаром в молодой северной поэзии тех лет отношение народа к ним передавалось такими эпитетами, как «золотая грамота», «серебряные книги». «Человек северного сияния», — пишет Юван Шесталов, — подружился с книгой. Благодаря ей он в сказочно короткий срок освободил душу от языческих поверий каменного века и стал оснащать ее культурой, накопленной человечеством».

Устремляясь к новым открывшимся ему горизонтам человеческой культуры, мансийский писатель не порывает и с той почвой, которая в значительной мере питает его творчество — фольклором своего народа. «Некоторые, — пишет он, — утверждают, что время сказок прошло, и признаком истинной зрелости считают произведение, где жизнь освобождена от сказочного слога. Разве это мнение справедливо? С каких пор удаление от фольклора, в котором собрана народная мудрость, стало признаком истинной зрелости?» Справедливость этого высказывания Юван Шесталов подтверждает опытом собственного художественного творчества, в котором стихия богатого народного эпоса манси органически слилась с традициями русской и советской литературы.

Тема культурного пробуждения, социального и нравственного возрождения народов тайги и тундры в книге Шесталова объединяется с темой революции и ленинской темой, потому что с именем Ленина у народов Севера связана новая страница их национальной истории, их социалистическое настоящее и коммунистическое будущее. За несколько десятилетий они прошли путь от патриархально-родового строя к социализму, выдвинули из своей среды политических и общественных деятелей, вырастили свою научную, техническую и культурную интеллигенцию, создали искусство и литературу. Новая жизнь народов тайги и тундры осуществляется в их сознании с именем вождя, поэтому ленинская тема в молодых северных литературах возникает естественно и органически уже на раннем этапе их существования.

«У народов Севера, — пишет Шесталов, — есть легенды, в которых говорится, что Ильич побывал в их краю, заходил в чумы и юрты, беседовал с рыбаками, охотниками, оленеводами. Он создавал первые колхозы, зажигал электрический свет

в дымных жилищах, строил больницы и школы».

В главах «Ты будешь крылатым» и «Когда поет река» писатель рассказывает о большой роли вождя революции в жизни и судьбе родного народа. В повествование он вводит строки своего поэтического «Сказа о Ленине», созданного в фольклорных традициях.

Есть в книге и тема ленинского света. Автор воспроизводит жизненный эпизод, о котором рассказывала в 1924 году тобольская газета «Северянин»: «Мелькнул выключатель. Ярким светом залило зал. Все ахнули, зашумели. Подходили к проводам, осторожно трогали руками».

Каждый вечер зыряне и остыки собираются в избушке и говорят, говорят по-своему. Повернут выключатель — темно. Сильнее заговорят, опять зажгут свет — улыбаются, как дети... Потом на собрание пришли. — Этот свет послал большой человек — Ленин, — сказали им. — А, а! Ленин!..» Эту сцену писатель заканчивает словами: «Лампочка Ильича осветила полярную ночь в умах и сердцах людей Севера. Она явилась прекрасным агитатором за Советскую власть».

Путь человека Севера в новый мир Юван Шесталов связывает с благотворным влиянием русской науки и культуры, с деятельностью русских учителей, писателей, ученых. Он с уважением и благодарностью называет имена писателя Т. Семушкина, фольклориста и литературоведа М. Воскобойникова, языковедов Г. Меновцикова, П. Скорика, Л. Беликова и некоторых других, сыгравших большую роль в развитии науки и культуры народов Севера, в становлении их самосознания. «Раньше мне казалось, что рыбаки и охотники — самые мудрые люди на земле. Лес, небо, медведи, соболи, осетры — это главное, что есть в этом мире. Моя деревня — центр земли. Большие люди на ней — манси, как среди светил — Солнце, среди рек — Обь, среди рыб — осетр...» От такого полузыческого представления о мире человек Севера за годы Советской власти поистине «шагнул через тысячелетия» в своем духовном, культурном и нравственном развитии.

В главе «Город, давший нам крылья» мансийский писатель размышляет об огромной роли Ленинграда, ставшего с середины двадцатых годов центром подготовки национальных кадров интеллигенции народов Севера. Для него Ленинград — «город... пробуждения», «сказка... юности», «новый чудесный чум». С пребыванием и учебой в городе на Неве писатель связывает не только свое пробуждение «от тысячелетнего сна», но также духовное и нравственное возмужание многих других писателей Севера.

В книге Юvana Шесталова порою проза сменяется стихами, стихи — опять прозой. Однако и проза у него эмоциональна и поэтична: «Вон горит костер. Звезды падают на землю. Искры летят в небо. Лишь

люди неизменно остаются у костра. Там их песни, сказки и тихий сердечный разговор. Там поют сердца, там они добреют, становятся богаче. Сердца ведь тоже могут петь и летать. Говорят костер, говорят люди...» Такие лирические зарисовки в книге встречаются довольно часто, особенно когда писатель говорит о природе родного края.

Размышляя о новом искусстве народов Севера, автор приходит к мысли, что корни его «глубоко народны». Народность характерна и для творчества самого Юvana Шесталова.

Книга «Шаг через тысячелетия» не отличается законченностью и стройностью композиции. Она фрагментарна и мозаична. Однако ее мозаичность не помешала автору показать некоторые грани новой жизни «человека северного сияния».

Ю. ШПРЫГОВ.

■ ■ ■

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Расширение исследовательских работ по истории Северо-Востока объясняется прежде всего возрастающим интересом к Магаданской области и сопредельным территориям. Среди таких работ событием можно назвать появление книги «Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917—1972». Редакционная коллегия: А. Д. Богданов (руководитель), Н. Л. Белова, И. С. Гарусов, Г. Н. Киселев, Э. К. Куртаева, Ф. Н. Ловагин, М. Р. Максименко, Б. И. Мухачев, С. П. Нефедова¹.

Название книги-летописи само говорит за себя. В хронике читатель найдет печать небывалых преобразований Крайнего Северо-Востока страны, «могучую силу и энергию которым дала Великая Октябрьская социалистическая революция. В скучных сообщениях книги — горячее биение пульса времени, героизм и мужество большевиков, светлое, бескорыстное служение великим идеалам революции сотен и тысяч северян, посланцев всех республик и областей. Страны Советов, отдавших свою энергию, свои силы во имя того, чтобы новая жизнь согрела и преобразила самый отдаленный край страны».

Эти строки имеют, на наш взгляд, право стать путеводителем по страницам книги, включающей на своих страницах 2300 фактов и событий из жизни области, ее прошлого и настоящего. Незаурядность книги прежде всего в том, что хроника

является первой работой по истории Магаданской области, которая дает научную периодизацию пути, пройденного одной из самых молодых областей Российской Федерации. Это является заслугой коллектива авторов. Вопрос о подлинно научной периодизации является важнейшим среди методологических вопросов историко-партийной науки.

Принятая в хронике периодизация дает возможность не только понять имевшие место общественные явления, но и проследить, как с изменением конкретно-исторических условий вставали и решались новые политические и хозяйственные задачи, совершенствовалась практика руководства социалистическим и коммунистическим строительством. Важная роль в этом принадлежит вступительным статьям к разделам книги.

Книгу открывает дата 25 октября 1917 года, а заключает ее декабрь 1972 года, когда Советский Союз отмечал свое 50-летие. В первый раздел вошли события, отражающие борьбу за власть Советов на Северо-Востоке в 1917—1923 годах — от первых ленинских декретов до полного завершения гражданской войны на территории нынешней Магаданской области. Во вступительной статье, дано краткое изложение истории революционных событий на всем Дальнем Востоке и Севере, и это дополняется хроникой.

Второй раздел включает события и факты, относящиеся к периоду восстановления и начала реконструкции народного хозяйства в 1923—1927 годах. Читатель обратит внимание на то, что речь идет в основном о сельском и промысловом хозяйстве, укреплении государственной торговли и постепенном вытеснении частника, о первых шагах культурного строительства, о становлении и укреплении органов Советской власти. Но об индустриальном развитии края свидетельства практически отсутствуют. И это не «забывчивость» составителей хроники, а историческая действительность: развитие промышленности на Северо-Востоке тогда характеризовалось нулем.

Правы авторы, утверждая, что для судьбы малых народов Севера решающую роль сыграли хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная помощь молодого социалистического государства: перераспределение общегосударственных ресурсов, более высокие темпы экономического и культурного развития окраин, наиболее эффективное размещение производительных сил и освоение природных кладовых.

Как свидетельствуют страницы книги, посвященные борьбе за победу социализма в СССР, именно на 1928—1937 годы приходится ряд замечательных побед в промышленном освоении края. И хотя на магаданской земле нет еще памятника самоотверженным геологам-первоходцам — лучшим утверждением их героического труда являются открытые ими россыпи золота и других металлов, позволившие стране уже в предвоенные годы развивать

¹ Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917—1972. Магадан, Кн. изд., 1975.

здесь горнорудную промышленность. Действительный «отсчет», видимо, можно вести с 4 июля 1928 года, когда около поселка Ола высадилась первая Колымская геологопоисковая экспедиция Ю. А. Билибина.

Многие даты и события этого раздела примечательны, почти все они без исключения говорят о пионерах нашего края: это геологи-пионеры, летчики-пионеры, инженеры-пионеры. Да, собственно, время-то было пионерное, и авторы книги сумели сохранить дыхание его. К сожалению, здесь есть и ошибки. Так, летная (на гидросамолете) экспедиция на Чукотку С. В. Обручева в июле 1932 года волей редактора стала просто летней. А Камчатский областной союз интегральных кооперативов в хронике «образован» 1 сентября 1935 года, тогда как интегральная кооперація, выполнив свою миссию для народов Севера (в основном товароснабженческую) в 1936 году была уже упразднена и руководство сельским и промысловым хозяйством Севера начало осуществляться в обычных формах. На деле упомянутый Камчатский областной союз («Интеграл») был образован 31 августа 1928 года, в Петропавловске-Камчатском на съезде потребительских и промысловых кооперативов¹.

То трудовое напряжение, которым жила страна в предвоенные годы, не было исключением и для нашего края. На Колыме и Чукотке в эти годы в строй действующих вступают новые промышленные предприятия. Промышленное развитие Северо-Востока стало фактором, обеспечившим социалистические преобразования хозяйства и быта малых народов. К началу войны на Колыме была завершена коллективизация. И, наконец, на берегу сурогового Охотского моря вырос Магадан, получивший «городские» права Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля 1939 года. Сложившийся промышленный комплекс на территории нынешней Магаданской области заслужил добрую славу в годы войны. Факты и события этого времени зачастую содержат слова: выросло, выполнили, ввели, достигли и т. д.

Лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» на Севере выполнялся с честью. Хроника свидетельствует: 24 февраля 1945 года коллектив Дальстроя был награжден за выполнение заданий правительства орденом Трудового Красного Знамени, почти сорок тысяч тружеников награждены орденами и медалями. Скупые слова хроники, конечно, не смогли во всей полноте раскрыть трудовой подвиг колымчан и патриотическое движение, подхваченное и у нас на Севере по сбору средств в фонд обороны, на строительство боевой техники, в помощь освобожденным от временной оккупации районам. Необходимо попутно заметить, что составители хроники, при-

водя неизвестные ранее факты, не указывают источники в подстрочных примечаниях.

Послевоенную работу по расширению минеральносырьевой базы горной промышленности на Колыме и Чукотке венчает создание 3 декабря 1953 года Магаданской области. Благодаря деятельности областных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций получили дальнейшее всестороннее развитие промышленность и сельское хозяйство, культура. Общественно-политическая жизнь на Северо-Востоке с созданием области стала значительно богаче, насыщеннее.

Очень интересен период 1954—1958 годов, когда активно шел дальнейший процесс формирования областного отряда рабочего класса. Хроника достаточно полно отразила те изменения, которые произошли на Колыме и на Чукотке. Прежде всего это пополнение старых и создание новых производственных коллективов за счет приезда большого отряда квалифицированных специалистов по призыву ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. В области получило развитие движение за коммунистический труд. Ширилась производственная база горной промышленности и обслуживающих ее отраслей. В хронике показано, сколь большое внимание уделялось Центральным Комитетом партии, правительством нуждам молодой области.

Последний период хроники — 1959—1972 годы — это годы всестороннего подъема всех отраслей народного хозяйства на базе преимущественного роста горной промышленности. Но это не значит, что на Колыме и Чукотке не развиваются другие отрасли народного хозяйства. Хроника дает тому убедительные свидетельства.

Рецензируемой книге можно адресовать и ряд существенных, на наш взгляд, замечаний. Так, мы не находим среди разнобrazных фактов и событий из жизни области строк о мужестве, труде магаданских целинников (а многие из них отмечены правительственными наградами), дорожников ударной комсомольской стройки Магадан—Балаганное. Обойдены вниманием итоги социалистического соревнования тружеников Якутии и Магаданской области, городов Якутска и Магадана. Не нашли отражения и трудовые достижения отдельных отраслей, предприятий и их оценка, например, присуждение им передовых знамен, премий и т. д.

Аппарат книги украшают трудоемкие указатели — предметный и именной, — но не менее важен был бы и географический указатель. Имеется ряд погрешностей в тексте хроники, которых можно было бы избежать. Например, Институт сельского Хозяйства имеет две даты «рождения»: 10 июля 1967 года (с. 278) и 14 августа 1968 года (с. 291). На странице 225 утверждается, что в 1959—1972 годах в Магаданской области действовал филиал вечернего политехнического института, а не заочного и другие.

¹ Партийный архив Камчатского обкома КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 126, л. 79.

люди неизменно остаются у костра. Там их песни, сказки и тихий сердечный разговор. Там поют сердца, там они добреют, становятся богаче. Сердца ведь тоже могут петь и летать. Говорят костер, говорят люди...» Такие лирические зарисовки в книге встречаются довольно часто, особенно когда писатель говорит о природе родного края.

Размышляя о новом искусстве народов Севера, автор приходит к мысли, что корни его «глубоко народны». Народность характерна и для творчества самого Юvana Шесталова.

Книга «Шаг через тысячелетия» не отличается законченностью и стройностью композиции. Она фрагментарна и мозаична. Однако ее мозаичность не помешала автору показать некоторые грани новой жизни «человека северного сияния».

Ю. ШПРЫГОВ.

■ ■ ■

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Расширение исследовательских работ по истории Северо-Востока объясняется прежде всего возрастающим интересом к Магаданской области и сопредельным территориям. Среди таких работ событием можно назвать появление книги «Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917—1972». Редакционная коллегия: А. Д. Богданов (руководитель), Н. Л. Белова, И. С. Гарусов, Г. Н. Киселев, Э. К. Куртаева, Ф. Н. Ловягин, М. Р. Максименко, Б. И. Мухачев, С. П. Нефедова¹.

Название книги-летописи само говорит за себя. В хронике читатель найдет печать небывалых преобразований Крайнего Северо-Востока страны, «могучую силу и энергию которым дала Великая Октябрьская социалистическая революция. В скучных сообщениях книги — горячее биение пульса времени, героизм и мужество большевиков, светлое, бескорыстное служение великим идеалам революции сотен и тысяч северян, посланцев всех республик и областей Страны Советов, отдавших свою энергию, свои силы во имя того, чтобы новая жизнь согрела и преобразила самый отдаленный край страны».

Эти строки имеют, на наш взгляд, право стать путеводителем по страницам книги, включающей на своих страницах 2300 фактов и событий из жизни области, ее прошлого и настоящего. Незаурядность книги прежде всего в том, что хроника

является первой работой по истории Магаданской области, которая дает научную периодизацию пути, пройденного одной из самых молодых областей Российской Федерации. Это является заслугой коллектива авторов. Вопрос о подлинно научной периодизации является важнейшим среди методологических вопросов историко-партийной науки.

Принятая в хронике периодизация дает возможность не только понять имевшие место общественные явления, но и проследить, как с изменением конкретно-исторических условий вставали и решались новые политические и хозяйствственные задачи, совершенствовалась практика руководства социалистическим и коммунистическим строительством. Важная роль в этом принадлежит вступительным статьям к разделям книги.

Книгу открывает дата 25 октября 1917 года, а заключает ее декабрь 1972 года, когда Советский Союз отмечал свое 50-летие. В первый раздел вошли события, отражающие борьбу за власть Советов на Северо-Востоке в 1917—1923 годах — от первых ленинских декретов до полного завершения гражданской войны на территории нынешней Магаданской области. Во вступительной статье, дано краткое изложение истории революционных событий на всем Дальнем Востоке и Севере, и это дополняется хроникой.

Второй раздел включает события и факты, относящиеся к периоду восстановления и начала реконструкции народного хозяйства в 1923—1927 годах. Читатель обратит внимание на то, что речь идет в основном о сельском и промысловом хозяйстве, укреплении государственной торговли и постепенном вытеснении частника, о первых шагах культурного строительства, о становлении и укреплении органов Советской власти. Но об индустриальном развитии края свидетельства практически отсутствуют. И это не «забывчивость» составителей хроники, а историческая действительность: развитие промышленности на Северо-Востоке тогда характеризовалось нулем.

Правы авторы, утверждая, что для судьбы малых народов Севера решающую роль сыграли хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная помощь молодого социалистического государства: перераспределение общегосударственных ресурсов, более высокие темпы экономического и культурного развития окраин, наиболее эффективное размещение производительных сил и освоение природных кладовых.

Как свидетельствуют страницы книги, посвященные борьбе за победу социализма в СССР, именно на 1928—1937 годы приходится ряд замечательных побед в промышленном освоении края. И хотя на магаданской земле нет еще памятника самоотверженным геологам-первоходцам — лучшим утверждением их героического труда являются открытые ими россыпи золота и других металлов, позволившие стране уже в предвоенные годы развивать

¹ Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917—1972. Магадан, Кн. изд., 1975.

здесь горнорудную промышленность. Действительный «отсчет», видимо, можно вести с 4 июля 1928 года, когда около поселка Ола высадилась первая Колымская геологопоисковая экспедиция Ю. А. Билибина.

Многие даты и события этого раздела примечательны, почти все они без исключения говорят о пионерах нашего края: это геологи-пионеры, летчики-пионеры, инженеры-пионеры. Да, собственно, время-то было пионерное, и авторы книги сумели сохранить дыхание его. К сожалению, здесь есть и ошибки. Так, летная (на гидросамолете) экспедиция на Чукотку С. В. Обручева в июле 1932 года волей редактора стала просто летней. А Камчатский областной союз интегральных кооперативов в хронике «образован» 1 сентября 1935 года, тогда как интегральная кооперація, выполнив свою миссию для народов Севера (в основном товароснабженческую) в 1936 году была уже упразднена и руководство сельским и промысловым хозяйством Севера начало осуществляться в обычных формах. На деле упомянутый Камчатский областной союз («Интеграл») был образован 31 августа 1928 года, в Петропавловске-Камчатском на съезде потребительских и промысловых кооперативов¹.

То трудовое напряжение, которым жила страна в предвоенные годы, не было исключением и для нашего края. На Колыме и Чукотке в эти годы в строй действующих вступают новые промышленные предприятия. Промышленное развитие Северо-Востока стало фактором, обеспечившим социалистические преобразования хозяйства и быта малых народов. К началу войны на Колыме была завершена коллективизация. И, наконец, на берегу сурового Охотского моря вырос Магадан, получивший «городские» права Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля 1939 года. Сложившийся промышленный комплекс на территории нынешней Магаданской области заслужил добрую славу в годы войны. Факты и события этого времени зачастую содержат слова: выросло, выполнили, ввели, достигли и т. д.

Лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» на Севере выполнялся с честью. Хроника свидетельствует: 24 февраля 1945 года коллектив Дальстроя был награжден за выполнение заданий правительства орденом Трудового Красного Знамени, почти сорок тысяч тружеников награждены орденами и медалями. Скупые слова хроники, конечно, не смогли во всей полноте раскрыть трудовой подвиг колымчан и патриотическое движение, подхваченное и у нас на Севере по сбору средств в фонд обороны, на строительство боевой техники, в помощь освобожденным от временной оккупации районам. Необходимо попутно заметить, что составители хроники, при-

водя неизвестные ранее факты, не указывают источники в подстрочных примечаниях.

Послевоенную работу по расширению минеральносырьевой базы горной промышленности на Колыме и Чукотке венчает создание 3 декабря 1953 года Магаданской области. Благодаря деятельности областных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций получили дальнейшее всестороннее развитие промышленность и сельское хозяйство, культура. Общественно-политическая жизнь на Северо-Востоке с созданием области стала значительно богаче, насыщеннее.

Очень интересен период 1954—1958 годов, когда активно шел дальнейший процесс формирования областного отряда рабочего класса. Хроника достаточно полно отразила те изменения, которые произошли на Колыме и на Чукотке. Прежде всего это пополнение старых и создание новых производственных коллективов за счет приезда большого отряда квалифицированных специалистов по призыву ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. В области получило развитие движение за коммунистический труд. Ширисьла производственная база горной промышленности и обслуживающих ее отраслей. В хронике показано, сколь большое внимание уделялось Центральным Комитетом партии, правительством нуждам молодой области.

Последний период хроники — 1959—1972 годы — это годы всестороннего подъема всех отраслей народного хозяйства на базе преимущественного роста горной промышленности. Но это не значит, что на Колыме и Чукотке не развиваются другие отрасли народного хозяйства. Хроника даёт тому убедительные свидетельства.

Рецензируемой книге можно адресовать и ряд существенных, на наш взгляд, замечаний. Так, мы не находим среди разнообразных фактов и событий из жизни области строк о мужестве, труде магаданских целинников (а многие из них отмечены правительственными наградами), дорожников ударной комсомольской стройки Магадан—Балаганное. Обойдены вниманием итоги социалистического соревнования трудящихся Якутии и Магаданской области, городов Якутска и Магадана. Не нашли отражения и трудовые достижения отдельных отраслей, предприятий и их оценка, например, присуждение им переходящих знамен, премий и т. д.

Аппарат книги украшают трудоемкие указатели — предметный и именной, — но не менее важен был бы и географический указатель. Имеется ряд погрешностей в тексте хроники, которых можно было бы избежать. Например, Институт сельского хозяйства имеет две даты «рождения»: 10 июля 1967 года (с. 278) и 14 августа 1968 года (с. 291). На странице 225 утверждается, что в 1959—1972 годах в Магаданской области действовал филиал вечернего политехнического института, а не заочного и другие.

¹ Партийный архив Камчатского обкома КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 126, л. 79.

Подводя итог, нужно сказать о том, что хроника всегда по своему характеру скучна, она не в состоянии дать ответ на все вопросы, которые возникнут у читателей, исследователей. Но «Историческая хроника Магаданской области» опирается на источники, которые, дополняя историографию Северо-Востока, служат одновременно своеобразным пособием по источниковедению. Факты, приведенные в хронике, наглядно показывают, что жизнь, практика социалистического и коммунистического строительства служат основой для теоретических и практических обобщений. И в этом — одно из достоинств книги.

Г. БУБНИС,
кандидат исторических наук.

■ ■ ■

ПОЛЕЗНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

Еще в 1957 году Хабаровская краевая библиотека (кстати, одной из первых в стране) предприняла выпуск краеведческого календаря знаменательных и памятных дат по Дальнему Востоку. С первых лет своего существования этот ежегодный справочник завоевал признание у лекторов и пропагандистов, преподавателей, работников печати, радио, культурно-просветительных учреждений и оказывал им серьезную помощь в массовой популяризации краеведческих знаний. К сожалению, с 1971 года издание календаря было временно прекращено, и он возобновился только после пятилетнего перерыва уже под другим названием — «Время и события»¹. Есть все основания надеяться, что теперь ежегодник будет выходить бесперебойно.

Календарь, выпускаемый ныне под грифом Зонального совета библиотек Дальнего Востока, открывается кратким предисловием «От составителей» и полным хронологическим перечнем всех местных знаменательных и памятных дат, которые будут отмечаться в 1976 году.

В основной части справочника наиболее значительные события (таковых выделено девять из 155-ти, упомянутых в общем перечне) сопровождаются текстовыми справками и списками рекомендуемой литературы. Среди выделенных составителями мы находим такие важные даты, как: первая русская революция 1905—1907 годов на Дальнем Востоке; начало строительства Байкало-Амурской магистрали; 45-летие планомерного освоения Магаданской области; памятные годовщины, связанные с именами В. М. Головина, А. И. Куренцова, А. А. Фадеева и другие. И все же

круг памятных событий, которые следовало снабдить справками и списками литературы, стоило бы, на наш взгляд, несколько расширить. К их числу, бесспорно, относятся 20-летие Камчатской и 30-летие Южно-Сахалинской областей, 100-летие со дня рождения известного географа Л. С. Берга, много сделавшего для изучения Дальнего Востока, 200-летие со дня рождения исследователя Сахалина Н. А. Хвостова и некоторые другие. Конечно, объем справочника увеличился бы, но это было бы вполне оправдано, ибо названные даты являются весьма значительными. Заметим попутно, что объем ряда календарей отдельных областей (Кировской, Тульской, Читинской, Ярославской) достигает ста и более страниц и, естественно, «норма» зонального, дальневосточного ежегодника (два края и четыре области) должна быть увеличена.

Текстовые справки к датам довольно обширны (в среднем по 3—4 страницы каждая) и написаны квалифицированно, по самым новейшим данным. Этому в значительной мере способствовало, что в подготовке справок принимали участие специалисты: заместитель директора центральной научной библиотеки Дальневосточного научного центра Академии наук СССР Т. Н. Михайлюк и кандидат экономических наук Э. Б. Ахназаров. Безусловно, такая практика привлечения специалистов и научных работников к созданию календаря должна найти широкое применение и в дальнейшем.

Не вызывают каких-либо замечаний и списки рекомендуемой литературы: материалы для них выявлены составителями тщательно и в то же время отобраны и указаны преимущественно книги и статьи из периодических изданий и сборников, имеющихся в фондах массовых библиотек Дальнего Востока. Вместе с тем, думается, было бы целесообразно рекомендовать к датам, наряду с печатными изданиями, и другие виды документальных источников: наиболее ценные архивные материалы, музеиные экспозиции, фотографии, кинофильмы, звукозаписи и прочее.

Неплохо также к отдельным событиям, кроме фактических справок и перечней литературы, давать такие дополнительные рубрики, как: цифры и факты, ссылки на цитаты, указания иллюстративных материалов. Как свидетельствует опыт многих областных, краевых и республиканских библиотек, выпускающих краеведческие календари, включение подобных материалов значительно расширяет возможности использования этих справочников, особенно в организации наглядной пропаганды к знаменательным и памятным событиям (книжно-иллюстративных выставок, библиотечных плакатов, рекламы, стендов и т. п.). Учитывая читательское назначение пособия, отражение иллюстраций и цитат представляется весьма желательным.

Справочник завершается тематическим вспомогательным указателем содержания

¹ Время и события. Указатель-календарь по Дальнему Востоку на 1976 год. Сост. А. Маслова, Н. Савенко. Хабаровск, Кн. изд., 1976.

«Календаря знаменательных и памятных дат по Дальнему Востоку за 1957 год». Поскольку памятные события периодически повторяются, такой «ключ», естественно, будет чрезвычайно полезен в практическом разыскании материалов ко многим знаменательным датам. Правда, при этом в форме дополнительного списка следовало бы указывать и новые публикации, появившиеся по каждой теме в печати последних лет. Кроме того, в каждом ежегоднике, в том числе и в рецензируемом, необходимо помещать вспомогательный указатель всех географических наименований, встречающихся в текстах фактических справок и в списках литературы к датам. В краеведческой работе зачастую приходится использовать сведения не только о краях и областях в целом, но и об отдельных, более мелких территориальных объектах (районах, городах, населенных пунктах, промышленных предприятиях, колхозах, совхозах и т. п.). Во всех подобных случаях географический указатель позволит быстро находить интересующие читателей материалы.

Важное требование, предъявляемое к календарю, — оперативность его издания. Фактически он должен поступать к читателям еще до начала года, иначе целый ряд отмечаемых дат окажется уже в прошлом. Рецензируемый справочник сдан в набор 23 сентября 1975 года, а подписан к печати 9 января 1976 года. Ясно, что издательский цикл должен быть сокращен, а библиотеке следует заблаговременно представлять очередной ежегодник в издательство.

В целом же возобновление календаря знаменательных и памятных дат является хорошим подарком краеведам Дальнего Востока, и, будем надеяться, качество этого полезного издания станет еще более высоким.

А. МАМОНТОВ,
кандидат педагогических наук,
доцент Ленинградского
института культуры
имени Н. К. Крупской.

■ ■ ■

ОБ ЭТОМ НАДО ПОМНИТЬ

Более тридцати лет уже советский народ живет в условиях мира. Последовательно осуществляя Программу мира, принятую на XXIV съезде партии, КПСС и Советское правительство добиваются глубокой перестройки системы международных отношений на основе ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Развернутый план дальнейшей борьбы за мир без войн, без разорительной гонки вооружений разработан партией на состоявшемся недавно XXV съезде КПСС.

Не следует, однако, забывать, что природа империализма не изменилась. Действи-

тельность наших дней дает немало фактов, свидетельствующих о том, что силы реакции и агрессии отнюдь не сложили оружия и упорно стремятся препятствовать позитивным переменам в международной жизни, они хотели бы вернуть мир назад — к худшим временам «холодной войны». В странах Запада протаскиваются новые и новые ассигнования на вооружение, раздуваются еще большие военные бюджеты. Все это представляет несомненную опасность для дела мира и безопасности народов.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, насколько важно объяснить людям реальную обстановку, показать им, как велика тайна, в которой война рождается. Советские историки много сделали для того, чтобы исследовать эту проблему, в частности, ход подготовки второй мировой войны, унесшей десятки миллионов человеческих жизней. Среди многих трудов на эту тему видное место займет и вышедшая вторым дополненным изданием книга «Тайна, в которой война рождалась»¹. Автор ее — доктор исторических наук И. Д. Овсяный, — опираясь на тщательное изучение обширного документального материала, делает обзор событий предвоенных лет, раскрывает ход подготовки империалистами второй мировой войны. И делает он это, надо сказать, блестяще — по глубине и тонкости научного анализа и по форме изложения: книгу читашь с неослабевающим интересом.

Начинается она с описания провокации гитлеровцев, инсценировавших в феврале 1933 года поджог рейхстага, и завершается рассказом о том, что произошло на германо-польской границе, в Глейвице, — рассказом о диверсии международного плана, которая для фашистских орд послужила сигналом военного вторжения в Польшу, явилась началом второй мировой войны. Шесть лет разделяют эти два тесно связанные между собой события. А между ними, как увидит читатель, — множество целестремленно совершаемых действий политиков капиталистических стран по подрыву устоев всеобщего мира, бешеная гонка вооружений, сколачивание фашистской оси, а затем и «треугольника»: Берлин — Рим — Токио, «всплытие» в войну под прикрытием разнужденного антикоммунизма и антисоветизма, массовый фашистский террор. Книга изобилует фактическим материалом, раскрывающим полностью как замыслы держав фашистской «оси», гитлеровской Германии в первую очередь, так и тех западных политиков, которые повторствовали и всячески способствовали укреплению фашистской диктатуры в Германии и осуществлению территориальных притязаний Гитлера, вооружению Германии.

Советский Союз неустанно боролся против надвигающейся мировой войны, выдвинул и настойчиво проводил идею коллектив-

¹ И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась. Изд. 2-е, дополненное. М., Политиздат, 1975.

ной безопасности, предупреждал народные массы и мировую общественность об опасности, которую нес народам фашизм, — делал все возможное, чтобы помочь героическим борцам республиканской Испании, монгольскому народу и труженикам Китая в их борьбе против агрессии японских милитаристов, предотвратить захват Австрии и Чехословакии гитлеровцами. Этим усилиям Советского правительства, борьбе советского народа за мир автор правомерно уделяет так много внимания. Если бы усилия Советского Союза были поддержаны руководящими политическими деятелями Англии, Франции, США и других государств, агрессоры оказались бы в состоянии международной изоляции. Реальное соотношение сил было не в их пользу, фашистским захватчикам мог быть противопоставлен объединенный фронт миролюбивых стран. Этого, как показывает автор, требовали коренные интересы народов всех стран.

«Советские предложения отвечали жизненным интересам народов, — пишет И. Д. Овсяный. — Опыт последующих лет, за который человечество заплатило столь дорогой ценой, говорит о том, что создание системы коллективной безопасности в Европе и на Дальнем Востоке было единственным реальным средством пресечь фашистскую агрессию в самом зародыше. Отвергнув советскую инициативу, мир империализма, раздираемый противоречиями и проникнутый ненавистью к Стране Советов, толкал человечество к новой мировой войне».

В политике правящих кругов держав Запада брал верх их антисоветизм и антисоветизм. Буржуазные политические деятели вынашивали идею удушения Страны Советов руками фашистского вермахта и японской военщины. Одно за другим снимались формальные препятствия на пути перевооружения гитлеровской Германии. Западные страны поставляли странам-агрессорам металлы и нефть, промышленное оборудование для военных заводов да и само оружие — все в надежде, что фашистский агрессор устремится на Восток. Гитлеровская пропаганда намеренно создавала именно такое впечатление о направлении своего удара. «Все, что я делаю, направлено против России», — говорил Гитлер. И западные политики ожидали «похода на Украину», ожидали и тогда, когда они под давлением общественного мнения вели переговоры с Советским Союзом, рассматривая их, однако, лишь как «козырную карту» в своей игре с фашистской дипломатией.

Так создавались предпосылки для предательства дела мира и собственных союзников правящими кругами западных стран. Этой позорной странице в истории дипломатии западных держав автор уделяет много страниц, обнаруживая подоплеку, эгоистические расчеты творцов и вдохновителей так называемой политики «умиротворения» агрессоров. Мастерски набрасывает он портреты мюнхенских «миротворцев», пока-

зывают не только их лицемерие, но и поразительную близорукость. Резко обострившиеся в те годы межимпериалистические противоречия делали неизбежным военный конфликт в капиталистическом лагере. И очень скоро «мюнхенцам» пришлось первыми пожать плоды этой своей неразумной политики.

«Мюнхен: зеленый свет войне» — уже само название главы заключает в себе краткую и точную авторскую оценку соглашения тогдаших правителей Англии и Франции с державами фашистской «оси». Миллионы человеческих жизней и сокрушительный разгром фашистских агрессоров, а затем долгие годы борьбы за укрепление мира понадобились, чтобы добиться государственно-правового признания мюнхенских соглашений недействительными с самого начала.

Следует заметить, что автор книги главное внимание уделяет именно дипломатической подготовке войны. Зачастую она совершалась «вдали от глаз людских»: в тиши кабинетов или в загородных дворцах, подобных имению пресловутой леди Астор, и с самого начала рассчитана была на дезориентацию и обман народных масс. В капиталистическом обществе, указывал В. И. Ленин, вопросы войны и мира решаются ничтожной кучкой капиталистов тайком от самого общества. Рецензируемая книга тем более полезна, что она раскрывает и саму «механику» подготовки войны империалистами, говорит о коварстве врагов мира и изощренности в обмане, зовет читателя к бдительности.

В наши дни буржуазная пропаганда прилагает много усилий к тому, чтобы скрыть ответственность правительства и правящих кругов капиталистических стран за порожденные империализмом две мировые войны. Особенно старательно фальсифицируется история второй мировой войны, всячески скрывается позорная роль тех, кто упорно саботировал продвижение советских предложений о коллективной безопасности. И, разумеется, совершенно умалчивается о тайных, эгоистических расчетах буржуазных политиков, направленных против первой в мире страны социализма, об их бесчестной игре в происходивших в те годы дипломатических переговорах. И, наоборот, нет недостатка в том, чтобы так или иначе бросить тень на позицию Советского Союза, его последовательную миролюбивую политику. Тщательное исследование автором обширного документального материала, его анализ показывают полную несостоительность концепций буржуазных фальсификаторов истории.

Книга И. Д. Овсяного позволит читателю не только правильно ориентироваться в прошлом, но и лучше понять нашу современность. Книга актуальна сегодня, когда ведется борьба за углубление разрядки напряженности, чтобы сделать процесс этот необратимым. Народы делают свои выводы из уроков истории. Напомним, что как раз в эти дни исполняется 35 лет со

дня вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. В жестоких боях с врагом наш народ защитил революционные завоевания Октября, социалистический строй, наголову разгромил гитлеровский вермахт и отборные силы японских милитаристов, до конца выполнил выпавшую на его долю великую освободительную миссию в Европе и в Азии. Коренным образом изменилась расстановка сил на мировой арене в пользу лагеря социализма и мира. Открылась реальная возможность бороться за ограничение вооружений, за разоружение, за то, чтобы исключить войны из жизни человечества. Конечно, путь этот труден и долг, потребует многих усилий, мобилизации всех миролюбивых сил. И, когда сегодня мы слышим голоса тех, кто выступает против результатов общеевропейского Совещания, говорит о якобы односторонней выгоде от разрядки напряженности и предает ее анафеме, вытаскивая вновь пущенные когда-то в оборот Геббельсом подлые домыслы о «коварстве красных», стремящихся якобы «обезоружить» Запад, — не трудно догадаться: ради чего это делается и кому эти люди служат.

История учит, что нельзя предаваться самоуспокоенности и благодушию. Дело мира и безопасности народов нужно отставать последовательно и твердо. Трагедия мировой войны, которая при нынешних средствах массового истребления была во много крат более ужасной, — ни в коем случае не должна повториться!

Н. МИТРОФАНОВ.

■■■

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

О героях гражданской войны на Дальнем Востоке и в Якутии Иване Яковлевиче Строде и Степане Сергеевиче Вострецове написано немало книг. Неоднократно переиздавались центральными и местными издательствами интереснейшие мемуары и самого И. Я. Строда — «В Якутской тайге» и «В тайге», повествующие о борьбе с контрреволюцией в Якутии.

Недавно Государственное издательство политической литературы массовым тиражом выпустило в свет небольшую книгу писателя А. И. Алдан-Семенова «Поход за последним «тигром»». Рецензируемая книга издана в серии «Герои Советской Родины». Она написана в жанре документальной повести и рассказывает о подвигах И. Я. Строда и С. С. Вострецова при ликвидации в якутской тайге и на Охот-

ском побережье последней офицерской банды белогвардейского генерала Пепеляева в 1922—1923 годах.

В первой главе книги речь идет о геромизме небольшого отряда И. Я. Строда при многодневной обороне таежного mestечка Сасыл-Сысы («Лисьей поляны»), в результате чего было остановлено наступление генерала Пепеляева на Якутск. Здесь был предопределенный крах белогвардейской и иностранной авантюры по захвату Якутии и Крайнего Севера-Востока страны. Сильный враг был остановлен, разбит и отброшен к Аяну и Охотску.

Писатель А. И. Алдан-Семенов в своем творчестве многократно обращался к теме гражданской войны. Им написан многоглавый роман (в двух книгах) «Красные и белые», получивший высокую оценку читателей.

Автору книги хорошо удалось показать героизм и мужество бойцов отряда И. Я. Строда, которые уже готовились взорвать себя вместе с врагом, но были освобождены из ледяной осады подоспевшими красноармейцами. Читателю известны многие героические эпизоды этого сражения по мемуарам самого И. Я. Строда. Но и в новой книге они также захватываются.

Во второй главе книги писатель ярко раскрыл незабываемый образ легендарного С. С. Вострецова, прошедшего славный путь от кузнеца до командира корпуса. Ему принадлежит основная заслуга в ликвидации банд генерала Пепеляева и освобождении Охотского побережья в 1923 году. Экспедиционный отряд С. С. Вострецова сыграл важнейшую роль в укреплении Советской власти на Дальнем Востоке.

Однако, отображая в художественной форме исторические события, А. И. Алдан-Семенов допускает ряд неточностей и отступлений от исторической правды.

Например, говоря о наступлении Пепеляева на Якутск в 1922 году, автор пишет, что охотники и оленеводы не поверили воззваниям белогвардейцев, а твердо стали на сторону Советской власти, что явилось важной причиной краха контрреволюционных замыслов белогвардейцев. Это верно. Но ведь основной состав населения южных районов, где развернулась борьба, не охотники и оленеводы-кочевники, а животноводы и земледельцы — якуты. А их враждебное отношение к пепеляевским офицерам в книге не показано.

И дальше (на с. 23) Алдан-Семенов необоснованно пишет, что в Якутии в 1921 году некоторые советские руководители приступили к ликвидации кулаков и тойонов и допустили другие «левашки» ошибки в осуществлении ленинской национальной политики, что якобы привело к мятежам и восстаниям. «Эта политика, — говорится в книге, — вызвала возмущение таежных жителей, по всей Якутии начались мятежи и восстания». На наш взгляд, это серьезная ошибка автора, отступление от исторической правды. Причиной затянувшейся ожесточенной гражданской войны в

¹ А. Алдан-Семенов. Поход за последним «тигром». М., Политиздат, 1975.

Якутии явились, конечно, не ошибки отдельных руководителей, а контрреволюционные выступления якутских тойонов, националистов, белогвардейских офицеров и, главным образом, прямое вмешательство американо-японских империалистов, пытавшихся с помощью белогвардейских генералов и полковников отторгнуть от Советской страны ее Крайний Северо-Восток.

Академик А. П. Окладников в одной из своих статей справедливо подчеркнул: «...Конечно же, классовая борьба в Якутии, такие явления, как контрреволюционный бандитизм тойонов и русских белогвардейцев, не были какой-то вынужденной реакцией на деятельность отдельных представителей Советской власти, якобы чуждых якутской действительности, не понимавших ее. Русский рабочий класс, его передовой отряд — большевистская партия — в трудные для Якутии годы борьбы с тойонами, националистами и белогвардейцами пришли на помощь трудящимся Якутии и героически боролись вместе с ними за власть Советов, за социализм под руководством В. И. Ленина»¹.

Возглавляли Якутскую автономную республику видные партийные работники — секретарь губкома, ныне здравствующий персональный пенсионер Г. И. Лебедев, председатель губчека, член партии с 1905 года, бывший политссыльный А. В. Агеев и председатель Ревтрибунала, коммунист с 1918 года А. Г. Козлов, сыгравшие выдающуюся роль в укреплении Советской власти в

¹ «Вопросы истории». 1975, № 6. с. 60.

Якутии. Они, как и другие партийные работники Якутии, проводили в жизнь ленинскую национальную политику.

Есть в книге и другие довольно многочисленные неточности. На странице 28 сказано, что известный участник гражданской войны в Сибири, легендарный «дедушка» Каландарашвили вступил в ряды коммунистической партии накануне боя с каппелевцами, то есть в конце 1919 года. На самом деле это произошло в январе 1921 года¹. Его проникновенное заявление о вступлении в ряды коммунистов было опубликовано в газете «Ленский коммунар» 15 апреля 1922 года.

Охотский радиотелеграфист коммунист И. П. Полягалов погиб от руки бочкарцев в 1921 году, а в книге он в 1923 году передает охотчанам перехваченные шифровки о красном экспедиционном отряде и торжественно встречает освободителей Охотска.

Список подобных неточностей можно продолжить. И это досадно, потому что книга в целом заслуживает положительной оценки, ее с большим интересом и с пользой прочтет самый широкий круг читателей. Написана книга хорошим литературным языком.

А. ФЕТИСОВ.

¹ А. И. Новгородов. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969, с. 259.

НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

С. Балабин. — ЗОЛОТО — МЕТАЛЛ БЛАГОРОДНЫЙ. Владивосток, Дальневост. кн. изд., 1975. 415 с. Тираж 15 000 экз. Цена 86 коп.

Станислав Балабин — автор ряда известных читателю книг — «Приискатели», «Иду на вы», «Под колесами наледь» и другие. В 1974 году в журнале «Дальний Восток» начал публиковаться его новый роман, вышедший теперь отдельной книгой. Он — о людях золотого прииска.

ГАЛСАМИ МУЖЕСТВА. Владивосток, Дальневост. кн. изд., 1975. 111 с. Тираж 15 000 экз. Цена 16 коп.

Авторы книги — военные журналисты. Свои очерки они посвятили тяжелой и опасной работе отряда кораблей Краснознаменного Тихоокеанского флота в Красном море у берегов африканского континента. В 1974 году по просьбе правительства Арабской Республики Египет советские моряки участвовали в разминировании Суэцкого залива. В трудных условиях работали наши моряки: провокационные действия израильских торпедных катеров и авиации, изнуряющая жара, взрывы мин, которые порой выводили из строя корабль — из всех этих испытаний они вышли с честью. Авторы очерков рассказывают о мужестве моряков, их боевом мастерстве, верности воинскому долгу. Книга иллюстрирована фотографиями участников похода.

В. Комаров. ЗЕМЛЯ У ДВУХ ОКЕАНОВ. Очерки. Владивосток, Дальневост. кн. изд., 1975. 160 с. Тираж 5 000 экз. Цена 24 коп.

Немало дальневосточных дорог изъездил журналист Виктор Комаров, прежде чем создал свои очерки. Герои его — люди сильные и мужественные, часто с необычной судьбой. Врач районной больницы из поселка Палатка Магаданской области Ася Федоровна Жукова-Церетели, бывшая разведчица-радистка, одна из прототипов книги Ю. Семенова «Майор Вихрь». Иван Филиппович Пономарев, учитель по профессии, на затерянном в Ледовитом океане острове Айон сам строит школу для детей оленеводов, а затем становится директо-

ром местного совхоза. Неутомимый человечек, агроном Николай Григорьевич Гутыдзе, в двухстах километрах от полюса холода Оймякона выращивает виноград... Геологи, охотники, капитаны, землепашцы, очень разные по характеру, судьбам своим и возрасту роднятся одной чертой — обостренным чувством долга, преданностью своему делу.

ЗЕМЛЯ, КОТОРУЮ ЛЮБЛЮ. Южно-Сахалинск, Сахалинск, отд. Дальневост. кн. изд., 1975. 172 с. Тираж 50 000 экз. Цена 30 коп.

Открывая эту книгу, читатель ступает на удивительную землю единственной в нашей стране островной области, неизвестную преобразованной трудом советских людей. Сборник представляет собой своего рода популярную географию Сахалинской области. Дан общий географический обзор, описаны флора и фауна островов, отдельная глава посвящена охране редкой сахалинской природы. Краеведы узнают ряд интересных маршрутов, познакомятся с историческими памятниками, историей географических названий. Последний раздел книги составляют записи натуралиста и фенолога. Сборник иллюстрирован многочисленными фотографиями.

Е. К. Мархинин. ВЕЛИКАЯ ТАИНА РАСКАЛЫ. Петропавловск-Камчатский, Камчатск. отд. Дальневост. кн. изд., 1975. 96 с. Тираж 15 000 экз. Цена 17 коп.

Известный ученый, доктор геолого-минералогических наук Е. К. Мархинин в течение многих лет изучал цепь действующих вулканов Камчатки и Курильских островов. Он побывал на самых северных и самых южных вулканах, поднимался на вершины и спускался в кратеры, путешествовал на маленькой шхуне на необитаемые острова. Экспедиции не обходились без приключений. О них уже написана книга «Цепь Плутона», вышедшая в двух изданиях. Новое повествование включает в себя своеобразный дневник путешествий автора — «Двадцать лет на вулканах», ряд занимательных преданий и легенд, а также стихи вулканолога. Мархинин обладает неизуярдным литературным даром. Его книги, написанные на интереснейшем, экзотическом материале, читаются с большим интересом.

МАГАДАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Азарников. МОЛНИЯ И СЕРДЦЕ. Повесть в новеллах. Магадан, Кн. изд., 1975. 62 с. Тираж 15 000 экз. Цена 6 коп.

Лирические новеллы Валентина Азарникова посвящены сугубому детству военных лет. В эти годы на плечи детей пала немалая доля взрослых забот. Но как бы ни было трудно, дети оставались детьми — с их играми и учебой в школе, пионерскими кострами и мечтами о дальних странах. Как бы ни было голодно, холодно, дети не сетовали на свою судьбу, потому что, как и взрослые, верили в нашу победу. Лирический герой Азарникова сталкивается с разными людьми, ему приходится принимать нелегкие решения. И великой нравственной опорой в этих исканиях является память об отце, погибшем на фронте.

Новеллы В. Азарникова публиковались ранее в альманахе «На Севере Дальнем». Настоящая книга — первый итог его литературной деятельности.

В. Юхименко. ПАРОЛЬ «МОСКВА—СОВЕТЫ». Магадан, Кн. изд., 1975, 136 с. Тираж 3000 экз. Цена 28 коп.

Автор книги — историк-краевед, более двадцати лет собирает и изучает материалы об освобождении Северо-Востока от белогвардейцев и интервентов. Важной вехой в борьбе за установление Советской власти на побережье Охотского моря явилась деятельность экспедиции под командованием героя гражданской войны в Приморье М. П. Вольского. Направленный им на западное побережье Камчатки отряд красноармейцев во главе с краскомом Г. И. Чубаровым и комиссаром А. Д. Черновым совершил, казалось бы, невероятное — зимой 1923 года в лютый мороз, пургу, по неизведанным местам в короткий срок преодолел расстояние почти в две тысячи километров, достиг Гижиги и Наяхана и разгромил банду белогвардейца Бочкарева. Этот последний этап гражданской войны на Крайнем Севере запечатлен в книге Юхименко. В ней отражена неразрывная связь народа с партией, с Красной Армией.

Книга представляет несомненный интерес для историков и краеведов.

Г. Б. Жилинский. СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ. Записки участника первых геологических экспедиций на Чукотке. Магадан, Кн. изд., 1975. 207 с. Тираж 30 000 экз. Цена 31 коп.

Книга принадлежит известному геологу Северо-Востока, внесшему весомый вклад в изучение и промышленное освоение Крайнего Севера. В 1938 году двадцатичетырехлетним юношей Жилинский приехал в Магадан, как пишет он сам, «во всею судьбы и по зову сердца», и оказался участником

событий, которые теперь стали уже историческими.

Первые геологические экспедиции к «белым пятнам» на географической карте Чукотки; первые смелые прогнозы ее золотоносности; первая промышленная россыпь, открытая и разведанная в Чаунском районе; новые месторождения олова в Кукононских горах; раскрытие перспектив промышленного Иультинского оловянно-вольфрамового месторождения — вот далеко не полный итог двенадцатилетнего пребывания Жилинского на Чукотке.

В своих записках автор рассказывает об этих незабываемых годах, о тяготах кочевой жизни геолога и радостях первых открытий.

Р. Седов. ОТЛИЧНОЕ ЗАНЯТИЕ — ХОДИТЬ ПО ЗЕМЛЕ. Магадан, Кн. изд., 1975. 142 с. Тираж 15 000 экз. Цена 39 коп.

Это первая книга о туризме в Магаданской области. Написана она мастером спорта по туризму Рудольфом Владимировичем Седовым, исходившим Колыму и Чукотку «вдоль и поперек». Он принимал участие и руководил сложными походами, в которых риски и неимоверные трудности были непрременными, обыденными элементами маршрутов.

Новая книга познакомит с самыми интересными северными маршрутами, посоветует, как преодолеть те или иные природные препятствия, станет неразлучным, добрым спутником каждого туриста. Написал ее не только опытный спортсмен, но и понастоящему любящий, понимающий природу человек. Автор не просто ведет читателя туристскими тропами, он раскрывает неповторимую красоту береговых скал, тихих распадков с журчащими ручьями, зараженных отрогов скальных вершин, затерявшихся в тундре озер. Путеводитель рассчитан на все вкусы и наклонности; интересные маршруты найдет здесь и грибник, и охотник, и рыбак, и краевед.

Л. ЦИНОВСКАЯ.

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Клипель. МЕДВЕЖИЙ ВАЛ. Роман. Хабаровск, Кн. изд., 1976, 400 с. («Библиотека дальневосточного романа»). Тираж 75 000 экз. Цена 90 коп.

Роман Владимира Ивановича Клипеля посвящен разгрому советскими войсками 40-тысячной группировки врага во время Витебской операции в декабре-июне 1944 года. Книга выходит в серии «Библиотека дальневосточного романа» и печатается по изданию «В. Клипель, Медвежий вал. Хабаровск, Кн. изд., 1968».

А. Максимов. КАК Я ЖИЛ В ТАЙГЕ. Повести о природе. Хабаровск, Кн.

изд., 1976. 145 с. Тираж 50 000 экз. Цена 21 коп.

В книгу хабаровского писателя Анатолия Максимова включены ранее публиковавшиеся повести о тайге, ее обитателях, о необходимости дружбы с лесом и животными. Их герои — дети и взрослые, охраняющие тайгу.

В. Шульжик. НОЧНАЯ МУЗЫКА. Стихи для детей. Рис. Л. Сергеева. Хабаровск, Кн. изд., 64 с. (Для младшего и среднего школьного возраста). Тираж 50 000 экз. Цена 20 коп.

Новая книжка Валерия Шульжика включает как новые, так и уже полюбившиеся юному читателю стихи. Они о тайге, о разных обитателях таежных чащ и морских глубин, о действительных, случайных и небывалых происшествиях.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГВАРДИЯ ПЯТИЛЕТКИ. Выпуск пятый. Амурская область, 1975. Очерки. Сост. М. Л. Гофман и В. А. Долговоров. Благовещенск, Амурское отд. Хабаровского кн. изд., 1976. 144 с. с ил. Тираж 2000 экз. Цена 20 коп.

В этом сборнике амурские журналисты продолжают рассказ о трудовых свершениях передовых тружеников Амурской области. В очерках повествуется о тех, кто досрочно выполнил планы завершающего года девятой пятилетки, стал победителем Всесоюзного и областного социалистического соревнования.

РАЗВИВАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ, ПОВЫШАТЬ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ. Сборник, Отв. ред. А. Н. Лапшин. Хабаровск, Кн. изд., 1976. 264 с. («Экономическая библиотечка дальневосточника»). Тираж 3000 экз. Цена 63 коп.

Сборник составлен по материалам зональной научно-практической конференции

«Экономическое образование и коммунистическое воспитание трудящихся», проходившей в Хабаровске в апреле 1975 года, и включает выступления партийных, советских и комсомольских работников, передовиков производства, руководителей предприятий, совхозов и колхозов, ученых и специалистов народного хозяйства, работников высшей школы и учебных заведений, пропагандистов и организаторов экономической учебы. Материалы сборника должны помочь повышению уровня экономических знаний читателя.

Б. И. Солодовников. МАГИСТРАЛЬ И МЕРЗЛОТА. Опыт и проблемы строительства Восточного участка БАМа. Хабаровск, Кн. изд., 1976. 152 с. Тираж 5000 экз. Цена 26 коп.

В работе Б. И. Солодовникова рассматриваются опыт и проблемы строительства железнодорожной магистрали в условиях вечной мерзлоты. Опираясь на многолетние исследования, автор дает интересные рекомендации по сооружению железнодорожного полотна и других объектов, связанных с строительством БАМа.

Е. Кассин, Ю. Муравин, В. Трепцов. У ВЫСОКИХ БЕРЕГОВ АМУРА. Фоторассказ о Хабаровском крае Текст А. Пушкира. Хабаровск, Кн. изд., 1976 Тираж 30000 экз. Цена 11 р, 52 к.

Это подарочный фотоальбом, рассказывающий о городах, природе, экономике и культуре Хабаровского края, дающей представление об его истории и перспективах развития. Составлен альбом из ярких и цветных и черно-белых фотографий. Фотосъемка, составление, макет и художественное оформление осуществлены Е. Кассиным Ю. Муравиным и В. Трепцовым, известными на Дальнем Востоке фотокорреспондентами.

А ЕВГРАФОВ

На потоке—сервизы из фарфора

Изготовление тонкостенного чайного сервиса «Тюльпан» освоено на Артемовском опытно-экспериментальном фарфоровом заводе. Новый комплект оформлен с большим художественным вкусом, красив, удобен в употреблении. В него входят шесть чашек и блюдец, сливочник, сахарница и чайник.

Немногим более десяти лет назад с открытием завода в Приморье была создана новая отрасль производства товаров для народа. Сегодня предприятие выпускает одновременно свыше 30 наименований столовой, чайной и кофейной посуды.

Четыре из них удостоены государственного Знака качества. В их числе сервисы с национальным орнаментом «Камчатка» и «Север».

Высокая марка обеспечивается изделиям за счет современной техники и рационализации производства. В минувшей пятилетке введены в эксплуатацию пять новых поточных линий, здание литейного цеха.

К концу девятой пятилетки завод довел выпуск до 6,7 миллиона фарфоровых изделий в год, вместо трех миллионов по проектному заданию.

«Красное знамя».

ПРАЗДНИКИ МАЛЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В развитии национальной культуры малых народов советского Дальнего Востока большое значение имеют своеобразные фестивали, которые проводятся ежегодно на Сахалине и Нижнем Амуре. На Сахалине праздники проводятся в зимнее время, в феврале-марте, в селении Ноглики; на Амуре же, как правило, летом, в селе Богородское. К празднику тщательно готовятся, продумывают его организацию, программу спортивных и художественно-самодеятельных выступлений.

Особой красотой и привлекательностью на праздниках отличаются спортивные игры и состязания: перетягивание каната, гонка на оленах и собачьих упряжках, стрельба из лука, спортивная борьба.

К подобным фестивалям всегда устраиваются выставки декоративно-прикладного искус-

ства. Нанайцы и удэгейцы демонстрируют национальные халаты, расшитые орнаментом головные уборы и торбаса. Нивхи и ульчи чаще показывают на выставках изящные изделия из дерева и бересты: различной формы коробки, орнаментированные ложки, блюда для приготовления пищи, игрушки, изображающие животных.

Большим событием фестивалей всегда является художественная самодеятельность. Известно, что в прошлом у малых народов народное творчество носило индивидуальный характер. Вырезали различные поделки, национальную посуду, исполняли песни на ритуальных праздниках.

В настоящее время художественная самодеятельность у малых народов Дальнего Востока обрела совсем иную направленность и содержание. Танцы, игры, песни — все характеризу-

ют новую жизнь, которой они живут сегодня. Во многих танцах и песнях своеобразным колоритным языком отражается прошлое народа, его тяжелая жизнь, его многовековые мечты. Контраст прошлого и настоящего, мрак и свет всегда усиливают идеиность многочисленных номеров художественной самодеятельности нанайцев и нивхов, ульчей и удэгейцев, эвенков и орочей.

Праздники малых народов Дальнего Востока являются своеобразным смотром национальной культуры и спортивного мастерства. В далекое прошлое ушли религиозные обряды и обычай малых народов, но осталась народная мудрость, многовековой опыт поколений, умноженные на радость новой и счастливой жизни.

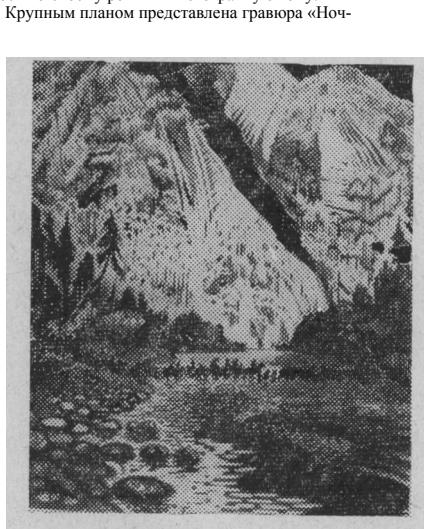
Н. СОЛОМОНОВА.

ГРАВЮРЫ УЧИТЕЛЯ

В Амурском районном народном музее открыта выставка графики учителя рисования первой амурской школы В. Суслова. Три года назад после окончания Хабаровского педагогического института Суслов стал работать в Амурске преподавателем рисования и черчения. Молодой специалист в свободное от работы время занялся гравюрой на линолеуме и деревянных досках. Этот вид станковой графики искусствоведы сравнивают с серьезной классической музыкой.

Действительно, знакомясь с экспозицией работ В. Суслова, видишь силу выразительности скрупульных средств гравюры. В каждом своем графическом решении художник исходит от реалистической точки зрения на мир, стремится подыскать и творчески освоить тему, близкую его родной амурской земле. Об этом говорят уже одни названия представленных на выставке работ: «Сказание о земле амурской», «Река Бурея», «Геология», «Река Селемджа», «Закат», «Деревня на Бурее» и другие.

Сюжет графических композиций смотрятся его работы, в которых отражен Дальний Восток с ранней поры переселенчества и до наших дней, когда на Амуре выросли большие города. Это и есть сказание о земле амурской. В. Суслулу удалось по-своему решить многогранную тему.

Крупным планом представлена гравюра «Ночь в поселке» — гимн индустриальному преобразованию земли амурской. Эта работа тесно связана с такими композициями, как «Переселенцы на новой земле», «Переселенцы. 386-й день пути», «Переселенцы. В пути».

В последних гравюрах живет упорный дух первоходиц, преодолевающих бездорожье, нужду и страх перед неизведанным — тех людей, внуки и правнуки которых построили красивые села и города на земле амурской, покорили ее. А им довелось первыми корчевать лес и рубить дома, первыми хозяевами утвердиться на безлюдной таежной земле.

Красоту родных мест стремится постичь художник в таких работах, как «Деревня на Бурее», «Лунная ночь в деревне», «На Амуре» («Лето, лето») и других. В его пейзажах разливы рек, суроные гривы приамурских хребтов, дивная тайга. Выросший в селе Чекунда, что на реке Бурея, в Амурской области, В. Суслов любовь к родной земле передал в своих работах.

Первая экспозиция работ художника — начало пути в серьезное большое искусство.

А. РЕУТОВ.

Кальмары —

ГИГАНТЫ

В лабораторию по изучению головоногих моллюсков ТИНРО доставлены экспедициями научно-поисковых судов «Посейдон» и «Шантар» несколько уникальных экземпляров редкого вида кальмаров.

Среди них особенно поражает размерами кальмар «моротвистис робуста». Гигант имеет длину около трех с половиной метров. Уникальные кальмары были добыты на глубинах свыше 500 метров. Биологи приступили к детальному изучению редких видов кальмаров.

Б. СВИРИДОВ.
Фото автора.

ТУРУТОРКА

Наше научно-поисковое судно «Бирокан» стояло на рейде близ острова Ионы.

Птицы здесь непуганые. Некоторые, совершенно не боясь людей, стоящих у борта, плавают буквально рядом, под ногами. По-видимому, «Бирокан» они принимают за какой-то вновь появившийся остров. Проносятся у самого носа корабля, туда-сюда, расторопные чайки и сизые, точно голуби, глушицы. Галдеж птичьего базара доносится с острова. С карнизов неприступных башен то и дело срываются бушующие лавины птиц и с пронзительным криком кружатся над водой, чертят виражи над кораблем. На воде копошатся стайки больших коног с кокетливо завитыми сultанчиками на лбах, доверчивые белобровки и целые отряды звездесущих кайр.

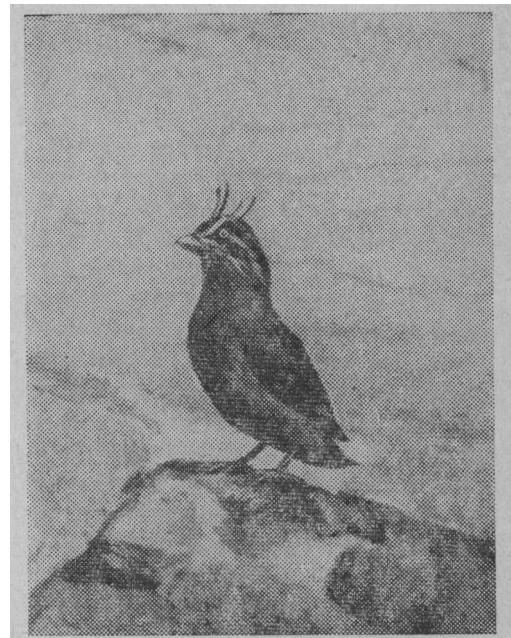
А вечером к стоящему на рейде судну начали подлетать малые коноги, мелкие чистиковые птицы. Они весом-то всего 100—150 граммов. Ослепленные ярким светом, они застали в рубку, садились на борт и даже падали прямо на палубу. Короткие ноги не давали возможности оттолкнуться и взлететь в воздух с пола. Присутствие людей их нисколько не смущало. Сумеречный скрытый образ жизни этих птиц делает их малозаметными среди крикливых чаек и толстушек кайр. Днем малую коногу редко увидишь. Лишь иногда плавают они стайками или в одиночку в море в поисках пропитания. Вообще же, как правило, коноги все светлое время дня сидят где-либо в укрытии на гнездах, насиживая свое одно-единственное яйцо. Тихое, нежное мурлыканье порой доносится откуда-то из-под самых ног. Но самой птицы не видно. «Гнезда» их можно обнаружить лишь по белым струйкам, ведущим к входу под камнями. На каждые сто метров береговой полосы мы насчитывали примерно до 25—30 таких гнезд.

Вечером же в ночное время суток, когда поверхностный слой воды наиболее богат и насыщен всплывшим из глубин планктоном, малые коноги, основные его потребители, становятся более активными и вылетают на промысел. И к тому же делаются очень болтливыми, как бы вознаграждая себя за длительное дневное молчание. Весь вечер они громко и без конца тараторят.

— Турутурка! — называют малую коногу моряки.

Но в сильные и продолжительные штормы, когда зоопланктон не всплывает наружу, малые коноги голодают и вынуждены иной раз кориться чем-либо в прибойной полосе моря. В таких условиях часть птиц даже гибнет.

Внешность ее очень занятна. Вся птица черная, а длинные светлые перья на голове свисают по-

бокам. А одна черная прядь вперед, образуя за-мысловатую модную прическу. Такие же длинные усы дополняют картину. Радужина глаз чисто-белая. Зрачок — точка. Клюв красный.

У каждой птицы своя манера обороняться. Взятая в руки, конога сперва удивленно таращится на человека свои блестящие кукольные глазки, а затем торчком настороживает «кантену» — длинные перья на голове. Как бы пугает. Авось действует? А подброшенная потом вверх беспомощно растворяется в темноте.

В прошлом полагали, что малая конога обитает лишь в южных частях моря Беринга» на Командорских и Алеутских островах и занимает Курильский архипелаг. Но теперь она найдена в Охотском море и обычно гнездится в прибрежных скалах острова Ионы. Причем малая конога, наименее стойкая из всех мелких чистиковых птиц, и как-то умеет противостоять стихии. Держится она у острова Ионы до поздней осени, вплоть до ледостава, и только потом начинает понемногу пропадать к югу.

В. ЯХОНТОВ,
орнитолог.

АРХЕОЛОГИ РАСКРЫВАЮТ ТАЙНУ

Летом 1975 года остров Врангеля стал своеобразной «меккой» для многочисленных научных экспедиций. Географы и ботаники, геоморфологи и зоологи, геологи и геодезисты, кого только не было на дальнем заполярном острове, расположенным на 71-й параллели северной широты. Работали здесь также этнографы и археологи.

Группа, изучающая материальную культуру, возглавляемая заведующим отделом Сибири и Севера Института этнографии Академии наук СССР доктором исторических наук И. С. Гуревичем, провела комплексное исследование у чукчей и эскимосов, которые в конце 20-х годов вместе с русскими зимовщиками были завезены на остров. Долгое время они жили там изолированной от своих материковых сородичей

общиной. Как сложилась судьба этой группы, сохранились ли там какие-нибудь предметы исконно национальной культуры, или они претерпели какую-то трансформацию? Как адаптировалась группа к новым условиям? На эти и другие вопросы в скромном времени можно будет пропечь ответы в научных публикациях.

Археологи из СВКНИИ, руководимые доктором исторических наук Н. Н. Диковым, известным в научных кругах своими фундаментальными исследованиями Северо-Востока страны, которые он ведет здесь на протяжении многих лет, ставили задачей выявить следы древнеэскимосских и чукотских становищ и могильников. Экспедиция уверчалась успехом.

Под толщей земли обнаружены следы палеоэскимосской

культуры, возраст которой по стратиграфическим данным и радиокарбоновому анализу превышает три тысячи лет.

Учеными найдены каменные орудия, которые в отличие от ранее изученных на территории Чукотки отшлифованных предметов носят следы грубой обработки. Находки археологов — каменные топоры, тесла, ножевидные пластины, костяной поворотный гарпун и другие — говорят о том, что три тысячи лет назад на «белом» острове жили древние племена охотников на морского зверя.

Результаты новых исследований на острове Врангеля исправляют бытовавшее до сих пор мнение о том, что впервые он был заселен в двадцатые годы нашего столетия.

А. ШАРОВ.

Тишина

Фото Н. Шкулина

50 коп.

ИНДЕКС
73103